

МИРЫ Г. Л. ОЛДИ

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

**ПУТЬ
МЕЧА**

ФЭНТЕЗИ-АЛЬТЕРНАТИВА

ЭКСМО

Кабирский цикл

Генри Олди

Путь Меча

«Автор»

1996

Олди Г. Л.

Путь Меча / Г. Л. Олди — «Автор», 1996 — (Кабирский цикл)

Под воздействием «железной» воли живых клинков – Блистающих – искусство фехтования и изготовления холодного оружия отточено людьми до немыслимого совершенства. Все вооружены, и все мастерски владеют своими мечами – это ли не залог бескровности многочисленных поединков? И все же покой мира, кажущегося гармоничным, нарушается чередой загадочных убийств. И люди, и Блистающие в шоке – такого не было уже восемь веков!

© Олди Г. Л., 1996

© Автор, 1996

Содержание

Книга первая	6
Часть первая	6
Глава первая	6
1	6
2	7
3	9
4	12
Глава вторая	16
1	16
2	20
3	24
Глава третья	25
1	25
2	27
3	29
4	30
Постскриптум	33
Часть вторая	35
Глава четвертая	35
1	35
2	39
3	40
4	41
5	43
6	45
Глава пятая	46
1	46
2	47
3	49
4	51
5	51
6	52
7	53
8	54
9	55
Глава шестая	56
1	56
2	58
3	58
4	60
5	60
6	61
7	61
8	62
9	63
10	64

11	64
12	65
Часть третья	67
Глава седьмая	67
1	67
2	69
3	70
4	72
5	74
6	76
Глава восьмая	78
1	78
2	79
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Генри Лайон Олди

Путь Меча

– Вот человек стоит на распутье между жизнью и смертью. Как ему себя вести?

– Пресеки свою двойственность, и пусть один меч сам стоит спокойно против неба!

Из разговоров Кусуноки Масасигэ с его наставником

Книга первая

Кабир

Часть первая

Меч человека

*...Вот выносят из подвала,
Из-под дюжины затворов,
Из-под девяти задвижек —
Вот несут навстречу солнцу
Под сияние дневное
Короля мечей заветных,
Битв суровых властелина,
Кузнеца почет и муку,
Сильных рук изнеможенье!..*

Калевипоэг

Глава первая

1

Мы встретились с харзийцем за угловой башней Аль-Кутуна, в одном из тех грязных и узких переулков района Джаффар-ло, которые подобны нитям старого темляка – спутанным и залоснившимся.

Его Придаток стоял прямо у нас на дороге, широко расставив кривые ноги и склонив к плечу голову, украшенную неправдоподобно маленькой тибетейкой. Шитье на тибетейке было мастерское, мелкий бисер лежал ровно и тесно. Руки Придаток держал на виду, и в них, похоже, ничего не было. Обычные руки хорошего Придатка – гладкие и спокойные.

Приближаясь, я прощупал его и сперва не обнаружил Блистающего, равного себе, – ни за плечом, ни на поясе, скрытом под складками чуть спущенного плаща, ни...

Одна рука Придатка подбросила в вечернюю прохладу смятый комок, и тот неожиданно вспорхнул белой кружевной бабочкой, на миг зависшей в воздухе; другая рука легла на невидимый пояс, в пряжке что-то звонко щелкнуло – и освобожденный пояс радостно запел, разворачиваясь в стальную полосу, становясь Блистающим и приветствуя меня ритуальным свистом.

Чужой Блистающий еле заметно лизнул тончайшую ткань падающего платка, и из одной бабочки стало две, а я одобрительно качнулся и вспомнил о том, что рожденные в жаркой Харзе – полтора караванных перехода от Кабира – испокон веков гордятся своим происхождением от языка Рудного Полоза.

И мне стало тесно в одежде – будничных кожаных ножнах, схваченных семью плетеными кольцами из старой бронзы.

Я скользнул наружу, с радостью окунувшись в кабирские сумерки, – и вовремя. Прида-ток харзийца уже приседал, пружиня на вросших в землю ногах, и мне пришлось изо всех сил рвануть руку своего Придатка вверх и наискосок вправо, потому что иначе заезжий Блистающий запросто сумел бы смахнуть верхушку тюрбана моего Придатка, что по Закону Беседы означало бы мое поражение.

Он, видимо, совсем недавно приехал в столицу, иначе не рассчитывал бы закончить Беседу со мной на первом же взмахе. Если даже я и уступал харзийцу в гибкости (а кто им не уступает?), то в скорости мы могли потягаться – и на этот раз не в его пользу.

– Отлично, Прямой! – прозвенел гость из Харзы, завибрировав от столкновения и с удовольствием называя меня безличным именем. – А если мы...

Он зря потерял время. Я отшвырнул болтливого харзийца в сторону, затем легко толкнулся в ладонь моего Придатка, его послушное тело мгновенно отреагировало, припадая на колено, – и я дважды пронзил плащ харзийского Придатка вплотную к плечу и правому локтю, ощутив на себе обжигающее прикосновение чужой и чуждой плоти.

Оба раза я тесно приникал к телу Придатка – сперва плашмя, а потом лезвием, и на хрупкой и ранимой коже не осталось даже царапины.

По меньшей мере глупо портить чужих Придатков, если их так сложно подготовить для достойной службы Блистающим. Впрочем, самоуверенный харзиец мог бы выбрать себе носителя и получше...

...Уже выходя из переулка, я вспомнил, что по завершении Беседы забыл представиться Блистающему из Харзы, и пожалел об этом.

Ничто не должно мешать вежливости, даже занятость или раздражение.

Я – прямой меч Дан Гьен из Мэйланьских Блистающих по прозвищу Единорог.

Мой Придасток – Чэн Анкор из Вэйских Анкоров.

Хотя это неважно.

2

Вернувшись домой, я поднялся в верхний зал, зацепился одним кольцом ножен за крюк и прильнул к любимому мехлийскому ковру, забыв переодеться. Все мои мысли были заняты странной встречей за башней Аль-Кутуна, поэтому слабым внутренним толчком я отпустил Придатка, который тут же вышел из зала, поправив по дороге навесную решетку горящего камина.

Мне нужно было побыть в одиночестве.

Я уже очень давно никуда не выезжал из Кабира, и здесь меня знали достаточно, чтобы не устраивать подобных испытаний, – и уж тем более мало кто рискнул бы вот так, походя, без должных церемоний вовлекать Единорога в шальные Беседы. Такие забавы хороши в юности, когда тело трепещет от избыточной энергии и жажда приключений туманит сознание молодого Блистающего.

Ах, юность, юность, почему ты так любишь спорить и доказывать?... И почти всегда – не вовремя, не там и не тому, кому надо...

В моем возрасте – а я сменил уже пятого Придатка, отдавая предпочтение услужливому и умелому роду Анкоров из затерянного в барханах Верхнего Вэя, окраины Мэйланы, – итак, в

моем возрасте вполне достаточно шести-семи традиционных турниров в год, не считая обычных Бесед со знакомыми Блистающими, случавшихся довольно регулярно.

Пожалуй, чаще других я встречался с Волчьей Метлой – разветвленной, подобно оленьим рогам или взъерошенному хвосту степного волка, пикой с улицы Лоу-Расха, – но она неделю назад увезла своего Придатка куда-то в горы; и, честно говоря, я скучал по Метле, надеясь на ее возвращение хотя бы к середине ближайшего турнира.

Мне нравилось проскальзывать между ее зазубренными отростками. Это было... это было прекрасно. Не то что мой приятель-соперник, вечно фамильярный, как и вся его двуручная родня, эспадон Гвениль Лоулезский, – этот при Беседе так и норовил обрушиться на тебя всей своей тушей, заставляя спешно пружинить и отлетать в сторону; а потом Гвениль удалялся, нахально развалившись на плече двужильного Придатка из породы беловолосых северян и излучая обидное презрение обнаженным клинком.

Я заворочался, вспоминая прошлые обиды. И расслабился, вспомнив, что обиды – прошлые. На недавнем турнире во внешнем дворе замка Бурайя я таки подловил увлекшегося Гвениля на его коронном взмахе, и мое острие легонько тронуло кадык на мощной шее его Придатка – а даже самоуверенный эспадон прекрасно знал цену моего касания.

– Растешь, Однорогой, – разочарованно присвистнул Гвениль, опускаясь вниз и впервые не спеша улечься на плечо замершего Придатка. – Смотри не затупись от гордости...

Я отсалютовал лоулезскому гиганту, и с тех пор частенько вспоминал замок Бурайя и мой триумф.

Но все-таки – откуда взялся этот странный харзиец? Во имя Грозового Клинки – случайность или умысел?! Недавно прибывший в Кабир юный задира или опытный Блистающий, расчетливо пробуя силы наедине, без зрителей?..

...Дрова в камине почти прогорели. В дверь зала вереницей двинулись Малые Блистающие моего дома, раскачиваясь на поясах своих Придатков и блестя одинаковыми – фиолетовыми с серебристым прошивом – ножами.

– Приветствуем тебя, Высший Дан! – коротко звякнули Малые, пока их Придатки толпились возле камина, накрывали на стол, передвигали кресла и вытирали несуществующую пыль с витражных оконных стекол, шурша пыльным бархатом штор.

Я кивнул им с ковра. Некоторых Малых я знал очень давно, с самого рождения – они испокон веков числились в свите Мэйланьских прямых мечей Дан Гьенов. Те из них, чьи клинки были чуть-чуть изогнуты, несмотря на двухстороннюю заточку, а на чашках гард красовалась узорчатая чеканка, – эти владели Придатками, лично обслуживавшими Придатка Чэна. Остальные – короткие и широкие кинжалы с плебейскими замашками – следили за неисчислимым множеством суетных мелочей.

Плотно затворить окна, например, чтобы воздух в помещении оставался сухим и теплым, – вернее, проследить за соответствующими действиями вверенных им Придатков – или расставить кувшины, в которых плескалась густая красная жидкость. Такая же течет в жилах Придатков и называется «кровь», а та, что в кувшинах, – «вино».

Льющаяся кровь означала порчу Придатка и непростительный промах Блистающего, льющееся же вино иногда было необходимо, хотя и заставляло Придатков терять контроль над собой, впадая в опьянение. Ни один Блистающий не выведет пьяного Придатка на турнир или заурядную Беседу. Не то чтобы это запрещалось...

И хорошо, что не запрещалось. Я еще вернусь к опьянению и тому, почему я – Мэйланьский Единорог – предпочитаю всем прочим род Анкоров Вэйских.

Но об этом в другой раз.

3

Зажгли свечи.

Я уж совсем было собрался приказать, чтобы меня раздели – люблю, когда полировка клинка играет отсветами живого пламени и цветными тенями от оконных витражей, напоминающая змеиную кожу после купания, – но случилось непредвиденное.

На пороге зала возник эсток Заррахид, вот уже почти сотню лет служивший у меня дворцовым. Его прошлое – я имею в виду прошлое до поступления ко мне на службу – было покрыто мраком, и я знал лишь, что узкий и хищно вытянутый эсток с непривычным для коренных кабирцев желобом почти во всю длину клинка – выходец с западных земель, из Оразма или Хины, граничащих с Кабирским эмиратом вдоль левого рукава желтой Сузы и связанных с ним вассальной клятвой.

Впрочем, прошлое Заррахиды меня интересовало мало. Мне было достаточно, что сейчас на каждой из четырех полос черного металла, из которых сплеталась гарда молчаливого эстока, стояло мое родовое клеймо – вставший на дыбы единорог. Вдобавок я не раз убеждался в деловитости и безоговорочной преданности Заррахиды, а его манерам мог позавидовать любой из высокородных Блистающих.

Я, например, частенько завидовал. И перенимал некоторые, нимало не стыдясь этого.

Чем-то эсток Заррахид напоминал своего нынешнего Придатка – сухого и костистого, с темным невыразительным лицом и подчеркнута прямой спиной.

– К вам гость, Высший Дан Гьен! – почтительно качнулся эсток, на миг принимая строго вертикальное положение. – Прикажете впустить?

– Кто?

Я не ждал гостей.

– Подобный солнцу сиятельный ятаган Шешез Абу-Салим фарр-ла-Кабир! – протяжным звоном отозвался эсток, не оставляя мне выбора.

Прикажете впустить, однако...

Шешез Абу-Салим, ятаган из правящей династии, фактически был первым по значению клинком в белостенном Кабире; и уж, конечно, он был не тем гостем, какого можно не принять.

Когда я говорю – «первый по значению клинок», я имею в виду именно «по значению», а не «по мастерству». Во время Бесед или турниров род и положение Блистающего не играют никакой роли, и мне не раз приходилось скрещиваться хотя бы с тем же Заррахидом, причем вышколенный дворецкий вне службы был умелым и беспощадным со-Беседником. Мы внешне немного походили друг на друга, и, признаюсь, когда-то я перенимал у Заррахиды не только манеры.

Но отдадим должное – если по мастерству родовитый ятаган Шешез Абу-Салим фарр-ла-Кабир и не входил в первую дюжину Блистающих столицы, то во вторую он входил наверняка, что было уже немало; хотя зачастую Абу-Салим и уклонялся от Бесед с влиятельным кланом Нагинат Рюгоку или с Волчьей Метлой и ее подругами, предпочитая соперников своего роста. И в этом я был с ним заодно, хотя и не всегда. А в последнее время – далеко не всегда.

– Прикажете впустить? – повторил эсток.

Я согласно шевельнул кисточками на головке моей рукояти, и Заррахид отвел своего Придатка в сторону, освобождая проход.

Грузный Придаток Абу-Салима, чьи вислые и закрученные с концов усы напоминали перевернутую гарду надменных стилетов Ларбонны, торжественно приблизился к моей стене, держа на вытянутых руках царственного Шешеза. Затем он немного постоял, сверкая золотым шитьем парчового халата, – я обратил внимание, что и сам Шешез Абу-Салим надел сегодня ножны из крашенной пурпуром замши с тиснением «трилистника» и восьмигранным лаки-

рованным набалдашником, – и спустя мгновение ятаган Шешез приветственно прошуршал, опускаясь на сандаловую подставку для гостей.

Висеть Абу-Салим не любил – как у всех ятаганов его рода, центр тяжести Шешеза смещался очень близко к расширяющемуся концу его клинка, отчего ятаганы, висающие на стене, выглядели немного неуклюжими. Но Блистающие Кабира прекрасно знали обманчивость этого впечатления, да и сам я не раз видел, как его величество с легкостью рубит десять слоев грубого сукна, обернутого вокруг стальной проволоки. И вообще отличается изрядным проворством.

Даже двуручный грубиян Гвениль Лоулезский и его братья-эспадоны (несмотря на отсутствие вассальной зависимости Лоулеса от Кабирского эмирата) избегали при посторонних звать Абу-Салима просто Шешезом, хотя ятаган и любил свое первое имя-прозвище. Шешез – на языке его предков, Диких Лезвий, некогда приведших своих горных Придатков в Кабир, означало «молния» или «лоб Небесного Быка».

Высокородный ятаган вполне оправдывал это имя.

Шевельнувшись в соответствующем моменту поклоне, я уж было решил приказать сменить на мне одежду, но Абу-Салим поерзал на подставке и хитро подмигнул мне зеленым изумрудом, украшавшим его рукоять.

– Терпеть не могу парадных нарядов, – весело сообщил он, устроившись поудобнее. – И жмет, и бок натирает, а никуда не денешься – дворцовые чистоплюи не поймут. Мне бы твоего Заррахиды на недельку-другую, чтоб показал им, с какой стороны маслом мажутся...

Я понял, что разговор намечается неофициальный. Придаток Чэн уже стоял позади Придатка Абу-Салима, и мы, не сговариваясь, отослали их к столу – пить свое любимое вино. Малые Блистающие засуетились вокруг, косясь то на нас с Шешезом, то на застывшего у дверей эстока Заррахиды.

Абу-Салим не обратил на Малых ни малейшего внимания.

– Хорошо у тебя, Единорог, – мечтательно протянул он, сверкнув черным лаком набалдашника. – Тихо, спокойно... не то что у меня во дворце. Завидую, честное слово...

– Я люблю покой... Шешез, – ответил я, решив принять предложенный тон разговора. – Ты же знаешь – мы, мэйланыцы, в душе отшельники. Приемы да шествия не по нам. У меня и ножен-то подходящих для такого дела нет, и оплетка на рукояти вытерлась...

– Не прибедайся, – усмехнулся ятаган, – все у тебя есть. Тем паче что я как раз по этому поводу. Ты дядю моего двоюродного, Фархада Абу-Салима иль-Рахша фарр-ла-Кабир знаешь? Понимаю, что имечко длинное, так ведь и дядя у меня не из коротких... Ну, знаешь или нет?

Я кивнул. Иль-Рахша – иначе «Крыло бури» – я видел, когда давал личную вассальную клятву царствующему дому фарр-ла-Кабир, и еще несколько раз на очень давних турнирах. На последних иль-Рахш по каким-то своим причинам не показывался, но я все равно отлично помнил его нарочито бедную рукоять без серебра и самоцветов, отрывистую манеру Беседовать и любимый удар с оттяжкой при рубке предметов.

Сколько ж это времени прошло? Многовато...

Незабываемый был дядя у Шешеза. Фархад Абу-Салим иль-Рахш фарр-ла-Кабир слыл чуть ли не самым старым Блистающим Кабира, и поговаривали, что он помнит даже времена Диких Лезвий, – но в это верилось с трудом.

Ятаган удовлетворенно покачал ремнем ножен, провисшим вниз.

– Вот и хорошо, – заявил он, – вот и славно!.. Ты понимаешь, Единорог, у Фархадова Придатка третьего дня детеныш родился. Крепенький такой, горластый, не то что предыдущие заморыши... Вот дядя Фархад и решил себе нового Придатка вырастить. А то, говорит, у старого рука уже не та. Опять же детеныш, похоже, левша, а у иль-Рахша на это нюх и слабость немалая... В общем, завтра церемония Посвящения. Придешь? Ведь у нас из Высших Мэйланы кто сейчас в Кабире? Ты да еще Тэссэн Седзи, только этот боевой веер никуда не ездит уже лет восемь. И впрямь отшельники вы, мэйланыцы...

Я подумал. Приглашение, да еще лично от Шешеза (или от самого иль-Рахша?! А пере-спросить – неудобно...) было лестным. Лестным, но неожиданным, а потому нуждалось в осмыслении. И род мой, и положение в Кабире вполне оправдывали честь присутствия на Посвящении Придатков правящего дома – правда, до сих пор высокородные ятаганы предпочитали отправлять на временный (пока новый Придасток вырастет да обучится) покой членов своей семьи без посторонних.

И особая пышность при этом тоже не поощрялась. Ну, в крайнем случае приглашались родственные сабельные кланы, чьи предки и предки ятаганов фарр-ла-Кабир были выходцами с одних и тех же плоскогорий, – цельнокované Малхусы с зигзагообразным срезом тупой стороны клинка у самого острия и необщительные Киличи из ущелий Озека, похожие на ущербный полумесяц. Еще изредка малочисленные Шамшеры перевала Рок...

При чем здесь Высшие Мэйланы, я вас спрашиваю? Я и не был-то дома невесть сколько!.. Вот как перевез в Кабир Хо Анкора, прадеда нынешнего Придатка Чэна, так и осел в столице... даже в гости домой не езжу. Вот ведь как – домой в гости...

Я представил себе, как гордый Шешез Абу-Салим приглашает на Посвящение Тэссэна Седзи, а упрямый веер отрицательно шевелит потемневшими от времени пластинами, острыми как бритва, ссылаясь на годы и любовь к одиночеству, – и понял, что соглашусь.

– Сочту за честь, – ответил я. – Всенепременно буду.

– Прекрасно! – искренне обрадовался Шешез, и мне вдруг показалось, что ятаган за ширмой непринужденности упорно скрывает истинную цель своего прихода и что сейчас я согласился не только на присутствие при церемонии Посвящения, но и на что-то еще, на что, может, и не стоило бы соглашаться.

Мало у меня забот?.. Харзиец этот непонятный, Метла опять же уехала и когда вернется – неизвестно, а теперь еще и нежданная любовь к мэйланцам со стороны династии фарр-ла-Кабир...

– Просто прекрасно! А то на таких торжествах ржавеешь от скуки! Ты обязательно приходи, Единорог, расскажешь нам что-нибудь интересное... Помнишь, твой брат, Большой Да-дао-шу, ваши предания любил рассказывать, пока не уехал домой? О походах Диких Лезвий, о подземной кузнице Нюринге, о мертвых Блистающих с вечно теплым лезвием... как вы их называете? Отблестевшие, что ли?

– Тусклые. Тусклыми их зовут...

Это вырвалось у меня непроизвольно. Не та была тема, чтобы вот так, попусту, звенеть о ней после захода солнца. Шешез прав – в древнем Мэйлане верили во многое, на что большинство Блистающих эмирата предпочли закрыть глаза или сделать вид, что закрыли... а вот мне все не удавалось. Да и глаза – их Придаткам закрывать привычнее, а в Мэйлане говорят: «От страха в ножны не спрячешься».

Шешез не знал, отчего мой старший брат Да-дао-шу, рядом с которым и Шешез, и гигант Гвениль казались не такими уж большими, прошлым летом спешно бросил все дела в Кабире и вернулся в Мэйлань. Я и сам-то не слышал послания от наших старейшин, которое и выдернуло Большого Да из Кабира. Посчитали, видно, что молод Единорог...

А еще Шешез не знал, отчего три молодые ветви, отпрыски знатнейших Мэйланьских родов – Единороги-Гъены, Сизые Лепестки и единственный наследник Когтя Орла, меч-крюк Цзяньгоу, – в свое время оставили родину и уехали, не оглянувшись. Я и Да-дао-шу – в Кабир, остальные кто куда...

Ну и не надо ему об этом знать. Я не много знаю, как младший в роду, – так, все больше догадки строю, – а Шешезу и вовсе ни к чему.

– Да-да, верно, – Шешез довольно потерся о ложе подставки, выложенное трехслойным войлоком. – Тусклые, конечно! А я все никак не вспомню... у Фархада спрашивал – не отве-

чает. Совсем старый, видно, стал. Собственную тень пополам резать хочет. Ну да ладно, это дела семейные... так ты приходи, Единорог, приходи обязательно!

...Еще около часа мы болтали о всяких светских пустяках, а потом Шешез Абу-Салим резко засобирился домой, словно вспомнив о чем-то неотложном.

– В Хаффе, на открытом турнире, – вскользь бросил ятаган, пока его Придаток поднимался из-за стола, оправляя алый кушак на объемистом животе, – у Кривого Килича Энгра неприятность вышла. Ты вот его не знаешь, а у него Придатка испортили. По-крупному. Сам понимаешь, сабельные кланы – они горячие, им молодые Придатки нужны, а тут правую ногу подчистую отрезало. Выше колена. И самого Кривого Килича выщербили...

– Кто? – холодея, перебил я, забыв о приличиях. – Может, кто-то из неопытных, вчера кованных? Нет, глупость говорю, их на открытый турнир и не допустили бы, на первой же рубке отсеяли!.. Или бывает, что какая-нибудь алебарда у своего Придатка болезнь проглядела...

– Бывает, – уклонился от прямого ответа сиятельный фарр-ла-Кабир. – Всякое бывает. Вот и в Дурбане тоже было... Бывает – это когда раньше, причем так давно, что и не вспомнить; а было – это когда почти сейчас, сегодня или в крайнем случае вчера...

И не договорил.

– На Посвящение приходи, – добавил он уже от дверей. – Ты расскажешь, мы расскажем... глядишь, и время веселей пройдет.

Оставшись один, я представил себе щербатого Килича, затем подумал, каково это – теплое и тусклое лезвие, и до утра меня мучили кошмары.

Мне снились испорченные Придатки. Я чувствовал приторно-пьяный запах красного вина, хлещущего из разрубленной плоти.

Придаток Чэн всю ночь просидел над кувшином, и я не гнал его из зала.

4

Утром, в середине четвертой стражи я отправил Заррахиду с поручением узнать точное время Посвящения у Абу-Салимов – вчера я так и не удосужился спросить об этом у Шешеза – и заодно послушать свежие городские сплетни. Заррахид был не самым лучшим сборщиком слухов, но зато мой эсток умел мгновенно отсеивать шелуху болтовни от редких зерен истины, что сейчас волновало меня в первую очередь.

Я надеялся выловить в мутной реке легкомыслия форель смысла, как говаривал иногда Трехзубый Кра, любивший в часы досуга бить верткую серебристую рыбу в брызжащих пеной горных потоках Айера и Бек-Нэша на северо-востоке от Кабира.

Цветистость слога была нынче в моде. Заразная, однако, штука... Я с сожалением отмечал, что даже в Беседах коротким и ясным выпадам или ударам без замаха предпочитались длинные «фразы» с множеством уверток и двусмысленностей. Увы, столичные нравы оставляли желать лучшего...

Не прошло и полторы стражи, как эсток вернулся и доложил, одобрительно похлопывая взмокшего Придатка эфесом по бедру, что в Кабаре ничего не говорят. То есть не то чтобы совсем ничего, и не то чтобы все Блистающие столицы спрятали клинок болтливости в ножны осторожности – я мысленно проклял Трехзубого Кра с его манерой изъясняться, – и так далее, и тому подобное, и еще много слов было произнесено эстоком в том же духе.

Когда я наконец понял причину многоречивости обычно молчаливого Заррахиды, то еле сумел не расхохотаться.

Клянусь грохочущей наковальней Нюринги, он пытался меня развеселить! Видимо, после визита Шешеза и бессонной ночи я выглядел не лучшим образом, вот верный Заррахид и старался вернуть расстроенному Единорогу былой блеск.

Ну что ж, если так, то эсток преуспел в этом. Правда, ненадолго, потому что мое взывавшее было настроение быстро вернулось к прежнему унылому состоянию, едва я задумался по поводу всеобщего онемения Блισταющих. Слог слогом, а врать мне Заррахид не станет.

Кабир молчит за три дня до турнира?! Скорее дерево перестанет гореть в огне, а вода – вызывать ржавчину! И все же...

Неужели призраки мэйланьских легенд достанут меня и в Кабире? Я не знаю тебя, выщербленный Кривой Килич с навсегда испорченным Придатком, но если в маленькой Хаффе объявились Тусклые, то многие разделят твою участь. Тебя это утешает, Килич? Меня – нет.

– Все готово к выезду, Высший! – доложил Заррахид, только что выслушавший явившегося слугу из Малых.

Ах да, я ведь собирался в город...

...А во дворе у внутренних ворот уже били копытами по крупному булыжнику две лошади, только что приведенные из конюшен, и Блισταющий-привратник – Южный трезубец Цзи по прозвищу Третий Ус Дракона – презрительно поглядывал на суетившихся конюхов-Придатков.

Привратника мне в свое время лично порекомендовал Заррахид, и с тех пор Третий Ус бессменно стоял на страже у входа в кабирский дом рода Дан. Бессменно – потому что трезубец имел сразу двух Придатков, и пока один из них ел или спал, второй был готов к несению службы.

Было в этом что-то неприличное, но я доверял выбору Заррахиды, да и Третий Ус Дракона никогда не участвовал ни в Беседах, ни в турнирах – так что повода к сплетням не давал. А однажды мне случайно довелось увидеть, как он танцует глубокой ночью в пустом дворе, перебрасывая звенящую луну через свои волнообразные лезвия, и я перестал задумываться над странностями своего привратника.

И полюбил выглядывать в окно, когда наступает полнолуние.

Обо всем этом я думал, пока Придаток Чэн выходил во двор и садился на лошадь, откидывая левую полу верхнего халата-кабы зеленого шелка – чтобы ткань не заслоняла мне обзор и не мешала во время поездки общаться с Заррахидом. Сам сопровождающий меня эсток обычно располагался на правом боку своего Придатка, одинаково владевшего обеими руками, так что при конном выезде в город мы оказывались почти вплотную – что, конечно, очень удобно для личных разговоров в городской толчее.

И не обязательно верхом.

– Открыть ворота перед Высшим Мэйланя Дан Гъеном! – коротко и властно прозвенел эсток Заррахид, строго соблюдая все положенные интонации и ритуальную дистанцию между нами – ровно полторы длины моего клинка. Понятное дело, ворота открыли бы и так, без особого приказа, но традиции есть традиции, и не мне менять установленное предками.

А если уж менять, то начинать надо не с церемонии выезда в город.

Придаток Чэн привстал в седле, устраиваясь поудобнее и слегка задев каблуками конские бока, отчего нервное животное заплесало под нами, прядая ушами и норовя подняться на дыбы. Я звонко шлепнул лошадь по крупу, Придаток Чэн туго натянул поводья – и спустя мгновение мы двинулись вперед, мимо молодцевато вытянувшегося Цзи Третьего Уса.

Я не разбираюсь в лошадях, и мне не стыдно в этом признаваться. Некоторые кабирские Блισταющие открыто предпочитают конные Беседы, и от них только и слышишь о седлах, правильной посадке Придатков и о преимуществах рубящего удара на всем скаку. Нет уж, увольте... Род Дан, конечно, признавал лошадей, но лишь как удобное средство передвижения, а вести Беседы мы любили по старинке – не на подпрыгивающей спине глупого животного, а имея под ногами Придатка надежную и привычную землю.

Мэйланьские Дан Гъены Беседуют в пешем виде, и поэтому мы всегда отдавали должное молниеносному выпад, равнодушно относясь к рубке. Разве что в крайнем случае...

Впрочем, я не сомневался, что в столичных конюшнях Мэйланьского Единорога жуют свой овес не самые плохие кони не самых плохих пород. Наверняка Заррахид постарался... вон, едет позади как влитой, словно родился в седле!

Интересно, а где на самом деле родился мой потрясающий дворецкий, мой строгий и молчаливый эсток Заррахид?

– Куда направимся, Высший? – деликатно осведомился Заррахид, поравнявшись со мной.

За пределами дома, да еще и наедине, эсток немного ослаблял стальные обручи приличий, сковывавшие его обычное поведение. Вдобавок, похоже, что-то волновало Заррахиду после утреннего выезда в только-только просыпающийся Кабир.

– Туда, – неопределенно ответил я, а сам загадал: три поворота налево, два направо, и после уже станем думать, куда дальше...

Думать не пришлось. После первого же поворота направо дорогу нам преградила толпа Блистающих вместе с их возбужденными Придатками. Заррахид было сунулся вперед – расчистить нам проход, благо никого из Высших в толпе не наблюдалось, – но я остановил его слабым покачиванием кисти, и мы спешили.

Постоять с нашими лошадьми – естественно, за соответствующую мзду – живо согласился какой-то юный четырехгранный кинжал-кончар со смешно оттопыренными усиками у головки рукояти. Его долговязый Придаток отчаянно теребил белесый пушок над верхней губой, но поводья в свободной руке держал крепко, так что вскоре эсток уверенно занял место впереди меня и принялся прокладывать дорогу через галдящее столпотворение.

– ...Вы слышали?

– Нет, а в чем дело?..

– Просто в Хаффе то же самое...

– Куда смотрят власти? Я вас спрашиваю, куда смотрят власти?

– А почему это вы именно меня спрашиваете? Нашли, понимаешь, власть! И нечего мне бок царапать – только вчера лакировался...

– ...и что странно – возле самого эфеса! В наиболее сильной части...

– А вы его знали? Ну и что? А...

– Сказки это! В наше просвещенное время не стоит уделять слишком много...

– Сказки? Вы что, действительно считаете...

– Темляк! Темляк оторвете!..

– И как раз перед Посвящением...

– Чьим?

– Чьим, чьим... сам Фархад иль-Рахш новорожденного Придатка посвящает, накануне турнира!..

– А я что? Я ничего... только, говорят, в Дурбане...

Заррахид неожиданно свернул в сторону, Придаток Чэн резко остановился, словно боясь на что-то наступить, – и я увидел то, что увидел.

И мне показалось, что ставшие необыкновенно горячими ножны плотно облепили мое тело, как смесь глины, речного песка и угольной пыли перед самой первой закалкой, а ледяной родниковой воды все не было, и я боялся потрескаться, боялся потускнеть и рассыпаться, боялся...

Передо мной лежал мертвый Блистающий. При желании до него можно было бы дотянуться, но подобного желания не возникало.

Я не знал лежащего лично. Я понимал только, что это кто-то из местных Шамшеров, причем небогатых – по отделке видно. Клинок сабли был сломан на три пальца выше треснувшего...

шей гарды со сколотым шариком на одном конце. Неровная линия излома наводила на нехорошие мысли – хотя какие уж тут хорошие мысли! – а остальная часть Блистающего валялась чуть поодаль, присыпанная бурой пылью, и острие касалось бедра Придатка, разрубленного от ключицы до паха.

Как кукла на турнире, машинально подумал я. Как кожаная кукла, набитая всяким хламом вперемешку с бронзовыми отливками, когда Шешез Абу-Салим или тот же эспадон Гвениль демонстрирует перед трибунами чистоту рубки, а ценители славного удара уже готовы завизжать, восторженно вырываясь из ножен и вспыхивая под лучами полуденного солнца.

Только кукла никогда не лежит вот так – жалко и неестественно подвернув голову и далеко откинув бессильную руку, словно и после смерти пытаясь дотянуться до рукояти несчастного Шамшера, превратившегося в две такие же мертвые половинки некогда живого Блистающего.

Они лежали совершенно одинаково – Блистающий и его Придаток, – разве что над последним с жужжанием вился рой жирных зеленоватых мух. И, откатившись в сторону, прижался к глинобитному забору одинокий бронзовый шарик с гарды убитого Шамшера.

– Прощу прощения! – послышалось рядом со мной.

Я посторонился, и трое Блистающих из рода тяжелых копий Чиань, чей мощный и широкий наконечник уравнивался утолщением на другом конце древка, поравнялись со мной и приблизились к труп. Там двое из них легли на землю, прямо в засохшую кровь, а их Придатки постелили сверху свои плащи, закрепив их поясами, и уложили тело испорченного Придатка на эти импровизированные носилки.

Третий перебрался своему Придатку на спину, и тот бережно поднял обеими руками погибшую саблю. И мне почему-то стало стыдно, что я не знаю имени убитого, что я никогда не встречался с ним ни в Беседах, ни на турнирах и теперь уже никогда не встречу.

Никогда. Это слово было тяжелее удара Гвениля и неумолимее выпада Заррахид. Или моего.

Никогда.

...Так они и удалились – три прямых копья Чиань, – унося сломанного Блистающего и разрубленного Придатка, унося по пустынной улице кровавый ужас, пришедший в Кабир; и те из зевак-Блистающих, кто был в ножнах или в чехлах, обнажились в молчании, салютуя уходящим и думая каждый о своем.

А я думал о том, что невозможное иногда приходит к тебе и говорит, улыбаясь: «Здравствуй! Помнишь меня?..»

– Здравствуй! Помнишь меня? – раздалось за спиной, и я вздрогнул и заставил Придатка Чэна обернуться.

Харзиец по-прежнему обвивал талию своего кривоногого Придатка, только сейчас не высилась рядом сумрачная громада угловой башни Аль-Кутуна и подавленные Блистающие расходились кто куда, унося в душах частицу общей боли и смятения.

– Что, вчера не договорил? – хмуро поинтересовался я, забыв, что целый вечер размышлял над загадкой Блистающего из Харзы. – Так здесь не место и не время для Бесед...

– Позволь представиться, Высший Дан Гьен, – с неожиданным смирением заявил харзиец, щелкая креплением рукояти и спокойно выпрямляясь в руке Придатка. – Я – Маскин Седьмой по прозвищу Пояс Пустыни, из Высших Блистающих Харзы.

«Ну и что?» – чуть было не спросил я.

К счастью, мой верный Заррахид, не знающий о моей вчерашней Беседе с харзийцем, вернул коня нашего разговора на тропу вежливости.

– Вы оказываете нам великую честь, Высший Харзы Маскин Седьмой, – ненавязчиво вмешался эсток, почтительно и вместе с тем весьма независимо кланяясь. – Позвольте мне,

Малому Блистающему из свиты Мэйланьского рода Дан, представить вам Высшего Дан Гьена, известного в Кабире как Мэйланьский Единорог...

И Заррахид умолк на полуслове, ловко вынудив харзийца или прервать возникшую паузу, или удалиться.

Пояс Пустыни, вновь обвившийся вокруг Придатка, внимательно изучал Заррахиду – его стройное тело, сложную гарду из витых полос, деревянную и обтянутую кожей с насечками рукоять, крупный набалдашник-яблоко...

– Если таковы Малые из свиты рода Дан, – задумчиво прошелестел он, – то каковы же Высшие? Впрочем, я уже немного знаю – каковы... Я приглашен сегодня в дом фарр-ла-Кабир, о достойный Малый, чьего имени я не знаю и чья форма ни о чем мне не говорит, кроме как о врожденном достоинстве... Передай Высшему Дан Гьену, чтобы он в гостях поменьше рассказывал и побольше слушал, потому что знающий не говорит, а говорящий не знает. Прощай. Да, передай также своему господину, что мы еще встретимся, и не только на Посвящении...

И мы с Заррахидом остались на опустевшей улице одни.

– Куда теперь, Высший? – спросил Заррахид, словно мы лишь на минуту, и то по совершенно пустячной причине, прервали нашу поездку.

– Обратно, – сказал я. – Домой.

– Совершенно верно, – заметил эсток, направляясь к оставленным лошадям (причем оставленным во всех смыслах, потому что мерзавец-кончар уже куда-то смылся!). – Вы должны переодеться перед Посвящением.

– Вот-вот, – угрюмо лязгнул я. – Переодеться... Это как раз то, что необходимо мне в первую очередь.

Глава вторая

1

...Отсветы факелов услужливо метались по стенам коридора, словно расчищая дорогу веренице наших теней через лепные украшения под потолком, начинавшиеся примерно на длину моего клинка выше головы Придатка Чэна.

Алебастр барельефов являл собой подобие изображений древних времен чуть ли не периода Диких Лезвий: жуткая мешанина сплетающихся Блистающих (в основном копеечных и прочих древковых родов) и рук-ног множества Придатков – причем эти руки-ноги были зачистую самой странной формы, с нелепыми наростами на предплечьях и голеньях: и некоторые детали обрывались, не успев толком начаться, что порождало раздумья о сломанных Блистающих и испорченных Придатках.

«Кажется, я схожу с ума», – раздраженно подумал я.

Наши тени безразлично перетекали через все неровности лепнины и, похоже, ни о чем особенно не задумывались. Я обратил внимание, что моя личная тень без видимой границы переходит в тень Придатка Чэна, отчего мы становились похожи на неприятное двойное существо с его, Чэна, телом и мною в качестве хвоста и рукояти, торчащей из живота этого чудовища.

Я строго-настрого запретил себе думать о чем-нибудь в этом роде – и перестал. Вот иду себе, в гости иду... все хорошо... Хорошо все, гром меня разрази!.. Куда уж лучше...

Факельщики свернули за угол, и мы последовали за ними. Мгновение я двигался в почти полной темноте, и это действовало на меня успокаивающе. Правда, за это время находившийся впереди меня серповидный Махайра Кресс отстал – видимо, желая поговорить с кем-то знакомым, – и я помимо моей воли оказался во главе процессии припозднившихся гостей.

Тут меня заинтересовали наши провожатые – Малые Блистающие дома Абу-Салим (Фархадовы, должно быть!), и даже сперва не они, а их Придатки, несущие факелы. Самый высокий из факельщиков с трудом доставал макушкой до груди Придатка Чэна, но смазанные маслом обнаженные торсы малюток лоснились, демонстрируя вполне достойный рельеф мышц, а коротенькие ножки в невероятно широких шароварах семеняли на удивление проворно.

Теперь понятно, почему факелы горели столь низко, а наши тени вытягивались до потолка. Что ж я раньше-то не сообразил?!

За намотанными в добрую дюжину слоев кушаками, поближе к выпячивающимся животикам Придатков, обнаружили не менее своеобразные Блистающие – явно братья, поскольку на одного Придатка-недомерка приходилось по два-три одинаковых Блистающих. Каждый Малый не превышал полной длины моей рукояти – то есть был короче даже любого из многочисленного клана Стилетов Кансаси – и напоминал два молодых месяца, наложенных друг на друга рожками в разные стороны.

Даже на расстоянии в этих Блистающих, невзирая на их положение Малых, чувствовался жесткий и независимый характер.

Наверное, увлекшись разглядыванием, я незаметно для себя самого придержал Придатка Чэна, замедлив его шаг, потому что оказавшийся позади Махайра Кресс чуть не ткнулся навалившимся в спину моего Придатка.

– Интересуешься, Единорог? – рассмеялся он, уворачиваясь от повторного столкновения. – Ну-ну, правильно делаешь... Я, когда к Абу-Салимам в загородный дом впервые попал, чуть в обратную сторону от любопытства не выгнулся! Есть на что посмотреть!..

– Кто это, Жнец? – перебил его я.

Полное имя Махайры было Махайра Кресс Паллантид по прозвищу Бронзовый Жнец из Высших левой ветви Омелы Кименской. Но на церемонию Посвящения, как я понял, в дом Абу-Салимов приглашались вообще только Высшие, да и мое родовое имя было не из коротких, так что вполне прилично было опустить звонкие титулы, ограничившись прозвищами. Тем более что с веселым Махайрой у меня сложились дружеские отношения чуть ли не со дня моего переезда в Кабир.

Махайра передвинулся поближе ко мне.

– Фархадовы любимцы, – доверительно сообщил он вполголоса. – Гвардия старого иль-Рахша. Малые секирки-близнецы цзыу-юаньян-юэ.

Я чуть было не запутался в ногах Придатка Чэна.

– Кто-кто?

– А разве это не твои земляки? – в свою очередь изумился Махайра-Жнец. – Я всегда считал, что только у вас в Мэйлане да еще в предгорьях Хакаса такие имена дают!..

Я отрицательно качнул кистью.

– Цзыу-юаньян-юэ, – с удовольствием повторил Махайра. – Мне Шешез однажды перевел, уж не знаю, с какого тогда языка – так это не то «север-юг», не то «запад-восток», или вообще «туда-сюда рогами наружу»...

– Ага, – глубокомысленно кивнул я, так и не поняв: говорит Жнец серьезно или по обыкновению подшучивает надо мной. – А почему я их ни в городе, ни на турнирах не встречал? Они что, Придатков своих стесняются, что ли?

– Вряд ли, – снова усмехнулся Махайра. – Они не из стеснительных. Между прочим, у твоего привратника Цзи целых два Придатка, и у каждого рожа шире Гвениля, если того поперек брать... Цзи что, тоже их стесняется, что со двора твоего не выходит? У каждого свои причины, Единорог, и нечего в большое место рогом тыкать!

Эти слова неприятно задели меня. А я-то, дурак двулезвийный, наивно полагал, что о странностях Третьего Уса Дракона никто не знает. Ну разве что я да эсток Заррахид, не считая

Малых моего дома... Тупеешь, Единорог, прямо на глазах! Забыл, что в Кабире белостенном всем все про всех известно? Забыл... вот, значит, и напомнили.

Факельщики резко расступились в стороны, утонув в стенных нишах коридора, и мы с разгону влетели в распахнувшуюся перед нами дверь... влетели и невольно замерли на пороге.

Восьмиугольный зал с куполообразным потолком, покрытым тусклой от времени росписью, был полон Блистающих. Стройные Нагинаты – алебарды благородных семей Рюгоку и Катори – благосклонно беседовали с влиятельными двойными секирами Лаброс и их спутником, тихим клевцом-двузубцем Ге – побочным отпрыском всем знакомого копья Со и древкового серпа Вэйской ветви Гоубан; чуть поодаль копейные семейства Энкос и Сарисса обступили своего дальнего родича (такого дальнего, что уже почти не родича!) Лунного великана Кван-до – обманчиво медлительный Кван был вдвое выше среднего Придатка и тяжелее любого из Блистающих Кабира... На ступенях, ведущих к возвышению для церемоний, вокруг изящной Велетской Карабеллы увивались сразу трое поклонников: короткий упрямец Гладиус Петроний и парочка заморских гостей – Черный Н'Гусу и Хепеш-но-Кем, оба двуручные, оба с односторонней заточкой, только сабельный изгиб хитрого Н'Гусу имел расширение-елмань в конце, а бронзовый Хепеш формой походил на Ятаганы фарр-ла-Кабир, но с неестественно длинной рукоятью. И дальше – Киличи, Талвары, как всегда шумные Эспадоны, редкие в Кабире ножи-двойняшки Тао, Шамшеры, Яри...

Минута замешательства прошла – и вот я уже раскланиваюсь с Нагинатой Катори, машу правой кистью недостижимому для меня эспадону Гвенилю, клевец Ге о чем-то спрашивает, я что-то отвечаю, мимоходом игриво тронув вспыхнувшую Карабеллу, а Гладиус объясняет возмущенному Н'Гусу, что на Единорога обижаться глупо, и я подтверждаю – да, глупо... и чуть ли не вплотную сталкиваюсь с моим новым знакомцем Маскином Седьмым из Харзы, любителем неожиданных Бесед и двусмысленных замечаний, – мне хорошо, я весел и спокоен, и заботы мои понуро стоят на пороге, опасаясь зайти...

– Его высочество ятаган Фархад иль-Рахш фарр-ла-Кабир!

Малые секирки-близнецы с ужасным именем, которое я уже успел позабыть, выстроили своих низкорослых Придатков по краям церемониального помоста, разошлась ковровая завеса – и мы увидели седобородого Придатка в белой пуховой чалме и халате цвета индиго с золотыми розами, вышитыми по плечам. На темных морщинистых руках Придатка возлежал самый древний ятаган рода Абу-Салим, да и всей династии фарр-ла-Кабир, – их высочество Фархад иль-Рахш, простой тяжелый клинок без серебряных насечек, самоцветов или трехцветных кистей.

И одежда Фархада была под стать ему самому: деревянные ножны из мореной магнолии, покрытые черным лаком и схваченные пятью бронзовыми скобами-накладками.

Только тут я понял, как иль-Рахш выделяется на нашем роскошном раззолоченном фоне. Было в его простоте что-то уверенно-неброское, словно знал ятаган Фархад некую истину, неведомую нам, и в эту минуту я готов был поверить, что иль-Рахш и впрямь пришел к нам из легенд, а не из прилегающей к помосту комнаты...

На возвышение внесли колыбель, увитую синими лентами с золотым шитьем – цвета дома фарр-ла-Кабир. Вокруг спешно были расставлены крылатые курильницы желтого металла в форме сказочных чудовищ, из пасти которых вился сизый дымок, а в глазницах кроваво мерцали рубины. В курениях, наверное, содержались тайные примеси, потому что возившийся и пищавший в колыбели новорожденный Придаток внезапно успокоился и замолчал.

В изголовье колыбели установили высокую палисандровую подставку, потемневшую от времени, подобно рукам Фархадова Придатка – только время у дерева и плоти было разное, – и сам Придаток встал за подставкой, лицом к собравшимся в зале, а затем высоко вознес над головой суровый ятаган по имени Фархад иль-Рахш из рода Абу-Салим.

Извечный обряд Посвящения вступил в свои права, и я вылетел из ножен и скрестился с оказавшимся рядом Махайрой Крессом, а все Блистающие в этом зале сделали то же самое; мы наполнили воздух свистом и звоном нашей Беседы, пока ятаган Фархад медленно опускался на подставку из палисандра, где ему суждено будет пролежать не менее восемнадцати лет – пока ребенок не станет подростком, а потом – мужчиной, способным поднять Фархада с его ложа.

– Приветствую вас, Высшие Блистающие эмирата! Дождитесь меня!..

Это были единственные слова, произнесенные иль-Рахшем за всю церемонию.

Я слышал мельком, потому что, поднырнув под замешкавшегося Кресса, я быстро наметил на его Придатке две точки поражения – правое колено и ямочку между ключицами, – после чего ушел в глухую защиту. На этот раз я отдернулся даже раньше, чем следовало бы, но у меня до сих пор стояла в памяти сцена утреннего кошмара, да и Махайра прекрасно знал, что на турнирных скоростях он мне не соперник. А вот защищаться от вогнутого Кресса, не прибегая к опережающим выпадам, было нелегко и весьма интересно, особенно учитывая вертевшуюся рядом Нагинату Катори – так что мне приходилось заодно отслеживать ее проносящееся мимо древко.

В привычном шуме мне почудился посторонний звук, и лишь остановившись, я сообразил, в чем дело.

Плакал ребенок.

И рассмеялись все Придатки, переглядываясь и улыбаясь друг другу; и рассмеялись Блистающие.

А на фамильной подставке недвижно лежал Фархад иль-Рахш, ятаган фарр-ла-Кабир.

Церемония Посвящения завершилась.

Я с некоторым сожалением опустил обратно в ножны и вдруг поймал на себе чей-то изучающий взгляд.

В углу помоста на поясе плотного и приземистого Придатка в нарочито короткой шерстяной джуббе покачивался Детский Учитель семьи Абу-Салим. По форме и внешнему виду Детский Учитель ничем не отличался от ятаганов, но был значительно легче и меньше, с более клювообразной рукоятью для лучшего упора мизинца. Сам старый Фархад и через десять-пятнадцать лет будет слишком тяжел для детской руки – поэтому, когда юный Придасток впервые встанет на ноги, в его ладонь ляжет семейный Детский Учитель, чтобы сопровождать ребенка до совершеннолетия.

Чтобы учить. И, передав спустя положенный срок подготовленного Придатка Фархаду, ожидать следующего.

Иногда Блистающие с самого рождения готовились уйти в Детские Учителя. Но в основном Учителями становились уже опытные, пожившие клинки, чьи размеры и вес позволяли им работать с незрелыми Придатками, заменяя более крупных Блистающих, ожидавших своего часа.

Некоторые семейства – например, Синганские пламевидные Крисы или родственники того же Черного Н'Гусу, кривые и одновременно двулезвийные Панга – при общности формы имели родичей совершенно разного веса и длины. Это было удобно, так как позволяло использовать подростков-Придатков на протяжении всего периода обучения, допуская их даже до отдельных Бесед внутри семьи.

Впрочем, учителя в Кабире, как и в Мэйлане, редко вступали в случайные Беседы, довольствуясь закрытыми встречами с себе подобными. Мне несколько раз доводилось присутствовать на этих встречах в качестве зрителя – единственного зрителя, допущенного из уважения к славным моим предкам, – и я был потрясен даже не столько мастерством Детских Учителей, сколько их уникальной способностью вовремя отдернуть руку неумелого Придатка или в последний момент изменить направление ошибочного удара.

Мастерством меня удивить было трудно, а вот аккуратность Детских Учителей – или Круга Опекающих, как они сами себя называли, – была выше всяческих похвал.

Так что ни у кого и в мыслях не возникало отнестись к Детским Учителям без должного уважения. Они умели учить, и этим все сказано.

Кроме того, большинство крупных Блистающих время от времени нуждалось в их услугах. Придатки, увы, недолговечны...

Я вежливо поклонился Детскому Учителю семьи Абу-Салим и уж совсем было собрался покинуть зал, но внезапно обнаружил за кожаным поясом Придатка на помосте, рядом с любопытным Учителем, еще одного Блистающего.

Этого-то я знал отлично. Да и кто в Кабире его не знал?!

Это был Дзюттэ Обломок, придворный шут Абу-Салимов, над которым смеялись все Блистающие Кабира – смеялись часто и с удовольствием, чему способствовало множество причин.

Во-первых, Обломок был тупым. В прямом смысле этого слова. Его толстый четырехгранный клинок вообще не имел заточки и, чуть сужаясь к концу, более всего напоминал обструганную палку.

Пусть даже и железную палку длиной немного меньше предплечья взрослого Придатка...

Во-вторых, гарда Дзюттэ Обломка походила на последний лепесток не до конца оборванного цветка. Она бестолково тянулась вдоль нелепого клинка и, не дойдя до середины, отгибалась наружу вроде уха шутовского колпака – я видел такой колпак на одном Придатке еще в Мэйлане.

Ну и в-третьих, наш замечательный Обломок был мудрец. Во всяком случае, считал себя мудрецом, о чем громогласно заявлял на каждом перекрестке. Среди Блистающих Кабира это было в новинку, а посему – смешно.

Очень смешно.

Тупой мудрец.

Ха-ха.

А почему это у шута семьи Абу-Салим и у Детского Учителя той же семьи один Придаток на двоих? Ведь они не братья, как ножи-двойняшки Тао или секирки из гвардии иль-Рахша? Хотя, может, Придаток и раньше был один, просто они его в город по очереди выводили, вот я и не заметил...

Или это новая шутка Обломка: шут и Учитель – братья?

Можно начинать смеяться?..

...Блистающие покидали зал Посвящения, разбредаясь по дому в поисках комнат, специально отведенных для отдыха и развлечений, а Детский Учитель и придворный шут семейства Абу-Салим все смотрели на меня с церемониального помоста. Взгляд их был неприятно строг и оценивающий; они все смотрели, пока я не разозлился и не двинул Придатка Чэна через весь зал к помосту – и тогда их общий Придаток быстро исчез в проеме боковой двери.

Словно его Блистающие хотели смотреть – но не разговаривать.

Я подумал, презрительно щелкнул гардой о металл устья ножен и тоже направился к выходу.

2

...Комната, где я уже успел провести немало времени, называлась алоу-хона – комната огня. Это было просторное помещение на первом этаже, окна которого выходили в сад, окутанный сумерками и негромко шелестевший под прикосновениями легкого ветра; в западной стене алоу-хона находился встроенный очаг, вроде моего домашнего камина, с лепными фигурами диковинных птиц по бокам.

В очаге лениво тлели угли саксаула и ароматного алоэ, и земляной пол был устлан согласно традиции звериными шкурами.

– Спорь не спорь, а все-таки ты не прав, Единорог, – без особого нажима заметил Гвениль, развалившись поперек шкуры пятнистого барса с Белых гор Сафед-Кух и мерца в отблесках очага.

Рядом с ним лежал Махайра Кресс, почти не принимавший участия в разговоре. Кроме нас троих, больше никого в алоу-хона не было.

– Почему это я не прав? – отозвался я из угла, где стоял, до половины уйдя клинком в специальное отверстие подставки для гостей, изнутри выложенное войлоком.

– Потому, – коротко отозвался гигант-эспадон со своего ложа.

Затем подумал и добавил:

– Если в твоём роду предпочитают обходиться без Посвящения, то это не повод, чтобы и все прочие от него отказались.

– Я и не утверждал, – начал было я, но Гвен перебил меня.

– Слушай, Единорог, а тебе ведь понравилось на Посвящении у Абу-Салимов! Не ври, я же вижу, что понравилось!..

– Ну, понравилось, – пробормотал я и почувствовал, что краснею отраженным светом очага. – И что с того? Я тут позвенел с вами, душой отдохнул и домой ушел – к турниру готовиться, – а старому Фархаду лежать без дела кучу лет и ждать... Пока еще посвященный Придаток вырастет, пока его Детский Учитель выучит как положено...

– А почему это у Мэйланьских Данов без Посвящения обходятся? – вдруг заинтересовался до того молчавший Махайра. – Вы что, первых попавшихся Придатков берете, которые повзрослее? Один состарился – другого нашли?

– Обидеть хочешь, Жнец? – вяло поинтересовался я для порядка, поскольку прекрасно знал, что Махайра и в мыслях не держал меня обидеть.

– Да нет, что ты, Единорог?! Просто интересно... да и не похож твой Чэн на необученного! И прошлый – как его, не помню уже – тоже не похож был...

– Учат они Придатков, – снова влез в разговор уставший молчать и слушать других Гвениль. – И не хуже прочих.

Ну спасибо, здоровяк... вот уж от кого не ожидал!

– Только легкие они, – продолжил меж тем эспадон, – Дан Гьены эти! Ты понимаешь, Жнец, – ни вида, ни солидности! Меня раз в пять легче будут, да и тебя раза в два... Мы, Лоулезские Эспадоны, долго ждем, пока Придаток в полную силу войдет, оттого и рубим мы хоть волос на воде, хоть куклу турнирную на две половины...

Я отчетливо увидел Придатка, разрубленного от ключицы до паха, вздрогнул и пристально взгляделся в Гвениля. Нет, чепуха, этого просто не может быть!..

Увлечшийся эспадон не обратил на меня ни малейшего внимания.

– А Дан Гьены в своем пыльном Мэйлане Придатка с самого раннего детства в работу берут! Ведь такого, как наш Единорог, и дитя в руке удержит. Вот и выходит, что им и без Посвящения можно! Сами учат, сами и пользуются...

«Удержать-то дитя удержит», – про себя подумал я и вспомнил Придатка Чэна шести лет от роду, его отца Придатка Янга в том же возрасте, их предка Придатка Лю Анкора, которого я перевез в Кабир... Вспомнил и те хлопоты, которых стоило мне их обучение. Пока они меня правильно держать научились, не роняя да не спотыкаясь... я ведь не канат для падающего, в меня из всех сил вцепляться нельзя, у Дан Гьенов упор на три пальца...

– А-а-а, – расслабленно протянул Махайра.

– Чего «а-а-а»?! – обозлился я. – Мы со своими будущими Придатками с самого, почитай, начала возимся чище Детских Учителей, а не ждем вроде тебя с Гвенилем, когда нам уже обученного приведут! Вот поэтому...

Договорить мне не дали. Хлопнула дверь, и грузный Придасток внес в алоу-хона Шешеза Абу-Салима. Их величество огляделись по сторонам, соизволили выбрать дальнюю от входа стену, где и повисли сразу на двух крюках. На двух – это для грациозности висения, надо понимать.

Еще раз прошлись по встрепанному меху бордовые сапоги шагреновой кожи с модными кисточками на голенищах – и дверь закрылась за Придатком Абу-Салима.

Шешез поворочался, устраиваясь в более наклонном положении, и с интересом глянул на нас.

– Что замолчали, гордость Кабира? – весело бросил Шешез со стены, и мне показалось, что веселость ятагана неискренняя. – Опять спорите? Я к вам за советом пришел, а вы все что-то делите...

– За советом, как правитель фарр-ла-Кабир, или за советом, как мой вечный соперник в рубке, ятаган Шешез?

Нет, Гвениль положительно не умел соблюдать никаких приличий! Ему хорошо, он в Кабуре в гостях, а не в вассальной зависимости... правда, зависимость моя больше на словах, а Гвен сидит в столице лет на сорок дольше меня, и домом своим давным-давно обзавелся, и семьей обзавестись заодно хотел, да отказали ему, грубияну двуручному...

– Как тот и другой сразу, – помрачнев, ответил ятаган.

– А в каком важном деле совет требуется? – Махайра слегка шевельнулся и концом клинка успокаивающе тронул Гвениля за массивную крестовину.

– Турнир хочу отменить.

– Что? – хором вскрикнули мы втроем. – Почему?!

– Потому что боюсь, – оборвал нас Шешез.

Признание его прозвучало сухо и веско, заставив поверить в невозможное: ятаган фарр-ла-Кабир, племянник Фархада иль-Рахша, чего-то боится!

– Знаете небось, что ночью на улице Сом-Рукха произошло? Мне утром донесли; только слухи – они моих гонцов быстрее...

– Знаем, – проворчал Гвениль.

– Слышали, – отозвался Махайра.

– Кто это был? – вместо ответа спросил я, не уточняя, кого имею в виду: убитого или убийцу.

– Шамшер Бурхан ан-Имр, из сабель квартала Патаяя. А убийца... ну, в общем, под подозрением...

Он все не мог договорить, и когда наконец решился, то вид у Шешеза был такой, словно он сам себе удивлялся.

– Под подозрением – Тусклые.

Это было равносильно тому, что сказать: «Под подозрением ночной ветер». Или: «Подозревается призрак Майского Ножа». Или еще что-нибудь в этом же духе...

По позе Гвениля было хорошо видно, как относится прямолинейный эспадон к такому, мягко говоря, странному заявлению. А вот Махайра внезапно оживился и с интересом ожидал продолжения.

А я понимал, что не зря Шешез вчера приходил ко мне в гости, и не зря сейчас он перестал ломать комедию и заговорил всерьез.

Поросший лесом Лоулез – родина Гвениля и его братьев, где на редких холмах возвышаются сумрачные замки с пятью сторожевыми башнями, или масличные рощи Кимены, где жили родичи Махайры, – в Мэйлане уже успели забыть, забыть и снова вспомнить то, о чем Лоулез и Кимена только сейчас начинали узнавать. Да и сам Кабир был все-таки поближе к Мэйланю – я имел в виду близость скорее духовную, чем простое количество верблюжьих перегонов, – и поэтому Шешез сумел решиться...

Ладно, пару часов назад я согласен был поверить, что Фархад иль-Рахш мог застать времена Диких Лезвий. Но многие ли поверят мне, если я заявлю во всеуслышание, что я много лет тому назад бежал из Мэйлания, повинаясь велению старейшин, решивших спасти молодежь от Тусклых?!

Бежал вместе с Да-дао-шу, вместе с яростными Сизыми Лепестками, вместе с единственным наследником Орлиного Когтя крюком Цзяньгоу! Бежал, оставляя за собой старейшин Высших родов Мэйлания, которые силой отослали нас – свою надежду на возрождение в случае поражения!

Нет – в случае того неясного, что гораздо хуже поражения... потому что кто поверит? Никто... Даже я – я ведь и тогда не верил, хоть и послушался, и сейчас... страх это, а не вера.

– Что ты знаешь о Тусклых, Высший Мэйлания Дан Гьен? – тут же спросил Шешез, подметивший мое состояние.

И уже другим звоном:

– Расскажи, Единорог... пожалуйста.

И я заговорил.

– Никто достоверно не знает, как рождается Тусклый клинок или как родившийся Блистающим становится Тусклым. Иные говорят, что когда ломается и погибает Блистающий, то перековывают его в тайных кузницах и закаливают в крови зверя дикого, зверя домашнего и в крови Придатка, не достигшего совершеннолетия. И тогда возрождается Блистающий, но дик нрав его, а клинок тускл и горяч. А еще говорят, что Блистающий, вкусивший плоти Придатка по третьему разу – будь то умысел или недомыслие, – тускнеет в течение полугода, но если примет он участие в пяти честных Беседах и двух турнирах с сильнейшими себя, то вновь заблестит он и отвыкнет от вкуса запретного. Разное говорят и о разном молчат... Слышал я, что даже новорожденный Блистающий прямо при закалке потускнеть может, если в смесь глины, речного песка и угольной пыли подмешать пепел от сожженного Придатка, умершего до того не своей смертью...

Я остановился и некоторое время молчал, глядя в огонь очага. Редкие язычки пламени выстреливали вверх горячими жадными клинками...

– Ничего я не знаю о Тусклых, – глухо прозвенел я. – Ничего. Я ведь из Мэйлания совсем молодым уехал... а молодые – они глупых стариков слушать не любят. Вот и я – слушался, а не слушал.

– Как это ничего?! – возмутился Махайра. – А это?..

От волнения он стал несколько косноязычным.

– Он прав, – отозвался со стены Шешез. – Это не знание. В это можно лишь верить. Или не верить.

Гвениль слегка шелохнулся, срезав клочок шерсти с барсовой шкуры, на которой лежал, и вновь замер.

– Я не верю, – холодно заявил он. – Глупости все это! Тусклые, теплые... Ни один Блистающий не станет умышленно портить Придатков! Ни разу не слышал о таком и сейчас тоже не намерен!..

– Стали, – коротко лязгнул Шешез Абу-Салим. – В Хаффе стали, и в Дурбане стали... И в Кабире. И, как я понял, в Мэйлане тоже. Я – верю.

– А я не знаю, – честно сказал Махайра. – Не знаю, и все тут. А ты, Единорог?

– Я не верю, – ответил я и, после долгой паузы, закончил: – Я уверен.

3

...– Шешез Абу-Салим фарр-ла-Кабир... – Махайра словно пробовал на изгиб прочность этого имени. – А почему ваше величество пришли за советом именно к нам троим? Или все-таки только...

По-моему, Кресс и меня хотел сперва назвать полным именем. Но нет, напускная официальность слетела с него, и Жнец просто закончил:

– Или все-таки только к Единорогу?

Шешез ответил не сразу. А когда ответил...

– Махайра Кресс Паллантид из Высших левой ветви Омелы Кименской, по прозвищу Бронзовый Жнец, – я пришел за советом к вам троим. К тебе, к Высшему эспадону Гвенилю Лоулезскому, известному в Кабуре как Рушающаяся Скала, и к Высшему Мэйланя прямому Дан Гьену, более прославившемуся под прозвищем Мэйланьский Единорог. В Кабуре погиб Блестающий. Вы хорошо расслышали то, что я сказал?

Ятаган умолк, давая нам осознать всю никчемность наших титулов перед случившимся, и спокойно продолжил:

– У остальных Высших, с которыми я разговаривал сегодня до вас, мнения разделились поровну. Тридцать шесть за то, чтобы проводить турнир согласно традиции и не обращать внимания на досадные случайности; тридцать шесть – против. И без вашего совета нам не выйти с дороги раздумий на обочину решения. Вы – не самые мудрые, не самые старшие, но вы – последние.

Я стоял вроде бы и не особенно близко к очагу, но мне остро захотелось вызвать Придатка Чэна, чтобы тот вынес меня за пределы алоу-хона или переставил как можно дальше от тепла, такого неприятного в этот миг...

– Отказаться от турнира из-за мэйланьских сказок? Чушь! – отрезал Гвениль. – Мы за традиции! Правда, Жнец?

– Неправда, – неожиданно для меня возразил Махайра. – Никогда еще Блестающие не убивали друг друга и не шли на умышленную порчу Придатков. Пока не выяснится, случайно происходящее или нет, турнир проводить нельзя. Я считаю так.

Шешез задумчиво покачался на крючьях.

– Никогда, – пробормотал он, – это слишком неумолимо. Честнее будет сказать, что на нашей памяти Блестающие не убивали друг друга и не портили Придатков. На нашей, пусть долгой, но все же ограниченной памяти... Тем не менее голоса вновь разделились. Тебе решать, Единорог.

Я вспомнил прошлый турнир. Зелень поля, на котором велось одновременно до двух дюжин Бесед, упоение праздником и разрезаемый пополам ветер, подбадривающие возгласы с трибун и солнечные зайчики, уворачивающиеся от Блестающих... и потом, долго – память о турнире, споры о турнире, нетерпеливое ожидание следующего турнира...

И сломанный труп Шамшера Бурхан ан-Имра из сабель квартала Патайя, что в десяти минутах езды от моего дома... совсем рядом. Одинокий шарик с треснувшей гарды у глинобитного дувала; и бурая запекшаяся пыль, в которую ложились суровые копыта Чиань...

Я взвешивал звенящую радость и гулкий страх. Пустоту смерти и вспышку жизни. Моя гарда похожа на чашу, доньшком к рукояти; на одинокую чашу весов...

Я взвешивал.

– Если из страха перед незнакомой смертью мы откажемся от привычной жизни, – наконец произнес я, и огонь в очаге притих, словно вслушиваясь, – мы, возможно, избегнем многих неприятностей. Но тогда тень разумной осторожности ляжет на всех Блестающих, и мы начнем понемногу тускнеть. Мы станем коситься друг на друга, в наши Беседы вползет недо-

верие, и наступит день, когда мой выпад перестанет восхищать Гвениля, а Махайра позавидует Шешезу. Я – Высший Мэйланя прямой Дан Гьен – выйду на турнирное поле в положенный срок, даже если окажусь на поле один. Или если буду знать, что могу не вернуться. Я сказал.

– Ты не будешь на поле один, – тихо отозвался Гвениль. – Ты не будешь один, Единорог. Это я тебе обещаю.

Махайра весело заблестел, подмигивая непривычно серьезному и немногословному эспадону.

– Герои, – сообщил он. – Глупые герои. Или героические глупцы. Придется мне, бедному умнику, тоже явиться на турнир. В случае чего я всегда смогу заявить, что предупреждал вас. Слабое утешение, но другого вы мне не оставили.

– Вот и они так сказали... – прошептал Шешез. – Странно...

– Кто? – спросил я. – Что сказали-то?

– Детский Учитель нашей семьи... он сказал, что если решать придется Единорогу, то турнир состоится. Словно предвидел...

– Ты произнес «они»... Кто еще говорил обо мне?

Я ждал. И дождался.

– Дзюттэ, – нехотя прошуршал ятаган. – Дзюттэ Обломок.

– Шут? – удивился Гвениль.

На этот раз Шешез промолчал.

Глава третья

1

...И трибуны разразились приветственным звоном, когда вокруг злого тонконового жеребца и маленького Придатка, вставшего на стремянах, закружился сошедший с ума смерч семи локтей в поперечнике – и в свистящей воронке мелькали то сталь громадного лезвия с шипом на тупом обухе, то заостренный наконечник обратной стороны древка, то желто-багряные кисти из конского волоса...

– Давай, Кван! – не выдержал я. – Давай!..

И Лунный Кван дал. Храпящий жеребец боком понесся по полю, чудом лавируя между вкопанными деревянными столбами, – и рушились мертвые деревья без веток и листьев, белея косыми срезами, щетинясь остриями изломов, взвизгивая, всхлипывая, треща... Смерч замедлился, став трепещущими крыльями невиданной бабочки, еще раз пронеслись по воздуху осенние кисти – и вот уже спокойный и неторопливый Кван-до, Лунный Вихрь, упирается в землю рядом со взмыленным конем, косящим кровавым глазом.

Не стоило мне, конечно, заводить, да еще и подбадривать Квана прямо отсюда, с поля... Не к клинку. Мне сейчас на другое настраиваться надо. Вон, поле большое, на семи площадках Беседуют, на пяти предметы рубят, дальше Катакама-Яри и Фрамея копейные танцы танцуют – а на каких трибунах больше всего Блистающих собралось?

На западных.

А почему?

А потому, что на третьей западной площадке победитель в последней рубке после всего встретится с Мэйланьским Единорогом – со мной, значит...

Вот и нечего мне на все поле лязгать, позориться!

А рубка знатная была!.. Трое сошлись – Гвениль, эспадон мой неуступчивый, их величество Шешез Абу-Салим и так далее (следит он за мной, что ли? И рубит оттого, как никогда...) и гость один заезжий, тоже двуручник, как и Гвен, а имя я в суматохе спросить забыл.

Видел я похожих, еще в Вэе видел – там их «Но-дачи» звали, «Длинный меч для поля» на старом наречии. Ну и ладно, пусть пока Но-дачи побудет – мне его не титуловать, а так ведь и меч он, и длинный, и для турнирного поля в самый раз... не обидится.

Куклу, понятное дело, вся троица легко срубила, на полувзмахе, – а дальше началось! Кто во что горазд, а уж горазды они на всякое... Шешезу, как всегда, грубое сукно на стальную проволоку в дюжину слоев наматывают, гостю циновку из бамбуковых полос в рулон скатали, а Гвениль столб крайний, что от Лунного Квана остался, попросил листовой бронзой обшить на скорую руку.

Свистнули они – было три предмета для рубки, стало шесть! Гвениль на Шешеза скосился и свой коронный «волос на воде» заказывает. Рассек, блеснул улыбочиво и ждет. А ятаган по платку кисейному полоснул – да не прорезал до конца! Платок влажный попался, или сам Шешез оплошал, от забот государственных...

Я и оглянуться не успел – Но-дачи клинком повел из стороны в сторону, медленно так, плавно... Жужжала рядом стрекоза, а теперь лежит на траве два раза по полстрекозы, и обе половинки тихие такие, не жужжат больше!

Смотрю я на Гвениля и на соперника его: похожи они оба, дальше некуда! Оба двуручные, оба без ножен – таких дылд даже из-за плеча не вытянешь, они ж длиннее перехвата руки! – оба у своих Придатков на плечах развалились, и характер у обоих небось один другого мягче да приятнее!

Только Гвен обоюдоострый и прямой, а гость однолезвийный и слабо-слабо изогнутый, словно не решил до сих пор, каким ему быть. Ах да, еще у Гвениля крестовина здоровенная, а у Но-дачи огрызок какой-то овальный вместо гарды...

А так – как в одной кузне рожали!

Тут как раз для меня «коровью тушу» вынесли и подвесили на тройных цепях. Мешок это кожаный, и набит он изнутри разным металлическим хламом потуже, чем корова – костями. Еле-еле пустого места остается, чтоб протиснуться!

Нет, ничего, протиснулся... и на прямом выпаде, и на косом, и на том, что родня моя звала: «Спящий Единорог видит луну за тучами». Потом так изогнуться пришлось, чтобы в кость железную не въехать, что успел только небо поблагодарить за гибкость свою врожденную да за пальцы Придатка Чэна, которыми я его учил крюки стальные из стен выдергивать и мух на лету ловить, крылышек не повредив! Ладно, что теперь зря расстраиваться...

Потом Придатки Гвениля и Но-дачи мелкие монетки «гитрифи» в «корову» по очереди кидали, а я в место попадания входил и обратно выныривал, пока монетка на землю соскальзывала. Тут Гвениль почему-то заблестел весь, словно пакость какую придумал, и Придатка своего ко мне ведет.

– Слушай, Однорогой... – говорит, а тут и Но-дачи рядом оказался, почти вплотную.

– То бишь Высший Мэйлания Однорогой Дан Гьен, – поправляется Гвениль. – Тут у нас спор один зашел...

Ну что с него взять? Он ведь не со зла, просто говор у него такой, без тонкостей, как у всех лоулезцев. Помню, я как-то битый час объяснял ему разницу между «однорогом» и «единорогом». Выслушал меня эспадон не перебивая, а потом и спрашивает:

– Ну рог-то у него один?

– Один, – говорю.

– Ну и нечего мне лапшу на крестовину наматывать! – отвечает.

Лапша – это еда такая, Придаток Гвениля ее очень любит. Поговорили, значит...

Правда, с тех пор он меня чаще всего правильно зовет. А в турнирном запале – как получится.

– ...спор один зашел, – продолжает меж тем Гвениль. – Соперник мой интересуется: дескать, когда он меня в рубке победит – заметишь, «когда», а не «если»! – то как ему с тобой в

Беседе работать, чтоб внешность твою замечательную не повредить ненароком. Больно легкий ты, вот он и опасается... Уступить ему, что ли, пусть сразу и попробует?

Улыбнулся я про себя, но виду не подал. Сам Гвениль при первой своей Беседе со мной на том же вопросе и ожегся, так что ему теперь кого другого подставить – самое милое дело!

Повернулся я к Но-дачи, а тот молчит серьезно и ждет.

– Тебя, – спрашиваю, – в землю до проковки зарывали?

– Зарывали, – отвечает. – На девять лет, как положено.

– Ладно, – киваю. – А полировали небось дней пятнадцать?

– Да, – отвечает, но уже тоном ниже.

– Хорошо, – говорю, а сам у Придатка Чэна над головой вытягиваюсь вроде радуги. – Ты – гость, тебе и рубить первому. Давай!..

Молодец он оказался! Гвениль по первому разу – и то постеснялся, поосторожничал, а этот с Придаткова плеча и полоснул наискосок, без замаха! Принял я его на полкакания – еще подумал, что Гвен потяжелее будет, – а там из-под него вывернулся, Придатка Чэна вправо увел и в дугу согнулся.

Он чуть в землю не зарылся, Но-дачи этот. Правда, «чуть» не считается, особенно если он от земли поперек Придатка моего пошел, во всю длину, да еще на уровне живота! Опасное это дело, такая махина не всегда вовремя остановиться может, даром что он Гвениля легче...

Ну и не стал я с ним в игры играть. Упал мой Чэн, как есть упал, навзничь – а гость над нами пронесся, только ветерком хлестнуло. Придаток его с ноги на ногу перепрыгнул, споткнулся и рядом с нами на четвереньки встал.

А как ему на ногах удержаться, когда у него сандалии на деревянной колодке да на двух ремешках, а я те ремешки на левой сандалиии, пока Придаток Чэн на земле раскидывался, пополам разрезал?!

Гвениль веселится – он такие шутки почище Бесед любит, – на трибунах визг со скрежежом вперемежку, а Придаток гостя уже на пятках сидит, и сам гость у него на коленях лежит.

Молчит. Только подрагивает слегка. И пасть кошачья, что у него на головке рукояти, невесело так скалится...

– Ну что, – спрашиваю, – понял?

– Понял, – отвечает. – Благодарю, Высший Дан Гьен, за науку.

Дважды молодец! Гвениль – тот, помню, до вечера ругался, пока не уgomонился.

– Еще хочешь? – спрашиваю.

– Обязательно.

– Ну вот, – говорю, – обставишь Гвениля в рубке, тогда и повторим.

И повел Придатка Чэна к другим площадкам.

2

Мне нужно было хоть немного расслабиться. Одергивание самоуверенного Но-дачи потребовало больше сил и энергии, чем это могло показаться с первого взгляда. Поэтому я пустил Придатка Чэна бесцельно бродить между турнирными площадками, останавливаясь то тут, то там, а сам попытался на время забыть о предстоящей финальной Беседе – с Гвенилем или Но-дачи.

Первый уже неплохо знал мои обычные уловки – во всяком случае, некоторые из них, – а второй после трепки будет начеку, так что...

Все, забыли! Гуляем...

У южных площадок, где состязались древковые Блистающие, я задерживаться не стал. Волчья Метла к турниру не вернулась, а остальные Длинные – кроме, пожалуй, Лунного Квана, но его я уже видел – меня интересовали мало.

Шел третий день турнира, а первые три дня всегда идут под девизом: «Подобные с подобными». Или хотя бы с более-менее подобными. День смешанных Бесед наступит лишь завтра, но Метлы все нет, и я скорей всего раз-другой встречусь с Нагинатой Катори, явной фавориткой, а там уйду на трибуны. Или домой. Нет, домой не уйду, что это я в самом деле...

– Зар-ра! – неожиданно взметнулось слева от меня. – Зар-ра-хид!..

Я свернул на крики и пару минут любовался, как мой замечательный дворецкий беседует с ножами-двойняшками Тао. Зрелище заслуживало внимания. Эсток Заррахид был более чем вдвое длиннее любого из двойняшек, но зато каждый Тао был почти вчетверо шире невозмутимого эстока. Широленные братья верткой рыбой металась в руках своего низкорослого Придатка, то ложась вдоль предплечья, то вновь выныривая акульным плавником острия вперед. Но все их отчаянные попытки ближе подобраться к Заррахидову Придатку мгновенно пресекались недремлющим эстоком.

Я вышел из ножен и, продолжая наблюдать за Беседой, стал повторять некоторые движения Заррахиды. Естественно, добавляя кое-что свое.

Придаток эстока, казалось, врос в землю и пустил корни подобно вековой сосне – да, это не мой Чэн, способный вертеться в момент Беседы почище братьев Тао, хоть и нелепо сравнивать Блистающих и Придатка, – но вытянутое жало Заррахиды неизменно нащупывало любую брешь в звенящей обороне двойняшек, отгоняя злившихся братьев Тао на почтительную дистанцию.

– Зар-ра! Зар-ра-хид!..

Я на миг присоединился к скандирующим Блистающим, поддерживая моего дворецкого, затем спрятался в ножны и послал Придатка Чэна дальше.

– Единорог пошел, – услышал я чью-то реплику. – Своими любовался...

– Ну и что? – незнакомый голос был раздражающе скрипуч.

– А то, что вон тот эсток – из Малых его дома. Вот я и говорю...

– Ну и что? – снова проскрипел невидимый упрямец.

Я обернулся в надежде увидеть болтунов и обнаружил за спиной Придатка Чэна – кого бы вы думали?! – Детского Учителя семьи Абу-Салим и Дзюттэ Обломка. Они, как и на Посвящении, делили между собой одного Придатка, удобно устроившись: Учитель – на поясе, шут – за поясом.

«Хороший пояс, – ни с того ни с сего подумал я. – Кожа толстая, с тиснением «узлы и веревки», пряжка с ладонь... на пятерых места хватит».

– Прогуливаешься, гроза Кабира? – опустив положенное приветствие, нахально заявил шут. – Ну-ну...

Голос у него оказался низкий и глубокий, вроде гула ночного ветра в прибрежном тростнике. А я почему-то решил, что он сейчас заскрипит, как тот, невидимый... нет, конечно же, это не они! С чего бы им меня за глаза обсуждать, да еще и препираться?!

– Прогуливаюсь, – ответил я. – Кстати, Дзюттэ, все хочу тебя спросить – ты в юности небось подлиннее был?

Раздражение, накопившееся во мне, требовало выхода.

– А с чего это ты взял? – удивился шут.

– Ну, я так полагаю – сломали тебя когда-то не до конца, вот с тех пор Обломком и прозывают...

Мне очень захотелось, чтобы Дзюттэ обиделся. Или хотя бы втянул в глупый и грубый разговор Детского Учителя. Даже если я не прав – а я не прав.

Только он не обиделся. И Учитель промолчал.

– Иди «корову» потыкай, – ехидно усмехнулся шут. – Глядишь, ума прибавится... Ты – Единорог, потому что дурак, а я – Обломок, потому что умный, и еще потому, что таким, как ты, рога могу обламывать. До основания. А затем...

– А затем я хочу спросить тебя, Высший Дан Гьен...

Это вмешался Детский Учитель. Глухо и еле слышно. После вежливого обращения он выдержал длинную паузу, заставляя меня напряженно ожидать продолжения, которого я мог бы и не расслышать в турнирном шуме. Ну, давай договаривай, тем более что гомон позади нас малость утих... интересно, кто верх взял – Заррахид или двойняшки?

– Ты эспадону Гвенилю доверяешь? – неожиданно закончил Учитель.

– Как себе, – не подумав, брякнул я, потом подумал – хорошо подумал! – и твердо повторил:

– Как себе.

– Нашел, кого спрашивать, Наставник! – вмешался шут Дзюттэ, в непонятном мне возбуждении выпрыгивая из-за пояса и прокручиваясь в руке Придатка ничуть не хуже любого из ножей Тао.

Вот уж от кого не ожидал!

– Единорог у нас всем и каждому доверяет! Любому – как себе! И в Мэйлане, откуда удрал невесть когда и невесть зачем, и в Кабуре, и здесь, на турнирном поле...

И уже ко мне, вернувшись на прежнее место и выпячивая свою дурацкую одностороннюю гарду в виде лепестка:

– Ну что тебе стоило после Посвящения сказать Шешезу то, что надо? Глядишь, и отметили бы турнир, и у нас забот этих не было!..

Интересно, какие-такие у него заботы?!

– Все? – спрашиваю. – Тогда мне пора.

И двинул наискосок к щитам, где метательные ножи восьми местных семейств и пять гостей из Фумэна в меткости состязались.

Только и услышал вслед:

– Зря ты его злил, Дзю... он и так мало что понял, а теперь и подавно. – Это Детский Учитель.

Пауза. И тихо почему-то, словно весь турнир вымер.

– Злю – значит, надо. – Это уже Обломок, шут тупой. – Злые – они острее видят, а добрые – слепцы! Гвениль его только что под чужой удар подставил, до проверки Мастерства Контроля, а этот Рог Мэйланьский... Добренские мы все, Наставник, по самую рукоять добренские, не переучить нас!..

И – еле слышно во вновь возникшем гомоне – чей-то скрипучий смешок.

3

...Испортили настроение, мерзавцы! Чуть Учителю сгоряча по-Беседовать не предложил... И не то чтоб я его опасался или еще что-нибудь – у такого и выиграть почетно, и проиграть не зазорно, – а просто неловко на турнирном поле препираться и Беседы случайные затевать.

И с кем? С Детским Учителем семьи Абу-Салим?! Не хватало еще с шутком на площадку выйти, на потеху всему Кабиру... Расслабился, называется! Завелся с первого взмаха, как вчера кованный...

– Айе, Единорог! Оглох, что ли?!

Совсем рядом ударили в землю конские копыта, налетевший ветер принес с собой запах звериного пота и кожаной сбруи, и сбоку от меня вырос Лунный Кван-до, вонзив в землю наконечник основания древка.

Казалось, что щуплый и жилистый Придаток в юфтевой куртке по пояс и штанах из плотно простеганной ткани, гарцуя на плохо обьеженном коне, уцепился с перепугу за ствол

одинокое кипариса, у которого вместо кроны по ошибке выросло огромное лезвие с толстым шипастым обухом.

– Ну, мэйланец, ты даешь! Тебя на твоей площадке уже битый час дожидаются! Твой выход! Гвениль кривому двуручнику уступил, все тебя ищут...

Вот сколько себя в Кабуре помню, всегда у Квана Придатки мелкие...

Что? Что он сказал?!

То, что Гвениль умудрился-таки проиграть заезжему Но-дачи, сразу оттеснило на задний план все прочие мысли.

– Как уступил? На чем?!

– Да в самом конце... Их сперва, как ты ушел, на Мастерство Контроля трижды проверяли – и все в лучшем виде! У гранитной плиты, у натянутой струны, у бычьего пузыря – оба при ударе в полный размах вплотную останавливались! После по горящей свечке срубили – опять на равных... фитиль сняли, свеча стоит. А там гость предложил гвозди в воздух кидать. Вот Гвен на втором гвозде-то и срезался!..

Увлеченный Кван все говорил и говорил, подробно перечисляя мельчайшие детали состязания в рубке, но я уже не слушал его, поймав себя на странном и неприятном чувстве.

Очень странном и очень неприятном.

После проклятых слов шута поражение Гвеня стало приобретать для меня довольно неожиданную окраску. Действительно ли опытный эспадрон уступил рубку, наравшись на более умелого Блистающего, или крылся в этом какой-то тайный умысел? Вот и у Абу-Салимов он громче всех за турнир высказывался, несмотря на предупреждения Шешеза да мои слова...

Стоп, Единорог, не дури... Гвениль-то, может, и громче других был, да только твой голос последним получился, последним и решающим! И кто, как не ты сам, минуту назад утверждал, что веришь эспадону, как себе?!

Верю. Да. И в Тусклых верю. И в то, что бред это все, – тоже верю. И в то, что Тусклыми не сразу становятся. И...

Ох, что-то много всякой разной веры на одного Единорога!

И Придатка на улице Сом-Рукха, пополам разрубленного, тоже сам видел. Впервые в жизни такое видел – но понимаю, что в принципе многие из Блистающих на это способны. Вон, тот же Кван или ятаган Шешез... Только я ведь не вчера с наковальни! Кван, конечно, любого Придатка запросто бы развалил – да не так бы это после Кванова лезвия выглядело! И после Шешеза не так...

А я или Заррахид – нам проткнуть проще, хотя мы и рубить можем.

Двуручник там был, Тусклый или какой еще – но двуручник, по повадке да удару... и он же Шамшера ан-Имра ломал.

Чтоб тебе гарду сточили, Обломок тупомордый! До чего довел... в друзьях сомневаюсь, думаю невесть о чем, дергаться скоро начну...

– Ну ты как – дождя будешь ждать из чистого-то неба?! – возмутился Кван, вскидываясь поперек конской холки. – Догоняй!

И я послал Придатка Чэна вслед за удаляющимся конем.

Бегом.

Чтоб дурные мысли из себя выветрить.

4

...Шум трибун отдалился, расплылись туманом силуэты тех, кто толпился у самой площадки, – и мы остались один на один.

Я и Но-дачи.

Финальные Беседы турниров – не место для досужих размышлений или самокопания. Не место и не время. В эти недолгие мгновения собственное бытие переживается особенно остро и впору расцечь мир гордым выкриком: «Я есть!» Воистину правы были древние, говоря, что в такие моменты «один меч сам стоит спокойно против неба!..».

Против неба, в котором так же одиноко вспыхнул луч Но-дачи, пресекая все лишние нити раздумий, еще тянувшиеся во мне.

Нет, это был уже не тот вежливо-самоуверенный Блистающий, которого совсем недавно подводил ко мне Гвениль. Теперь он был внимателен и осторожен, теперь его Придаток был босиком и крепко держал рукоять обеими руками, вознося огромный клинок Но-дачи над головой, словно собираясь пронзить облако.

Там он и замер, этот двуручник, который нравился мне все больше и больше, замер странным шпилем над недвижимым храмом его Придатка.

В Кабуре такие вступления к Беседам были редкостью – но я-то вырос не в Кабуре! И поэтому прекрасно знал, что неподвижность Но-дачи была своего рода вызовом, который можно было принимать или не принимать.

Я принял.

Держась на расстоянии, делавшем невозможным удар без предварительного подшагивания, я выскользнул из ножен и медленно провел правую руку Придатка Чэна по дуге вниз, назад и вверх, указав острием на лицо Придатка Но-дачи. Затем я внутренне напрягся – и Придаток Чэн выставил вперед пустую левую руку, одновременно поднимая левую ногу так, чтобы колено очутилось почти у подбородка.

И напротив каменного храма с остроконечным куполом застыло изваяние танцующей птицы Фэн с расправленными крыльями, правое из которых было вдвое длиннее левого и сверкало на солнце.

Долгое стояние на одной ноге гораздо сложнее и утомительнее, чем на двух – как стоял Придаток Но-дачи, – но я не допускал даже тени сомнения в исходе. Слишком часто мы стояли вот так у себя во дворе, водрузив на поднятое колено Придатка Чэна пиалу с горячим вином, и я уже напрочь забыл те времена, когда вино в конце концов расплескивалось.

Молчали онемевшие трибуны, солнце неспешно двигалось по небосводу от зенита к западу, росли наши тени на земле, а мы все стояли, и только когда шпиль над храмом слегка дрогнул и покачнулся, я позволил птице-Чэну победно всплеснуть крыльями и встать на обе ноги.

После чего на меня обрушилась двуручная молния.

Уходя от первого столкновения и разрывая дистанцию до относительно безопасной, я уже понимал, что Но-дачи будет теперь действовать только наверняка. Проиграв состязание в неподвижности и памятуя о разрезанных ремешках сандалий, он не позволит себе ничего спорного, ничего лишнего, ничего...

Ну что ж, я был рад за него. За него и за себя.

Значит, приходило время для того, что было семейным умением прямых мечей Дан Гьенов моей семьи. Время для того, за что я и отличал род Анкоров Вэйских, предпочитая его любым другим Придаткам.

Придаток Но-дачи стремительно прыгнул вперед, сам Но-дачи взметнулся над его правым плечом – и на миг остановился, не понимая, что происходит.

Придаток Чэн смеялся.

Он смеялся, радостно и искренне, а потом протянул пустую левую руку перед собой и принялся шарить в воздухе, словно пытаясь нащупать что-то невидимое никому, кроме него.

И нащупал.

...Но-дачи не двигался с места, и кончик его клинка подрагивал в опасливом нетерпении.

Пальцы Придатка Чэна побарабанили по опять же невидимой полке и сомкнулись, образуя разорванное кольцо – как если бы в них оказалась круглобокая чашка.

...Босые ноги Придатка Но-дачи нетерпеливо переступили на месте, подминая хрусткую траву, но сам Но-дачи не изменил своего положения.

Я опустил до земли, приняв самое безвольное положение, чуть ли не упираясь острием в невесть откуда взявшийся камешек.

...И Но-дачи, не выдержав, ударил.

Он ударил неотвратимо, как атакующая кобра, он был уверен в успехе и, демонстрируя высочайшее для двуручника Мастерство Контроля, остановился точно вплотную к голове все еще смеющегося Придатка Чэна.

Вернее, вплотную к тому месту, где только что была голова Придатка Чэна. Потому что Придаток Чэн одновременно с ударом поднес бесплотную чашку к губам и отклонился назад, вливая в себя ее содержимое. Так что голова его отодвинулась ровно на четверть длины клинка Но-дачи, и этого вполне хватило.

В то же время Придаток Чэн неловко взмахнул правой рукой, удерживая равновесие, а в этой правой руке совершенно случайно был я.

И мой клинок легко уперся в подмышечную впадину Придатка Но-дачи.

В Беседах Блистающих, особенно в финале турниров, судьи не нужны. Поэтому Но-дачи понял все, что должен был понять. Понял – и ударил на полную длину клинка, сокращая дистанцию до безысходной и держась по-прежнему на уровне головы моего Придатка. И мне даже показалось, что на этот раз Но-дачи мог бы и не успеть остановиться – хотя, конечно, такое могло только примерещиться.

Но содержимое невидимой чашки ударило в голову Придатка Чэна быстрее, чем разозленный неудачей двуручный меч.

И Придаток Чэн упал на колени. Пьяные Придатки плохо держатся на ногах – вот он и не удержался. А я небрежно пощекотал живот Придатка Но-дачи, после чего устало лег на плечо Придатка Чэна.

Обалдевший Но-дачи повел своего Придатка назад, пытаясь разобраться в происходящем, но Придаток Чэн хрипло заорал, протестуя, и кувыркнулся вслед, собираясь продолжить.

Вновь ударила с неба в землю слабо изогнутая молния Но-дачи – и вновь зря.

Придаток Чэн не сумел довести кувырок до конца, неуклюже завалившись на землю еще в середине переката, и Но-дачи вонзился в землю на полклинка левее.

Я по дороге зацепил босую пятку Придатка Но-дачи – и вдруг остановился, пораженный неожиданной догадкой.

Но-дачи вонзился в землю. Но он не мог этого сделать!

Не мог!

Он же предполагал, что в этом месте окажется Придаток Чэн... И, значит, должен был остановиться выше земли, над телом, а не в нем!

Нельзя думать во время Бесед. Нельзя...

– Извини, – свистнул Но-дачи, резко опускаясь почти вплотную к навершию моей рукояти. – Мне действительно жаль...

И я ощутил, что сжимавшие меня пальцы умирают.

Нет.

Уже мертвы.

А рядом упирался в багровую траву обрубком правой руки Придаток Чэн, и немой вопрос бился в его трезвых глазах.

– Ты же... ты же не Тусклый?! – это было все, что мог прошептать я, теряя сознание от мертвой хватки коченеющих пальцев.

– Извини...

– Скорее, Но! Не медли!.. – прозвучал совсем рядом странно знакомый скрипучий голос, и я еще успел увидеть троицу совершенно одинаковых Блистающих, коротких и похожих на трезубец без древка; и все трое размещались за поясом тощего нескладного Придатка... они звали Но-дачи, торопя его, не давая мне договорить, узнать, понять – почему?!

А потом я перестал их видеть – и двуручного Но-дачи, и кинжалы-трезубцы с одинаковыми голосами, и солнце, тусклое и горячее, как...

Потому что пришла темнота.

Постскрипtum

...А трибуны поначалу ничего не поняли.

Когда веселый Чэн Анкор, наследный ван Мэйлания, начинает по обыкновению притворяться пьяным и легкий прямой меч в его руке снует проворней иглы в пальцах лучшей вышивальщицы Кабира – зрители на трибунах замирают от восторга, и кто способен уследить за непредсказуемостью движений улыбочивого Чэна, понять истинную причину, поверить в невозможное?!

А те, кто способен был уследить, кто сумел понять, кто готов был поверить, – увы, не оказалось их в первых рядах толпы, в конце концов ринувшейся на поле... захлестнуло их рокошущей волной, смяло и разметало в разные стороны. Тем и страшна толпа, что тонешь в ней, растворяешься, и не прорваться тебе, не успеть, даже если и видишь ты больше прочих, и жгучий гнев клокочет в твоей груди подобно разъяренному огню в кузнечном горне!..

Где-то в самой гуще людского водоворота оглушающе свистел над головами гигантский эспадон в мощной руке Фальгрима Беловолосого, лорда Лоулеского, и зычный рев северянина едва не перекрывал многоголосье толпы:

– Пустите! Пустите меня к нему! Да пустите же!..

И не было понятно, к кому именно рвется неистовый Фальгрим – к невольной жертве или вслед за бежавшим палачом.

Несся от восточных площадок незаседланный каурый трехлеток, на котором, подобно безумному мальчишке-пастуху, пригнулся к конской шее сам эмир Кабира Дауд Абу-Салим, и кривой ятаган на его боку безжалостно бил животное по крупу, торопя, подстегивая, гоня...

Ужом проскальзывала между сдавленными телами белая туника Диомеда из Кимены, и серповидный клинок-махайра неотступно следил за смуглым и гибким Диомедом, вписываясь в еле заметные просветы, раздвигая толкающихся людей, помогая кименцу протиснуться хоть на шаг... хоть на полшага...

И стояла на самом верху западных трибун у центрального входа ничего не понимающая девушка в черном костюме для верховой езды. А рядом с ней, чуть наклонясь в сторону кипящего турнирного поля, напоминающего сверху кратер разбуженного вулкана, стояла высокая пика с множеством зазубренных веточек на древке.

Благородная госпожа Ак-Нинчи из рода Чибетей и Волчья Метла успели вернуться с горных плато Нижнего Хакаса к самому концу турнира – и мало что говорило им увиденное столпотворение.

Но первыми к Чэну Анкору, истекавшему кровью рядом с наследственным мечом и куском собственной плоти, успели двое. Суровый и строгий дворецкий Анкоров по имени Кос ан-Танья, на перевязи которого взволнованно раскачивался узкий эсток с витой гардой; и один из приближенных эмира Дауда – не то шут, не то советник, не то и первое и второе сразу, – которого все знали как Друдла Муздрого.

Дворецкий Кос ан-Танья спешно перетягивал искалеченную руку Чэна у самого локтя шнуром от чьих-то ножен, а приземистый шут-советник Друдл все глядел сквозь беснующуюся

толпу, пока не опустил в бессильном отчаянии маленький бритвенно-острый ятаган и граненый тупой клинок с одиноким лепестком толстой гарды.

И на этот раз никому и в голову не пришло засмеяться.

А когда безумный океан толпы стал постепенно дробиться на капли отдельных личностей, все поняли, приходя в себя и оглядываясь по сторонам, – поздно. Поздно оправдываться, поздно искать виноватых и карать злоумышленников, потому что все виноваты и некого карать.

Опоздали кабирцы.

– Пустите... пустите меня к нему, – тихо прошептал Фальгрим Беловолосый, и скорбно поник гигант-эспадон в его руке.

Никогда не простит себе Гвениль сегодняшнего проигрыша в рубке...

Часть вторая

Человек меча

*...Воздух умеющий рассечь,
Красным пламенем горящий меч,
В грозные дни напряженных сеч
Удлиняющийся меч.
Для закалки того меча —
Так была его сталь горяча —
Не хватило холодных ручьев,
Множество пересохло ручьев!
Бывший во чреве дракона меч,
Гору способный с размаху рассечь,
Такой, что кинь в траву его —
Он траву сумеет зажечь...*

Манас

Глава четвертая

1

Боль.

Боль ползет от локтя вниз по предплечью, давящим жаром стекает в кисть и изливается огненным потоком из кончиков онемевших пальцев. Потом боль медленно уходит, посмеиваясь, потому что болеть уже нечему. Нет пальцев, нет кисти, нет части правого предплечья.

Ничего этого больше нет.

Все осталось там, на турнирной площадке, – и до сих пор у меня в глазах мерцает тот радужный полукруг, которым на мгновение стало лезвие изогнутого двуручного меча. Тогда я еще не успел понять, что произошло, – только ощутил, что моя правая рука стала непривычно короткой и непослушной.

И небо, небо над головой моего соперника... оно слепо качнулось, метнув солнечный диск куда-то в сторону, когда я попробовал найти точку опоры...

И не смог.

Боли еще не было – она придет скоро, но не сразу, – и вот я с недоумением смотрю то на быстро удаляющегося человека с большим мечом на плече, то на чью-то кисть правой руки, которая почему-то сжимает рукоять моего – моего! – Единорога, валяющегося рядом. Почему мой меч лежит в траве? Почему эти пальцы, вцепившиеся в чужой для них меч, подобно пауку в трепещущую добычу, почему они тоже лежат на траве?

Почему зеленая трава так быстро становится алой?!

А потом наконец приходит боль и у меня темнеет в глазах...

...Сколько же времени прошло с того дня? Неделя? Месяц? Год? Столетие?.. Не помню. Время остановилось, жизнь рассечена мерцающим полукругом, и все скрыто туманной пеленой забытья и безразличия.

И боль.

Боль в руке, которой нет.

Как мне жить дальше?

И стоит ли – жить?

Взгляд мой невольно устремляется в тот угол, где на резной лакированной подставке, привезенной еще моим прадедом из Мэйлани, покоится наследственный нож-кусунгобу. Его я удержу и в левой руке. Его я удержу в зубах. Потому что кусунгобу – не для турниров и парадных выходов в свет. Это пропуск Анкоров Вэйских на ту сторону. Одно короткое движение, слева направо или снизу вверх...

Я встал с постели. Покачнулся.

Устоял.

И долго смотрел на нож, разглядывая потемневшее от времени, но все еще острое как бритва лезвие. Потом медленно протянул руку.

Левую.

Рукоять, покрытая костяными пластинками, удобно легла в ладонь. Слишком удобно. Я подбросил кусунгобу и поймал его клинком к себе. Солнечный луч скользнул по стали, и нож словно улыбнулся, подмигивая и дразня меня.

«Ну что, парень, решился? Тогда ты будешь первым из Анкоров. Я уж заждался...»

Я задумчиво покачал нож на ладони.

– Придется тебе еще обождать, приятель, – невесело усмехнулся я в ответ, аккуратно кладя кусунгобу на прежнее место.

Нож разочарованно звякнул.

И ободряющим эхом отозвался с противоположной стены мой Единорог. Сквозняк, что ли?..

Повинуясь какому-то смутному порыву, я пересек зал и снял меч со стены. Прямой меч Дан Гьен. Фамильный клинок. Часть меня самого.

Держать меч в левой руке было несколько непривычно. А ну-ка попробуем... тем более что тело меня слушается – плохо, но все же слушается.

Для первого раза я замедлился и начал с самого простого. «Радуга, пронзающая тучи» у меня получилась довольно сносно, на «Синем драконе, покидающем пещеру» я два раза запнулся и остановился на середине танца, тяжело дыша. Конечно, усиленные занятия многое исправят, заново отшлифовав движения, но...

Мне и так было достаточно скверно, чтобы пытаться обманывать самого себя. Постороннему зрителю мои движения могли показаться почти прежними, но что-то было не так. Что-то неуловимое, настолько тонкое, что его невозможно было передать словами. И я чувствовал, что ЭТО скорее всего не удастся вернуть никакими самоистязаниями.

Хотя, может быть, дело в моем подавленном настроении?

Я хватался за соломинку.

Я еще раз исполнил «Радугу...», потом сразу перешел к очень сложным «Иглам дикобраза», скомкал все переходы между круговыми взмахами, до боли в деснах сжал зубы и рывком пошел на двойной выпад «Взлетающий хвост» с одновременным падением...

В дверях беззвучно возник мой дворецкий Кос ан-Танья, застыв на пороге и явно не желая меня прерывать.

Однако я прервался сам. И сделал это с болезненной поспешностью. Я не хотел, чтобы Кос видел мой убогий «Взлетающий хвост», разваливающийся на составляющие его «иглы»...

Вот он и не увидел. Или увидел, но не подал виду. Ну что, Чэн Анкор, наследный ван Мэйлани, тебе от этого легче?

Нет. Мне от этого – тяжелее. Хотя, казалось бы, дальше некуда.

– К вам гость, Высший Чэн.

– Кто?

До гостей ли мне?!

– Благородная госпожа Ак-Нинчи, хыс-чахсы рода Чибетей.

По-моему, только Кос ан-Танья с его уважением к любым традициям мог научиться без запинки выговаривать полное имя той, кого я давно звал детским коротким именем Чин. Кос да еще сородичи и земляки Чин из поросших лесом предгорий Хакаса. Ну, им-то сам бог велел, хотя бога их зовут так, что даже Кос себе язык свернет...

Нет, мне не стало веселей от прихода Чин. Чэн и Чин – так любили шутить близко знакомые с нами кабирцы. Ну что, Чэн-калека, улыбнись и отвечай бодро и спокойно, как приличествует воспитанному человеку!..

– Пригласи благородную госпожу войти.

Кос отошел в сторону, и почти сразу в дверях появилась Чин – слегка напряженная и взволнованная. А я на миг забыл о себе и просто стоял, любясь ею, как любят портретом работы великого мастера, только вместо резной рамы был дверной проем.

Черный облегающий костюм для верховой езды с серебряным шитьем на груди и рукавах лишь подчеркивал гибкость ее фигуры (многие в Кабире сочли бы ее излишне мальчишеской, многие – но не я). Выющиеся каштановые волосы легко падали на обманчиво хрупкие плечи, и на лбу непокорные пряди были схвачены тонким обручем белого металла без обычных розеток с камнями – только еле заметная резьба бежала по обручу, и язык этой резьбы был древнее множества языков, на которых говорили, писали и пели в эмирате и окрестных землях.

Самый дорогой самоцвет мог лишь умалить ценность этого обруча – знака Высших рода Чибетей из Малого Хакаса; и самое дорогое платье не добавило бы маленькой Чин ни грана очарования.

И не спорьте со мной! Все равно я не стану вас слушать. Влюбленные и глупцы – безнадёжны, как сказал один поэт, который не был глупцом, но был влюбленным...

Взгляд зеленых глаз Чин с тревогой метнулся ко мне – но тут она увидела Единорога в моей руке, и, даже не успев сообразить, что рука – левая, тревога в ее глазах сменилась радостной улыбкой.

А я незаметно спрятал культю правой руки за спину.

– Я рада приветствовать вас, Высший Чэн, и вдвойне рада видеть вас на ногах и в полном здравии, судя по обнаженному мечу.

Она шагнула за порог и вновь остановилась, обеими руками держась за свою неизменную Волчью Метлу – словно инстинктивно отгораживаясь ею от меня и от того невозможного, небывалого ужаса, который теперь незримо сопровождал меня.

– И я рад вам, благородная госпожа Ак-Нинчи, – раскланялся я в ответ, стараясь держаться к ней левым боком. И, помолчав, добавил:

– Я всегда рад видеть тебя, Чин. Пусть весь эмират провалится в Восьмой ад Хракуташа – даже корчась на ледяной Горе Казней, я буду рад видеть тебя, когда ты пролетишь надо мной, направляясь в Западный Край лепестков. Ну как, похож я на записного сердцеда?

– Как я на эмира Дауда, – усмехнулась Чин и аккуратно поставила свою Метлу в оружейный угол для гостей. А я, сам не знаю почему, опустил рядом с ее пикой Единорога без ножен – хотя обычно мой меч висел совсем в другом месте, чуть поодаль.

Вездесущий Кос уже успел в считанные секунды накрыть легкий стол, расставив в кажущемся беспорядке поднос со сладостями, фрукты в приземистых вазах, две пиалы тончайшего фарфора – в дверь сунулся было кто-то из слуг, но Кос ан-Танья глянул на него, и слугу как ветром сдуло, – и теперь мой чуткий и замечательный дворецкий ставил на центр стола керамический чайничек с подогретым вином.

Белым, лиосским, судя по запаху. Интересно, когда это он успел его подогреть, не выходя из зала? И камин совсем холодный...

– Что нового в Кабире? – осведомился я, безуспешно пытаюсь взять чайничек правой рукой.

Улыбка медленно сползла с губ Чин. Я заметил, что она старается не смотреть на мою искалеченную руку, но, против воли, взгляд Чин то и дело скользил по култе – и тогда пальцы девушки судорожно сжимались в твердые кулачки.

И боль, боль, плывущая в зеленых волнах ее глаз, – не моя боль, чужая, но лучше бы – моя...

Я взял проклятый чайничек левой рукой и неловко разлил дымящееся вино в пиалы, пролив немного на скатерть. Горячие капли расплылись, образовав уродливые пятна.

За это время Чин пришла в себя и даже смогла заговорить.

– О, Кабир – большой и шумный город. В нем происходит столько нового, что о половине узнаешь только тогда, когда оно успело уже стать старым. Что именно тебя интересует, Чэн?

О да, деликатная Чин постаралась ответить как можно уклончивей и беззаботней. Ну что ж, каков вопрос, таков ответ...

– Меня интересует, нашли ли человека, который...

Я тоже помимо воли глянул на свой обрубок и перевел взгляд в угол, где располагались Волчья Метла и Единорог. Почему-то вид оружия не успокоил меня, как бывало обычно. Не так блестела сталь, не так лежал меч, не так стояла разветвленная пика.

Все было не так.

– Он... – Чин запнулась и поспешно отпила из своей пиалы. – Он скрылся. Мне Фальгрим и Диомед рассказывали, а суматоху на турнире я и сама видела, только не понимала ничего. Но нашлись люди, которые вроде бы заметили похожего человека в караване, уходящем в Мэй-лань...

Она вдруг резко замолчала, поняв, что сболтнула лишнего.

Да, наверное, мне действительно не стоило бы этого знать.

Наверняка – не стоило. Но что сказано – то сказано.

– После его... э-э-э... его бегства в городе больше не случилось ничего необычного? – как можно спокойнее поинтересовался я. Проклятье, все время приходится следить за своими руками...

Чин нахмурилась и плотно сжала губы. Она явно колебалась. Но сделавший первый шаг обречен на второй.

– Трое убиты и два человека ранены за последние две недели. Раненые дали описание двоих... – Она долго не могла подобрать подходящего слова, так и не нашла его и тихо закончила: – Но их так и не обнаружили.

– Это не он?

– Нет. Даже не похожи. И оружие совсем другое. Я не понимаю, Чэн...

На глаза ее вдруг навернулись слезы, и от недавней сдержанности не осталось и следа. Передо мной сидела просто испуганная и растерянная девушка, и мне хотелось утешить ее, защитить от всех и вся – если бы не я сам был причиной испуга Чин, не сумев защитить себя самого...

Кто бы меня утешил?! Я смутно подозревал, что в том, что могло бы меня хоть немного утешить, крылось что-то темное и страшное – едва ли не худшее, чем уже случившееся.

– Чэн, я не понимаю, что происходит! Как... как может держащий оружие пойти на такое?! Ранить, искалечить, а тем более – убить! За что? И – зачем?! Это не прибавит к его имени ни гордости, ни почета, да и само имя придется вечно скрывать! Я не понимаю... не могу понять... не могу!..

Она закрыла лицо ладонями, и слезой блеснул бриллиант в перстне на безымянном пальце правой руки. Руки. Правой... О Изначальный кузнец Джангар, неужели я навечно обречен с завистью смотреть на чужие руки?! Даже если это руки любимой девушки...

Руки... и я успокаивающе погладил Чин по плечу уцелевшей рукой.

– Не плачь, девочка. Люди, опозорившие свое право держать оружие, не стоят самой крохотной из твоих слезинок. Нет, не пугайся, я говорю не о себе. Возможно, я заслуживаю сочувствия или жалости, но позора нет на мне, и прошу тебя – не жалея Чэна из Анкоров Вэйских! Потому что может прийти день – и я стану недостойн жалости, но стану достоин позора. И в этот день перестанет саднить моя кисть, оставшаяся там, на турнирном поле. И созревший виноград моей жизни станет в этот проклятый день багряным и горьким вином завершения...

Ладони Чин медленно разошлись в стороны, и она совершенно по-детски уставилась на меня во все глаза, но недетскими были испуг и надежда в этом взгляде.

А я все пытался понять – что же я сейчас наговорил ей?! Слишком сумбурно все получилось, слишком порывисто и нелепо... Искренне говорил ты, Чэн Анкор Однорукий, но словно и не ты говорил... вернее, не только ты.

Кто говорил вместе со мной? Чьи слова походили на язык древних поэм безумного Масуда ан-Назри?

Кто предвидел страшное?..

...Хватит. Пора расслабиться.

– А сейчас, благородная госпожа, позвольте вас пригласить? – И я плавно махнул обрубком в тот угол, где стояло наше оружие.

Продолжение нас самих.

– Почту за честь, Высший Чэн. Но...

– Никаких «но», госпожа! Кто, кроме вас и лучше вас, может мне вернуть прежнее умение?

Чин внимательно поглядела на меня и молча кивнула.

И мы пошли к оружию.

Единорог словно бы сам скользнул в мою левую руку. И все же... Я никак не мог избавиться от чувства неполноценности. И заранее понимал – ничего не получится.

Поддаваться мне Чин не станет – я сразу же увижу и почувствую это. А в полную силу...

К тому же меня все время подмывало перебросить меч в правую руку.

И я сознавал – в какой-то момент, когда сознание уступает место мастерству, я не выдержу.

Переброшу.

2

...Силуэт всадницы уже давно растворился в лиловых сумерках Кабира, а я все стоял у распахнутого окна, смотрел ей вслед и слышал – нет, не цокот копыт по булыжнику, но мелодичный перезвон оружия, звучавший, когда соприкасались мой Единорог и Волчья Метла Чин. Только в сегодняшнем танце я оказался слишком неуклюжим кавалером – и звон выходил не таким радостным, как прежде, срываясь зачастую на болезненное дребезжание...

Да и звучал-то он недолго. Мало того, что острое пики дважды замирало вплотную к моей груди, – в довершение всего Чин удалось выбить взвизгнувший Дан Гьен из моей левой руки, а такого до сих пор не случалось никогда.

Никогда раньше.

Никогда...

Грустный вышел танец. Для обоих – грустный. Теперь-то я знал...

Знал, что отныне мой удел – грубая проза. Потому что поэзия поющего клинка мне более недоступна.

И Чин тоже поняла это. Не могла не понять. Не думаю, что сейчас ей намного легче, чем мне.

Впрочем...

Я стоял у окна и смотрел в сумерки, поглотившие маленькую Чин, которую родные и близкие друзья иногда называли Черный Лебедь Хакаса.

Я был ее очень близким другом.

Улетай, лебедь...

3

...Фальгрим явно задался целью всерьез спoitь меня. Он был излишне весел и многословен, нарочито громко шутил (а голос у Беловолосого и так – о-го-го!), постоянно подливал мне вина и изо всех сил старался не смотреть на мою укороченную правую руку, прятывшуюся в провисшем рукаве халата.

За последние три дня я в полной мере успел оценить деликатность моих знакомых. Все были прекрасно осведомлены о руке бедного Чэна Анкора и все старались на нее не смотреть.

И я в том числе.

Только никому это не удавалось.

И мне – в том числе.

– Наливай! – бросил я просиявшему Фальгриму. – Ах, судьбы наши брeнные, кто был – того уж нет... Подыдем чаши пенные, как говорил поэт!..

Поднимать чашу можно любой рукой. И я пил, пил, заливая кровью виноградной лозы дорогой полосатый халат и мечтая опьянеть до беспамятства.

И – не пьянел. А посему слушал последние новости Кабира в громогласном исполнении своего приятеля – о предстоящей помолвке племянника эмира Дауда, Кемалья аль-Монсора Абу-Салима, и благородной госпожи Масако Тодзи; о приемах и балах; о госте города – Эмрахе ит-Башшаре из Харзы, которому ехидный и острый на язык шут эмира Друдл Муздрый успел прицепить кличку Конский Клещ, и кличка действительно пристала к бедному Эмраху, как тот самый клещ к конской... Фальгрим смеялся долго и со вкусом, после чего продолжил: о купеческом караване из Бехзда, принесшем совсем уж несуразные слухи; о...

Фальгрим все не умолкал, но я уже плохо слушал его, хотя это было и не очень-то вежливо. Два имени засели у меня в голове. Эмрах ит-Башшар из Харзы и Друдл Муздрый – шут, которого многие считали советником эмира Дауда. Впрочем, одно другого не исключало.

Я вспоминал странное поведение харзийца во время нашей первой встречи у башни Аль-Кутуна и после нее, вспоминал многозначительные намеки Друдла, обильно одобренные нахальством... Оба они, безусловно, что-то знали – что-то, что отнюдь не помешало бы знать и мне!

Что?

Хотя... Я невольно покосился на болтающийся рукав. Что мне с этого знания, каким бы оно ни было? Все знание мира не стоило пяти обычных крепких пальцев...

Фальгрим перехватил мой взгляд – и осекся на середине фразы. Понял – зря, все зря. Зря пытался развеселить, отвлечь, напоить... Не казни себя, Беловолосый, не ты в этом виноват. А я и так благодарен тебе уже за саму попытку.

Лицо молодого лорда Лоулезского стало серьезным и суровым. Сейчас он был чем-то похож на собственный двуручный меч-эспадон Гвениль, стоявший позади Фальгрима у стены рядом с моим Единорогом. На мгновение мне даже показалось, что и мечи тоже беседуют друг с другом – разве что вина не пьют.

...Откуда у меня такие мысли? Спьяну, что ли? – так хмель меня сегодня не берет...

– Извини меня, Чэн, – неожиданно тихо заговорил Фальгрим, и его приглушенный бас напомнил мне рокотание отдаленного грома. – Я понимаю, каково тебе сейчас... а если не понимаю, то догадываюсь. Когда б я не проиграл ту проклятую рубку...

Он помолчал, двигая по столу свою опустевшую чашу. Чеканный дракон из серебра, обвивавший ее, подмигивал мне кровавым глазом.

– В Кабире поговаривают, что ты хотел свести счеты с жизнью, – глухо пророкотал далекий гром. – Я рад, что ты не сделал этого...

– Я еще сведу счеты, – криво усмехнулся я. – Только не с жизнью. Вернее, не со своей жизнью.

Фальгрим непонимающе посмотрел на меня и потянулся за узкогорлым кувшином.

Я и сам-то не очень себя понимал. Может быть, во мне проснулась кровь моих вспыхивавших предков из варварского Вэя, гибких и опасных, как клинки.

Кровь...

Алая кровь на зеленой траве.

– Гонец от солнцеподобного эмира Кабирского Дауда Абу-Салима! – возвестил объявившийся в дверях слуга – низкорослый крепыш с двумя боевыми серпами-камами за поясом.

– Проси, – махнул рукой Фальгрим, обрадованный тем, что столь скользкий и болезненный разговор был внезапно прерван.

Как ни странно, я тоже испытал облегчение. Кто утверждал, что больные любят говорить о своих болезнях? Или просто я – не больной?..

А какой я? Здоровый?!

Этого гонца я не помнил, но одевался он точно так же, как и любой гулям эмира – праздничный чекмень темно-синего сукна, подпоясанный алым кушаком, островерхая шапка с косицей гонца, остроносые ичиги на ногах... Ну и непременный ятаган за кушаком.

И сам присланный гулям был так же бородат и черноволос, с тем же орлиным профилем, что и все гонцы эмира. Выращивают их специально для Дауда, что ли?..

– Великий эмир Кабира приглашает Фальгрима, лорда Лоулеского, к себе во дворец. Сегодня вечером состоится помолвка досточтимого Кемаля аль-Монсора Абу-Салима с благородной госпожой Масако Тодзи.

Гонец отбарабанил все это заученной скороговоркой, потом заметил меня – я еще при его появлении отошел к окну, – и поспешил продолжить:

– Вас, Высший Чэн Анкор, великий эмир также приглашает на торжество. Посланный к вам гулям не застал вас дома...

Он запнулся и неожиданно закончил:

– А из вашего дворцового слова не вытащишь!..

Я сдержанно кивнул.

Когда двери закрылись за гонцом, отосланным на кухню, Фальгрим посмотрел в окно, обнаружил за ним то же, что и я – близкий к угасанию день, – и перевел взгляд на меня.

– Ну что, Чэн Анкор Вэйский, пошли жениха с невестой смотреть? А то темнеть скоро начнет. Может, хоть там развеешься...

Я молча кивнул еще раз. Деликатные все-таки у меня друзья...

4

Пышная суэта празднества, на которое мы с Фальгримом слегка опоздали, сразу же закружила меня, действительно давая возможность ненадолго забыться, и я с радостью окунулся в этот шумный водоворот, сверкающий шитьем одежд, ослепительными улыбками, полировкой клинков и чаш с искристым вином.

Я с искренней радостью приветствовал знакомых, стараясь не обращать внимания на бросающиеся украдкой сочувственные взгляды; я раскланивался с дамами, говоря один комплимент за другим; я даже шутил, я был почти весел, суматоха лиц и приветствий вытеснила из головы тяжелые мысли – чего не смог сделать хмель вина, сделал хмель праздника.

Мгновениями мне казалось, что все вернулось на круги своя, что все – как прежде, и я сам – прежний обаятельный и галантный Чэн Анкор, душа общества... и ничего не случилось, словно и не было никогда разрубленного тела на кабирской улице, не было незнакомца с изогнутым двуручным мечом, не было неба, падающего на турнирное поле...

Не было!..

...Когда шум в зале внезапно стих, я даже не сразу сообразил, в чем дело, всерьез увлекшись беседой с крохотным Сабиром Фучжаном, умевшим на удивление легко управляться с огромным Лунным ножом Кван-до.

Оглянувшись, я понял, что близится кульминация сегодняшнего вечера. Гости уже успели освободить центр зала, в углу расположились толстые зурначи со своими дудками и согбенный старец с пятиструнным чангом – и теперь в кругу остались двое.

Племянник эмира Кемаль аль-Монсор – не по возрасту мощный и крепко сбитый юноша – и его невеста, стройная и легкая на ногу Масако из рода Тодзи.

И блики от огоньков множества свечей играли на безукоризненно отполированных лезвиях: узкой и длинной алебарды-нагинаты в руках госпожи Масако и тяжелого ятагана – в руках Кемалья.

В руках...

Я мысленно одернул себя и стал с интересом ждать предстоящего танца в честь помолвки.

Наконец они поклонились друг другу: аль-Монсор – с неторопливым достоинством и сдержанной улыбкой, Масако Тодзи – низко и почтительно, тоже с улыбкой, но чуть лукавой.

А потом нагината госпожи Масако чуть дрогнула и неуловимым движением взлетела вверх, описывая двойной круг вплотную к замершему Кемалю. Замершему – да не совсем. Трижды раздавался чистый звон металла, – это стремительный ятаган аль-Монсора слегка изменял траекторию клинка нагинаты. И тут же сам Кемаль сорвался с места – и жених с невестой закружились по залу в звонком, блистающем танце под пронзительные вскрики зурны и низкий ропот чанга.

Это было Искусство.

Настоящее.

Дважды мелькало гибкое древко и мерцающее лезвие нагинаты проходило впритирку к шелковой кабе Кемалья; и дважды пылающий полумесяц ятагана касался вышитой повязки, стягивавшей под грудью узорчатое кимоно госпожи Масако.

Через некоторое время упал на пол разрубленный пояс и взвихрились освобожденные полы халата аль-Монсора – но в тот же миг одна из прядей черных волос Масако плавно легла ей на плечо и сползла вниз по широкому рукаву.

Жених и невеста улыбнулись друг другу, и танец продолжился. Некоторые гости, не выдержав, начали присоединяться, и зал наполнился звоном и топотом.

Прекрасная пара! Они были просто созданы друг для друга.

Как мы с Чин.

Раньше...

За моей спиной кто-то вежливо кашлянул.

Я обернулся. Передо мной стоял эмир Кабира Дауд Абу-Салим.

Собственной персоной.

– Приветствую тебя, Высший Чэн Анкор, – негромко произнес он, поглаживая окладистую завитую бороду, лишь недавно начавшую сесть. – За все время празднества мы с тобой так и не успели отдать дань приличиям, поприветствовав друг друга...

– Прошу прощения, великий эмир, что я не успел это сделать первым, – смиренно ответил я, склоняя голову. – Для меня большая честь быть приглашенным на этот праздник.

Кажется, я сказал это излишне сухо, а выдать из себя соответствующую случаю улыбку и вовсе не смог – все, праздничный водоворот в моей голове смолк, и я вынырнул на поверхность таким же, каким был несколько часов назад.

Эмир чуть заметно поморщился.

– Я хочу поговорить с тобой, Чэн, – по-прежнему негромко, но уже другим тоном сказал он. – Здесь слишком шумно. Пройдем в мои покои...

– Как вам будет угодно, великий эмир, – еще раз поклонился я и почувствовал, что говорю не то и не так.

На этот раз эмир Дауд вообще не ответил, и мне ничего не оставалось, как просто последовать за ним.

5

В личных покоях эмира я бывал не единожды – Дауд любил приглашать к себе победителей турниров, а я частенько входил в их число, – и всякий раз они поражали меня заново. Нет, не своим великолепием – да и не были они так уж подчеркнута великолепны, – а точным соответствием характеру и даже сиюминутному настроению эмира Дауда. Этого, знаю по себе, не так-то просто добиться, даже имея идеальных слуг. Впрочем, где они, эти идеальные – если не считать моего Коса...

Сейчас покои выглядели сумрачными и даже слегка зловещими. Большая часть свечей в канделябрах на стенах была погашена, и по углам копились вязкие серые тени, словно выжидая своего часа.

Огоньки оставшихся свечей блуждали по перламутровой инкрустации старинной мебели, будто открывая вход в какой-то иной, потусторонний мир. Это было красиво, но вместе с тем немного жутковато.

Хотя, казалось бы, недавно я сам собирался всерьез отправиться в этот запредельный мир теней. И ничего, не боялся... да и сейчас – не боюсь.

Эмир Дауд жестом указал мне на атласные подушки, разбросанные по всему покрывавшему пол ковро. Я послушно опустился на одну из них, а Дауд Абу-Салим устроился напротив, держась неестественно прямо.

Сперва мы немного помолчали. Я ждал, что скажет Дауд, а эмир, по-видимому, собирался с мыслями. Наконец он заговорил – и, признаюсь, от его слов я вздрогнул.

– Ты знаешь, что происходит в Кабире, – начал Абу-Салим без всяких предисловий.

Я не ответил. Я не был уверен, нужен ли здесь ответ, и если нужен – то какой?!

– Конечно, знаешь. И все знают. И я знаю. Но если всем это не нравится, то мне это **ОЧЕНЬ** не нравится. Как и тебе.

– Мне нравится, – горько усмехнулся я.

– Не перебивай без нужды. Потому что все гораздо хуже, чем ты полагаешь, – жестко сказал эмир, кивнув на мою искаленную руку.

Это был первый человек, не старавшийся не замечать моего уродства.

– Что может быть хуже, сиятельный эмир?

– То, что это происходит не только в Кабире. Харза, Кимена, Бехзд, Мэйлань... Короче, по всему эмирату и многим сопредельным землям. По несколько случаев на каждый город, но этих городов довольно много...

Я напрягся.

– Вчера я говорил с Эмрахом ит-Башшаром из Харзы, – продолжил Дауд, глядя мимо меня. – У него погиб друг. Та сабля, что у Эмраха вместо пояса, – память о покойном. Следы привели ит-Башшара в Кабир. И он, как и мы с тобой, пытается понять, что происходит. Только

горяч не в меру, как и все харзийцы. Все нахрапом норовит... Говорил – хочет найти этих... людей. Если их можно так назвать.

Так вот в чем дело! А я-то думал... Мне на мгновение стало стыдно.

– Людей калечат и убивают, – так же жестко говорил эмир дальше. – Пусть – немногих. Ты согласишься, что твоя рука – это немного? И правильно сделаешь. Но мы не в силах положить этому конец. Мы – другие. Нам не понять, как оружием можно убивать. А они, те, кого мы ищем, – такие, какие они есть. И, значит, часть из нас должна уподобиться им. Иного пути нет.

– Но это ведь невозможно! – растерянно выдавил я.

– Наши предки были способны на это, если верить легендам. Значит, это возможно. И Эмрах ит-Башшар хочет стать первым...

Дауд Абу-Салим надолго замолчал, и я не решался прервать его молчание. Я и так понимал, кем хочет стать отчаянный Эмрах и зачем ему это нужно. Ах, как я его понимал!..

– Я хочу, чтобы ты стал вторым, – наконец произнес эмир. – Хочу – и не могу приказывать тебе. Но иначе при столкновении с Другими ты будешь... обречен.

– Я?! А почему – я?..

– Не перебивай меня! И выслушай до конца. Я допускаю, что Эмрах, побуждаемый местью за друга, действительно научится... – эмир все не мог произнести нужное слово. – И я даже допускаю, что он сумеет найти корень преступлений. Но я хочу, чтобы в этот момент рядом с ит-Башшаром был человек, способный не только на... опрометчивые поступки, но и на понимание. Иначе мы будем гасить огонь огнем. Тем более что у Эмраха наверняка найдутся последователи. Мсть – болезнь заразная, вроде чумы...

– Да, заразная, – тихо согласился я. – Хуже чумы.

– Рано или поздно ты сам пришел бы к этому, – кивнул эмир. – Я лишь чуть-чуть подтолкнул тебя. Просто ты – один из немногих, способных устоять на грани. И... ты уже изменился. Разве ты не замечаешь?

– Замечаю, – хрипло проговорил я, не узнав собственного голоса, и откинул правый рукав халата, обнажая обрубок. – Но еще я замечаю и вот это... Не гожусь я теперь в герои. Один, без руки...

– Ты будешь не один. Поисками будут заниматься и другие, помимо Эмраха из Харзы и тебя. А высочайший фирман, обеспечивающий тебе содействие по всему эмирату – и кое-где вне его, – я уже заготовил. Теперь что касается твоей руки...

Эмир как-то странно посмотрел на меня.

– Есть человек, который берется помочь тебе, – закончил он.

Я почувствовал у себя за спиной какое-то движение и быстро обернулся.

Передо мной стоял шут.

Друдл Муздрый.

Плотный коренастый человечек, похожий на пустынного тушканчика, если можно представить себе тушканчика с непоседливостью хорька, нахальством портовой крысы и многими другими сомнительными для тушканчика достоинствами. Восьмиугольная фирузская тюбетейка чудом держалась на его бритом лоснящемся затылке, а многочисленные пятна на куцем шерстяном халате-дзуббе говорили об обильных обедах, сопровождавшихся не менее, а то и более обильными возлияниями.

Крохотные глазки шута сверкали двумя черными маслинами, а между ними алела слива вздернутого носа; при этом луна его лица завершалась черной козлиной бородкой, невымытой и нечесаной со дня сотворения мира.

Или еще раньше.

Таким стоял передо мной их шутейшество Друдл Муздрый, посмешище всего Кабира.

Со своим дурацким тупым кинжалом за поясом. И вдобавок с детским маленьким ятаганом, который таскал в последнее время.

– Поговори с Высшим Чэном, Друдл, – спокойно заявил эмир. – А я не буду вам мешать. Дауд Абу-Салим неожиданно легко поднялся на ноги и беззвучно растворился в тенях.

6

Я выжидательно поглядел на шута. Друдл не обратил на мой взгляд ни малейшего внимания и поспешил плюхнуться на ту самую подушку, с которой только что поднялся эмир.

В руках у шута неизвестно откуда оказалось блюдо с ореховой пахлавой, и он мгновенно набил сладостями свой рот, растянувшийся до ушей.

По-моему, столько пахлавы не влезло бы и в седельный хурджин.

– Ты дурак, – Друдл для верности ткнул в меня толстым и липким пальцем. – Спорить будешь?

Я сперва поперхнулся, словно это в мой рот набили гору сластей, потом представил себя спорящим с Друдлом на предложенную тему и сам не заметил, как отрицательно замотал головой – отрицая непонятно что.

– Значит, договорились, – удовлетворенно подытожил шут. – Ты дурак. И я дурак. Давай поговорим, как дурак с дураком. Руку новую хочешь?

– Зло шутишь, Друдл, – вполголоса ответил я, чувствуя, как во мне закипает гнев.

– Это отвечает умный Чэн Анкор, – блюдо с пахлавой пустело прямо на глазах. – А что ответил бы дурак? Давай попробуем еще раз... Руку новую хочешь? Ну?!

– Хочу!

Я даже не успел сообразить, что отвечаю. И впрямь глупею...

Друдл швырнул пустым блюдом в стену и радостно заскакал на подушке, сплюснвшейся под его увесистым задом.

– Получилось, получилось! – заорал он на все покои, и я испугался, что сейчас сюда сбегутся слуги – спасти эмира от ночных демонов.

Я огляделся – на всякий случай – и пропустил тот момент, когда у Друдла объявилось новое блюдо.

С виноградом. С розовым гератским виноградом.

– Так, продолжим, – шут задумчиво пожевал одну ягоду, плюнул косточками в медную курильницу, не попал и досадливо скривился. – Переходим ко второй части наших дурацких размышлений! А меч ты новый хочешь? Красивый...

– Нет, – твердо отрезал я. – Не хочу.

– Почему? – осведомился шут, лихо объедая кисть винограда. – Была одна железка, будет другая...

Я мрачно усмехнулся.

– Меч – не железка, Друдл. Меч – традиция рода. Меч – продолжение меня самого. Дурак ты все-таки...

– Понятное дело, – легко согласился шут. – Я и не спорю. А ты кончай изображать грозную тучу – свечи от страха погаснут. Ты лучше вот о чем подумай: меч твой – железный... Да знаю, знаю, что стальной – не умничай! Так вот, меч – железный, рука – живая... меч, как мы выяснили, это продолжение тебя самого... А рука?

– Что – рука? – тупо спросил я.

– Ну, рука – тоже продолжение тебя самого? Ты что, действительно дурак? За моей мыслью следить не успеваешь? Ну, живо отвечай! Рука – продолжение или не продолжение?!

У меня вдруг закружилась голова.

– Продолжение, – промямлил я. – А как же... это ведь рука. Живая...

– Выходит, что у тебя, Чэн-дурак, два продолжения? Одно – железное, а другое – живое?

– Выходит, что так, – обреченно согласился я.

А что мне оставалось делать?

– И одно продолжение – которое живое – тебе укоротили... Так, может, нам для равновесия надо другую часть удлинить, а? Железную? Меч – железный, полруки – железные, а дальше – как раньше! И получится у нас...

– Не получится, – угрюмо возразил я, удивляясь, что вообще обсуждаю эту ненормальную идею с ненормальным собеседником. – Ты что, сам не понимаешь – пальцы, ладонь, запястье... Это тебе не просто кусок железа!

– А меч – просто кусок железа? – хитро сощурился Друдл, сдвигая тибетейку еще дальше на затылок.

– Нет... меч...

– Слыхали, слыхали – продолжение тебя самого! Слушай, Чэн, по-моему, ты сам себе противоречишь! Вот уж воистину – все беды от ума!..

Друдл вскочил на ноги и заплясал вокруг меня, хлопая в ладоши и корча рожи, которым мог бы позавидовать полуночный людоед-якша.

– А у Чэна-дурака есть железная рука! – пел он противным фальцетом. – Есть железная рука – вот уж штука на века!

– Нет, – твердо заявил я. – Я в это не верю.

– Потому что умный, – сообщил мне пляшущий Друдл. – Был бы дурак – поверил бы. А в меч свой веришь?

– В меч верю.

– Значит, и в руку поверишь. Вот поглупеешь – и поверишь. – Друдл был непреклонен. – Да что я тебя, в конце концов, как маленького уговариваю?! Тебе это нужно или мне? Ты тут радоваться должен...

– Как дурак, – закончил я недосказанную мысль. – Всех дел-то – раз плюнуть. Сходить в кузницу к мастеру получше... Кто у нас из оружейников в Кабире верховодит? Ассатор иль-Убар? Или Мансайя Одноглазый? Сходить и заказать им...

– Нет, – Друдл вдруг стал ужасно серьезным. – Эти откажут. Они умные, а мы с тобой – дураки. Значит, нам кузнец вроде нас нужен...

– И кто же он такой? – поинтересовался я.

– Коблан. Коблан Железнодорожный, – веско ответил шут. – Есть на окраине один такой кузнец...

– А почему именно Коблан?

– Он тоже дурак. Как я. И ты.

Глава пятая

1

Если в чем-то Кабир и был единодушен, так это в том, что Коблан Железнодорожный – кузнец со странностями. Причем со многими. Мастером-то он считался отменным, и даже, можно сказать, выдающимся, хотя оружие его работы и уступало по изяществу и тонкости внешней отделки изделиям того же Мансайи Одноглазого. Но...

В том-то и беда, что было еще это «но». Мало заказов принимал упрямый Коблан, да и те немногие, на которые соглашался, брал не у всякого – и дело было не в благородстве происхождения или увесистости кошелька заказчика. Насколько я знал от других, кузнец за всю его жизнь ни разу не сделал двух одинаковых или просто похожих клинков. А еще по неизвестным причинам он ужасно не любил узкие мечи вроде эстока моего дворецкого Коса

ан-Таньи или того же Единорога; даже редкие в Кабире шпаги, столь популярные у заезжих гостей из далекого Фиона, заслуживали, по мнению Коблана, участи шампуров для шашлыка.

И то – шашлыка из тощих престарелых баранов. В лучшем случае.

В общем, на оружие, которое ему не нравилось, Коблан заказов не принимал. Даже если такое оружие должно было быть совершенно оригинальным и ни на что не похожим. А когда отвергнутый заказчик упорствовал и назначал двойную или тройную цену, Железнопалый, глядя упрямо в глаза, скручивал спиралью штыри для городских ворот или звал дюжих подмастерьев, и те бесплатно выносили настойчивого клиента на свежий воздух.

Зато Железнопалый мог две недели кряду возиться с каким-нибудь кривым ножом, заказанным соседом-мясником, а потом взять за работу сущие гроши. Но это в том случае, если нож мяснику был действительно нужен. Причем – позарез.

В этом-то и крылась загвоздка. Оружейник Коблан делал только то, что было необходимо людям. Возможно, оружие, выходявшее из-под его рук, выглядело не столь элегантно, как у Ассатора или Убара или Ахмета Кованого Ногтя (Мансайю я уже вспоминал), но зато это была именно та вещь, в которой нуждался заказчик.

Удобство и надежность. Главное – надежность. И предельная простота во всем. Ничего лишнего.

Пожалуй, Друдл дал мне и впрямь мудрый совет...

2

Так что на следующее утро после помолвки я стоял перед дверью дома Коблана Железнопалого – коня я отправил обратно вместе с сопровождавшим меня Косом – и не без некоторого волнения настраивался на предстоящий разговор с кузнецом.

Дверь, преграждавшая мне путь, была чрезвычайно большая, тяжелая и окованная полосою металла. Явно работа самого хозяина. Внушительная была дверь. Прочная. И надежная, как любое творение Коблана.

Вот только – зачем? Чтоб отвергнутые заказчики не ломались?

Пока я размышлял и колебался, дверь отворилась на удивление без скрипа, и на пороге возник молодой растрепанный парень в коротких холщовых штанах, просторной рубашке и кожаном фартуке, за которым торчал малый крик – кинжал с волнистым клинком и змеиной головой на рукояти.

Изумительной работы был крик. Не Коблановой ли?..

Подмастерье, похоже, узнал меня. Это неудивительно – в Кабире Чэна Анкора знают многие, и не только понаслышке. Но сейчас эта мысль почему-то не вызвала у меня привычного чувства удовлетворения.

– Проходите, пожалуйста, Высший Чэн Анкор! Я сейчас доложу устату Коблану. Прошу вас...

Нет, подобострастия не было в голосе лохматого подмастерья, и это неожиданно успокоило меня. Я перешагнул порог, и мы пошли узким темным коридором, после чего подмастерье оставил меня в квадратной комнатке без окон, все освещение которой составляли два немилосердно чадивших факела.

Мой провожатый удалился – видимо, докладывать кузнецу о моем прибытии, как и было обещано, – а я уселся на обнаруженный в углу единственный табурет и принялся ждать.

Кстати, табурет оказался старым, но сколоченным на века. Неужели Коблан от нечего делать балуется плотницким ремеслом? Сомнительно...

Ждать пришлось довольно долго. Коблан, безусловно, не жаловал непрошенных гостей. Хотя, судя по рассказам, он и прошенных жаловал не больше. Чем дольше я сидел, тем жестче

становился табурет и тем чаще я вспоминал Друдла, укрепляясь в мысли о собственной дуристости. Прав был шут – дурак я и есть, с какой стороны ни глянь.

Я глянул с одной стороны, потом – с другой, с третьей, и это не улучшило мне настроения. Ладно, посмотрим еще, каким окажется этот Коблан. Если Друдл и насчет его не соврал...

Дверь, за которой исчез мой провожатый, открылась, и в проеме вырос почти голый детина в уже знакомом мне кожаном фартуке. Сперва у меня даже мелькнула мысль, что он отобрал этот фартук у подмастерья. Хотя нет – этот все же побольше, и фартук, и детина.

Все тело вошедшего поросло густой жесткой шерстью – ну, не шерстью, и не все, но сперва мне показалось, что все, и если на голове кое-где поблескивала седина, то в остальных видимых мне местах курчавый волос был безукоризненно черным.

Очень волосатым мужчиной был Коблан Железнопалый и очень большим. Впрочем, и дверной проем был немалым, так что кузнец (а кто же еще мог стоять передо мной?!) в нем вполне помещался.

– Высший Чэн? – прокашлявшись, хриплым басом осведомился кузнец, и радушия в его голосе было столько же, сколько в рыке попусту разбуженного льва.

Я встал и поклонился, ощутив легкую боль в затекшем позвоночнике.

– А вы, я полагаю, уstad Коблан... э-э-э...

Не договорив, я покосился на его руки. Нет, не руки – лапы. И если то, что я видел, не было обманом зрения – кузнец вполне заслуживал своего прозвища. Равно как и звания уstadа – мастера, имеющего учеников с собственным именным клеймом.

– А то кто же? – хмыкнул Коблан. – Пошли...

И посторонился, пропуская меня вперед.

Спустя несколько минут мы оказались в просторной и довольно светлой комнате, только почему-то практически пустой. Крохотный резной столик на гнутых ножках, ковер на полу, приземистая тахта в углу – и все.

Ах да – на столике медный кувшинчик редкой красоты и две пиалы.

Кузнец молча наполнил пиалы и придвинул одну мне.

– Ну? – выжидательно и весьма неприветливо спросил он, когда я сделал пару вежливых глотков и поставил пиалу на стол.

Вино было не в меру крепким и горьким.

– Отличное вино, – кривя душой, сказал я. – Просто прекрасное.

– Таверна за углом, – отрезал Коблан, опускаясь на ковер и поджимая под себя мощные волосатые ноги. – Ты что, вино пить ко мне пришел?

Не могу сказать, чтобы начало разговора меня сильно обнадежило. Зато разозлило и вернуло самообладание.

– Дрянь у тебя вино, уstad Коблан, – я сел напротив и дерзко ухмыльнулся в лицо кузнецу (вернее, в те островки, что выглядывали из океана бороды). – Напомнишь, я потом распоряджусь, чтоб тебе пару бочек тахирского муската доставили...

Кузнец глянул на меня уже более заинтересованно, а я острее почувствовал, в какое дурацкое положение попадаю.

– Вот, – я закатал правый рукав и показал Коблану обрубок. – Видишь?

– Вижу, – хмуро ответил кузнец. – Не слепой.

– И я вижу, – жестко сказал я. – Так вот, я снова хочу держать меч в этой руке.

– Как ты это себе представляешь? – осведомился кузнец после недолгого раздумья.

– Плохо представляю, – честно признался я. – Что-то вроде железной руки...

И осекся.

Кузнец окинул меня внимательным взглядом с головы до ног.

– Ты дурак? – поинтересовался он.

– Да, – неожиданно для себя самого подтвердил я.

– Похоже, – согласился Коблан. – И кто тебе такое присоветовал?

– Да так, – уклончиво ответил я. – Еще один дурак...

Кузнец сделал изрядный глоток из своей пиалы, встал и прошелся по комнате. Я почувствовал, что в горле у меня пересохло, и тоже поспешил поднести к губам пиалу. За прошедшее время Кобланово вино лучше не стало. Даже наоборот.

– Небось Друдл? – внезапно спросил Коблан, останавливаясь прямо передо мной.

– Он самый, – выдавил я, подавившись вином.

Кузнец удовлетворенно хмыкнул и опять принялся мерить шагами комнату.

– Друдл, Друдл, Друдл Муздрый, – бурчал он в такт ходьбе. – Друдл... Самый злой язык Кабира. И про меня небось говорил, что я – дурак... Говорил или нет?

Я замялся. Сказать правду – обидится кузнец. Соврать – так все равно выплывет, рано или поздно. И вообще не люблю я врать. Не люблю и не умею.

Я уже открыл было рот, чтобы сказать «да», но вместо этого просто кивнул.

Кузнец остановился посреди комнаты, немного подумал о чем-то своем, потом, видимо, пришел к какому-то определенному выводу и вернулся к столу.

– Если б соврал – выгнал бы я тебя, – доверительно сообщил мне Железнопалый. – В шею. А так – давай поговорим...

3

...В кузнице было очень жарко. В углу пылал горн, бросая во все стороны горячие красные отсветы. Другими источниками света служили: небольшое оконце под потолком и несколько горевших на стенах факелов. Двое подмастерьев усердно звенели большим и малым молотами, придавая замысловатую форму раскаленной, пышущей жаром полосе металла – видимо, гарде будущего меча.

Третий подмастерье орудовал мехами, раздувая горн, который и без того, на мой непросвещенный взгляд, горел достаточно хорошо.

По стенам на вбитых крюках были развешаны в образцовом порядке молоты, молотки, молоточки, зубила, клещи, щипцы и еще превеликое множество всяких инструментов, названия которых я не знал.

Пахло огнем (если огонь имеет запах), раскаленным железом и еще чем-то непонятным, но приятно возбуждающим.

Пока я с интересом осматривал кузницу, Коблан сделал мне нетерпеливый знак рукой, приглашая следовать за собой.

В противоположной от входа стене кузницы, в трех шагах от горна, обнаружилась еще одна, не замеченная мной ранее дверь. Кузнец открыл ее и, пригнувшись, чтоб не снести головой притолоку, вошел.

Я протиснулся следом.

Это было какое-то подсобное помещение, но мне на ум сразу пришли два слова: царство металла.

Здесь действительно простиралось царство металла. Чего тут только не было: просто полосы, бруски и листы стали, бронзы, меди и разных сплавов, старые и новые инструменты, целое и сломанное оружие, кухонная утварь, цепи, части оград... Все это изобилие было на удивление аккуратно рассортировано и разложено, так что рачительный хозяин наверняка мог без труда отыскать понадобившуюся вещь.

Коблан оглядел свой склад, неожиданно быстро запустил лапищу в ближайшую кучу железа и с грохотом выудил оттуда некий странный предмет – металлический цилиндр толщиной примерно с предплечье и длиной ладони в полторы, с двумя отверстиями – на торце и сбоку.

Для чего эта штука предназначалась и чему служила раньше – было абсолютно не ясно.

Похоже, кузнецу это тоже было не совсем ясно. Он повертел находку в своих поистине «железных» лапах, потом искоса посмотрел на меня.

– Может, лучше не руку? – с некоторой надеждой осведомился Коблан. – Может, что-то вроде... вроде этого? Будешь к предплечью пристегивать, в дырку меч вставлять – я тебе рукоять переделаю... Бесплатно. И быстро освоишься. А рука – дурость ведь сложная, и мороки с ней...

Я прекрасно понимал, что Коблан прав. И не исключено, что я и впрямь научусь работать Единорогом, закрепленным в этой штуке – я уже мысленно видел железный держатель, из которого хищно высовывается клинок Единорога, я уже продумывал некоторые изменения в технике выпадов и перемещений, я...

Ну что, шут Друдл Муздрый, кто из нас дурак?

Оба.

Оба дураки.

– Нет, мастер, – упрямо заявил я. – Засунь эту штуку... обратно в кучу. А мне рука нужна. Первосортная. Не хуже, чем мама с папой сделали. Чтоб пальцы... и все такое.

Кузнец тяжело вздохнул, пробормотал что-то вроде: «И откуда он взялся на мою голову?!» – но отложил цилиндр в сторону и продолжил поиски.

Некоторое время он рылся в своих завалах, производя шума никак не меньше, чем лавина в горах Сафед-Кух, потом вдруг выпрямился и звонко хлопнул себя ладонью по лбу, оставив над бровями грязный отпечаток.

После сего странного ритуала, видимо, означавшего некоторое прояснение мыслей, Коблан шагнул в угол и склонился над пыльным массивным сундуком, которого я поначалу не заметил.

Железнодорожный, как пушинку, поднял крышку – которая весила примерно столько же, сколько и я, – зажег стоявшую рядом на полке свечу, спрятал кресало и принялся извлекать из сундука разные предметы совершенно непонятного предназначения.

Изящно выгнутые металлические желоба, отполированные до блеска или покрытые вытравленными узорами и золотыми накладками; чашки без ручек, зато с креплениями по бокам; плетения из стальных колец и тонкие пластины, больше всего напоминающие части верхней одежды...

Но – одежды из металла?!

Зачем?..

– Что это? – не удержавшись, спросил я у Коблана.

– Да сам толком не знаю, – искренне признался взмокший кузнец. – Еще от прадеда моего осталось. И ему – тоже по наследству перешло. Прадед говорил: эти штуки «доспехами» называются. Дескать, в старину люди их на себя надевали. Были вроде как любители этукую тяжесть на себе таскать...

Я подошел поближе и пригляделся к извлеченным из сундука «доспехам». Действительно, на многих металлических частях имелись кожаные подкладки или войлочный подбив, а также многочисленные ремешки и застежки, которыми все это, по-видимому, крепилось к телу.

Подняв выгнутый вороненый щиток, я приложил его к своей культе. Если бы кисть была на месте, щиток пришелся бы как раз впору.

«Вот если бы тогда, на турнире, была бы на мне такая штука – еще неизвестно, остался ли я тогда без руки!» – мелькнула у меня шальная мысль, и я уже совсем по-иному взглянул на эту грудку железа.

Кажется, я начал понимать, зачем «доспехи» надевали на себя. Только что ж это тогда выходит?! Получается, что предки все время, при каждом поединке, боялись остаться без руки, ноги или головы? Оружием плохо владели – или не доверяли со-Беседнику?!

Я вспомнил танец Кемаля аль-Монсора и Масако Тодзи. Одень их в доспехи, заставь бояться друг друга – что получится?!

Да ничего не получится...

– А теперь – смотри сюда, – прервал мои размышления Коблан.

Я поднял голову – и увидел.

Передо мной была железная рука.

Моя будущая рука.

4

Конечно, это была не рука. Это была перчатка, искусно сплетенная из мелких стальных колец, с пластинами на тыльной стороне. Пока я рассматривал перчатку, Коблан успел сложить доспехи в сундук, захлопнуть крышку и разыскать в очередной груде металлического хлама несколько гнутых штырей, которые засунул в большой карман своего кожаного фартука.

– Однако с недельку повозиться придется, – объявил кузнец уже вполне по-деловому. – Завтра приступим. Это время поживешь у меня, а после – увидим.

– У тебя? – удивился я. – Зачем? То есть, конечно, спасибо за приглашение, но...

– Вот и договорились, – перебил меня Коблан. – Ты же присутствовал при своем рождении? Ну, отвечай – присутствовал?!

И сам вопрос, и манера, с которой он был задан, сразу воскресили в моей памяти Друдла Муздрого. Я даже ощутил во рту вкус ореховой пахлавы... к чему бы это?

– Присутствовал, – покорно согласился я. – Каюсь...

– Вот и при рождении новой руки тоже должен присутствовать! Чтобы быть к этому причастным. Иначе... иначе она просто не станет тебя слушаться.

Похоже, Друдл был прав не только насчет меня, но и насчет Коблана. Оставалось надеяться, что два дурака все же сумеют найти общий язык.

И я согласно кивнул.

5

Итак, я временно переселился в примыкавший к кузнице дом Коблана Железнопалого, что стоял на окраине Кабира. Перебрался я сюда как-то легко и сразу – заехал к себе, предупредил ан-Танью, что я неделю или больше буду жить у кузнеца, и отправил вперед слуг со сменой одежды и несколькими бутылками тахирского муската – рука рукой, а свое вино пусть Коблан и пьет сам.

Так что ужинал я уже у Коблана. Семьи у кузнеца не было, а подмастерья ели молча, лишь изредка перебрасываясь самыми обыденными словами. Потом я встал, поблагодарил хозяина за ужин – действительно сытный и вкусный – и прошел в отведенную мне комнату. Небольшую, правда, зато чистую и уютную.

Кровать, как и все в этом доме, не отличалась изяществом и была жестковатой, зато сколоченной на совесть. Отсутствие перин меня не смутило, и заснул я быстро – завтра предстоял большой день.

...Разбудил меня наутро сам хозяин дома.

– Вставай, Чэн! Пора за работу... – прогудел его голос у меня над ухом, и я проснулся. Проснулся и выяснил две вещи. Во-первых, говорил Коблан, стоя в дверях, – а казалось, что над самым ухом. Во-вторых, кузнец уже успел приготовить для меня одежду подмастерья: холщовые штаны, просторную рубаху и кожаный фартук с огромным карманом на животе.

Я был весьма благодарен мастеру, потому что сразу понял, как нелепо буду смотреться в кузнице в своей шелковой кабе – как павлин в конюшне, – да и за сохранность моего щегольского наряда никто бы не поручился.

«Ну что, Чэн-дурак, думал ли ты когда-нибудь, что будешь носить одежду подмастерья? – спросил я себя, беря в левую руку ножны с Единорогом и раздумывая над тем, куда бы их прицепить за неимением пояса. – Но, с другой стороны, думал ли ты, что лишишься руки, согласишься с шутком и, признавшись в собственной дурости, явишься к Коблану Железнопалому заказывать себе железную руку взамен отрубленной?»

Нет. Не думал. Никогда ни о чем подобном я не думал. И меч в моей руке словно стал второе тяжелее, оттягивая кисть, но почему-то не к земле, а чуть вперед, будто пытаюсь увлечь за собой.

Куда? В кузницу? Ну что ж, пошли... хватит думы думать.

«И правильно! – неожиданно подтвердил внутри меня чей-то голос, похоже, принадлежавший Друдлу Муздрому. – Дуракам много думать вредно – так и поумнеть недолго!»

Я внял дельному совету, опустил меч на смятую постель и принялся одеваться. К счастью, одежда была не в пример проще той, к которой я привык, так что я управился с ней и одной рукой. Потом я снова взял Единорога – и заколебался.

Ну зачем он мне нужен в кузнице? Буду, как дурак... а без меча, значит, буду умный?

– Бери-бери, – посоветовал от порога молчаливо ожидавший Коблан. – Пускай тоже поприсутствует... чай, не чужой.

Я с недоумением посмотрел на кузнеца, а потом махнул рукой (той, укороченной) – мы, дураки, народ странный, даже друг друга не всегда понимаем...

6

Моя будущая рука лежала рядом с наковальней на старом потертом табурете – кажется, это на нем я сидел вчера, дожидаясь появления Коблана. Вокруг табурета были расставлены маленькие колышки на круглых блюдах-основаниях, между ними натянуты веревки с множеством узлов и обрывков пергамента, напоминавших бумажные деньги для поминовения усопших предков; а по углам табурета горели четыре тоненькие свечи черного воска, и рядом с одной из них – плошка с маслом, где плавал крученный фитилек.

Несколько раз раньше мне доводилось присутствовать в кузнице при ритуале рождения клинка – правда, в самом конце этого ритуала и недолго, – но там все было по-другому. Да и то сказать, клинок ведь – не рука... и кузнецы там нормальные были, и заказчики...

Я повесил Единорога на один из свободных крюков, споткнувшись и отбив себе большой палец ноги о лежавший у стены двуручный гердан – тяжелую шипастую палицу с головой, подобной гигантскому кокосовому ореху. Судя по размерам гердана, орудовать им мог один лишь Железнопалый, и то сперва хорошенько хлебнув своего любимого вина.

В горне уже калились те самые штыри, которые Коблан вчера выкопал в своем «царстве металла». Я надеялся вскоре выяснить, что кузнец собирается с ними делать.

– Пока стой и смотри, – неприветливо распорядился Коблан. – Или можешь присесть. Если найдешь куда. Нет, лучше все-таки стой...

И тут же, напрочь забыв обо мне, он сунулся к горну, чуть не влез внутрь и немедленно обругал ленивого – на его взгляд – подмастерья за то, что тот слабо раздувал огонь. Мехи зашумели более ретиво, Коблан хмыкнул, подкинул в горн угля, поворошил кочергой и еще раз обругал подмастерья – по-моему, просто так, на всякий случай.

Потом подошел к наковальне, некоторое время наблюдал за действиями двух других своих помощников (те колдовали над какими-то обрезками), слегка скривился, но ничего не сказал – дал им закончить и положить заготовку в горн.

После чего сказал им все – и очень подробно, с красочными отступлениями.

Отведя душу, мастер сам взялся за дело: с неожиданной для его телосложения резвостью ухватил длинные щипцы, стоявшие рядом с горном, запустил их в печь и ловко выудил один из штырей, раскалившихся докрасна.

Через мгновение штырь оказался на наковальне и кузнец, придерживая его совсем другими щипцами (и когда он успел их сменить?!), принялся методично постукивать средней величины молотком, придавая заготовке неведомую мне пока форму.

Когда металл начал тускнеть, остывая, Коблан сунул заготовку обратно в горн и выдернул вместо нее другую.

Это повторялось пять раз, после чего мастер выбрал себе молоточек из самых маленьких – в его лапах этот миниатюрный инструмент смотрелся смешно и неуместно, – подозвал к себе того подмастерья, из-за фартука которого торчала уже знакомая мне змеиная головка волнистого криса, а потом устался в мою сторону, словно только что обнаружив мое присутствие.

– А ты чего стоишь? – крикнул он с негодованием. – Ну-ка бери клещи и давай!..

И я, Чэн из Анкоров Вэйских, наследный ван Мэйлани, почувствовал себя лентяем-подмастерьем, отлынивающим от работы и пойманным на этом мастере.

Я поспешно вскочил, схватил левой рукой клещи, протянутые мне одним из подмастерьев, и с третьей попытки неловко уцепил ими заготовку, помогая себе обрубком.

– Ближе, дубина, ближе к себе перехвати, – почти добродушно проворчал Железнопалый, и я послушно перехватил, чуть не уронив себе на ногу раскаленную заготовку.

– А теперь держи крепче, – Коблан поглядел на мои неумелые попытки, пожевал губами, словно собираясь и меня обругать для пущей убедительности, но промолчал – видимо, счел меня недостойным.

И они вдвоем с подмастерьем загуляли молотами по заготовке: Коблан – маленьким молоточком, а подмастерье – здоровенной кувалдой, опуская ее точно в тех местах, где указывал мастер.

Ну а я держал. Заготовка, как живая, рвалась из клещей, сами клещи отчаянно вибрировали, но я держал, до боли закусив нижнюю губу, не ощущая онемевших пальцев (и тех, что у меня были, и тех, которых не было), пока Коблан не перехватил у меня потускневший штырь кривыми щипцами и не сунул его обратно в горн, вынув вместо него другой.

И все повторилось сначала. Я держал, они били. Они – били, я держал.

И так – пять раз.

Пять раз. Пять мучительных вечностей, пять железных штырей, пять пальцев в руке...

Пять.

Пальцев.

Пять...

Пальцев.

Пять...

Понимание обожгло меня, как пламя горна – заготовку, я чуть было не закричал...

Но тут все закончилось.

И Коблан Железнопалый, мастер со странностями, объявил, что нам пора обедать.

Ему и всяким бездельникам и лентяям, имена которых он и произносить-то отказывается на голодный желудок.

7

То ли я проголодался, как никогда, то ли еще что, но обед у Коблана оказался ничуть не хуже, чем у меня – отменный плов по-дубански с желтым горохом, баранья густая похлебка-пити с острыми пахучими приправами и алычой, свежие фрукты, два сорта вина...

Первый сорт – Кобланова отрава; и второй – мой мускат из солнечного Тахира, который, кроме меня, почему-то никто не пил.

– Угощайся, уstad, – я пододвинул оплетенную бутылку Коблану.

– Это в кузне я – уstad, – Железнопалый с сомнением оглядел бутылку, опасливо поднес ее к губам и почти сразу же поставил на стол. – А за столом я – Коблан, и ты познатнее меня будешь. Хотя и молодец ты, – неожиданно признался кузнец, и я замер с набитым ртом. – Не всякий Высший, да к тому же однорукий, вот так сразу клещи схватит и к наковальне встанет. Не ожидал...

– И зря, – улыбнулся я. – Что с дурака взять?

Коблан ошарашенно вытаращился на меня, увидел, что я улыбаюсь, – и вдруг оглушительно захохотал. Я не удержался и расхохотался вслед за кузнецом. Подмастерья, сидевшие в конце стола, робко захихикали, но их робость вскоре прошла...

Вот так мы сидели и смеялись – и угнетающее напряжение последних двух с лишним месяцев, минувших с того проклятого дня, постепенно отпускало меня. Я чувствовал себя прежним, чувствовал, что снова становлюсь самим собой – веселым Чэном, душой общества, легкомысленным и легковым, таким, каким был...

Нет, не таким. Я обманывал сам себя и не мог обмануть до конца – значит, я уже был другим. Прав эмир Дауд. Много во мне изменилось, и не только снаружи... Вот такие-то дела, Чэн-подмастерье!

Я пододвинул к себе бутылку с мускатом и чуть не опрокинул ее – до того легкой она оказалась. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что бутылка практически пуста. Я с уважением покосился на увлеченно жующего Коблана.

Теперь понятно, почему он пьет только свое вино. А я-то ему всего пару бочек тогда предложил, глупец...

8

Дни сменяли друг друга, поыхал горн, висел в углу кузницы над шипастым Коблановым герданом мой Единорог, сам Коблан с подмастерьями гроыхали молотами, я в меру сил помогал им – держал клещами заготовки, крутил ножной привод шлифовального круга, иногда брал в уцелевшую руку уже почти готовые фаланги стальных «пальцев», теплые после шлифовки, и надолго зажимал их в кулаке или по совету Коблана прикладывал их к рукояти своего меча.

У меня больше не возникало сомнений, нужно ли это. Понимал – нужно.

Металлическая рука рождалась у меня на глазах. С ювелирной точностью кузнец подготавливал шарнирные сочленения, необходимые для будущих пальцев и запястья, и я только диву давался – как одинаково аккуратно он мог работать кувалдой и легким молоточком.

Это действительно был Мастер.

И все это время древняя перчатка, сплетенная из стальных колец с пластинами, лежала на табурете, окруженном веревочными заграждениями; и ровно горели четыре тонкие свечи и одна плошка.

Перчатка ждала. Ждала своего часа.

И дождалась.

...Коблан извлек из горна уже готовую, закаленную и отпущенную, пышущую жаром «руку» и бережно опустил ее – нет, не в воду.

В масло.

С шипением «рука» окунулась в эту купель; поднялось облако густого, резко пахнущего пара. И когда «рука» вышла наружу, она тускло поблескивала, и капли горячего масла стекали с нее, как капли... капли крови!

Скелет.

Рука без кожи.

Мне стало зябко. В кузнице, у пылающего горна.

Мы с Кобланом встали с двух сторон над перчаткой, кольчатой кожей, отражавшей колеблющийся огонь свечей. Мы стояли друг напротив друга: он – с сочащейся маслом железной «рукой» в своих «железных» лапах, я – с обнаженным Единорогом в левой, заметно окрепшей за последнее время руке.

Потом Коблан протянул вперед металлический скелет руки, я перехватил меч за клинок – и блестящие пальцы коснулись рукояти протянутого мной Единорога. Мастер придержал меч второй рукой, и моя собственная ладонь легла сверху, смыкая искусственные пальцы на рукояти меча.

Капли масла срывались вниз и тяжело шлепались на ожидавшую своей очереди перчатку.

Было тихо, только гудело пламя в горне. Подмастерья встали за нашими спинами, касаясь узловатых веревок; подмастерья были такие же молчаливо-торжественные и серьезные, как и мы.

И раздался голос Коблана Железнопалого, странного кузнеца, – словно еще одно пламя гудело в новом горне...

Клянусь я днем начала мира, клянусь я днем его конца,
Клянусь я памятью Мунира, божественного кузнеца,
Клянусь землей и синим небом, клянусь водой и теплым хлебом,
Клянусь я произнесенным, последним именем Творца,
Клянусь...

...Коблан еще говорил, но я плохо разбирал – что именно, а когда эхо его голоса затихло под сводами кузницы, я с трудом разжал металлические пальцы и вернул меч на его крюк. Затем мы с Кобланом одновременно коснулись кольчатой перчатки, слегка продлив касание, и кузнец бережно извлек перчатку из четырехугольника свечей, погасив по дороге плошку.

Начиналась последняя стадия. Я уже знал, что мало натянуть перчатку, как кожу, на скелет – пальцы и кожа должны стать неразделимым целым.

И снова стучал молот, горел горн, плевался красными искрами раскаленный металл, шипело масло, горели свечи – на этот раз уже вокруг наковальни. Я видел, что Коблану неудобно работать, все время опасаясь задеть и сбить свечу; но я понимал – надо...

Наконец моя будущая рука – окончательно готовая, отполированная и соединенная с крепкими ремешками и застежками – снова легла на рукоять Единорога.

Теперь ритуальные свечи были длинными, толстыми и белыми – их должно было хватить на всю ночь. Мой узкий и прямой меч лежал на алтаре-наковальне в объятиях стальных пальцев, а над ним – точнее, над сжимавшей рукоять искусственной рукой – висел на цепи шипастый гердан Коблана.

Так было надо.

И еще надо было, чтоб мы тихо вышли, плотно закрыв за собой дверь...

9

...Кузнец подтянул последний ремешок, застегнул пряжку – и я поднял к глазам свою новую руку.

Она была очень похожа на настоящую, только одетую в железную перчатку. И ее тяжесть непривычно оттягивала мне предплечье. Новая рука сидела прочно, удобно, не соскальзывала и не жала.

И вот тут мне захотелось немедленно вернуться домой, взять наследственный нож-кусун-гобу и сделать то, на что я не решился в самом начале.

Я отчетливо представил себе, как выйду в толчею дневного Кабира, от которой я отвык, найду маленькую Чин и скажу ей:

– Здравствуй, Чин! Смотри, какая у меня есть новая замечательная рука! Хочешь такую же?..

Я даже не пытался сжать пальцы. Это были не мои пальцы. Это были вообще не пальцы. Мертвый металл.

Мертвый.

Железная рука бессмысленным грузом висела на моей культе.

Во имя Восьмого ада Хракуташа, на что я надеялся?!

На чудо?..

Здравствуй, Чин... хочешь новую руку? Я теперь мастер, я вам всем могу сделать новые руки – и тебе, и Фальгриму, и эмиру Дауду, и милому проказнику Друдлу...

Хотите?!

– Обедать пошли, – как ни в чем не бывало буркнул кузнец, и мне захотелось из всех сил ударить его по лицу.

Мертвой рукой.

Желание было острым и обжигающим, как только что закипевшая похлебка-пити.

– Пошли, пошли, – равнодушно повторил Коблан и уже от дверей добавил: – Домой чтоб и не думал возвращаться... Пошлешь за новой одеждой и вином. И вот что... почаще клади ЕЕ на рукоять меча. Понял?

Я уронил руку и услышал долгий и чистый звон.

Оказывается, я задел наковальню.

Глава шестая

1

...Где я? Зачем? Что это?!

Нет!!! Нет...

Я проснулся в холодном поту и сел на кровати. Я еще не вполне отличал кошмар от яви и потому поспешно зажег свечу и устался на проклятую железную руку. Она была на месте, и пальцы ее, как обычно, были холодны и неподвижны – как и полагается металлическим штырям, закрепленным в хорошо смазанных шарнирах и обтянутым кольчужной перчаткой...

Стоп! Ведь вчера вечером я, кажется, снял ненавистную руку... Точно, снял. А теперь она снова на мне. Как присосавшийся к живой плоти огромный паук. Как же так? Я ведь помню...

Или не помню?

С вечера я опять сильно напился... да, напился, поскольку теперь мне это удастся без труда. Я хочу напиться – я пью – я напиваюсь. Вот так-то. Только вина мне для этого нужно все больше и больше... Даже Коблановой отравы.

Итак, я напился, и меня до сих пор покачивает, и голова гудит, и язык во рту сухой и шершавый, как наждак, и хочется пить... пить... ох, как пить хочется!..

На столе – кувшин. Что в нем? Не знаю. Не помню.

Я с трудом встаю с кровати, на негнущихся ногах делаю два-три шага к столу и тяжело наваливаюсь на него всем телом. Стол – крепкий. Он выдержит.

Выдержу ли я?

Стою так некоторое время. Голова по-прежнему кружится. Мне плохо. Мне очень плохо.

Очень плохо мне!

И не только от вина...

Пробую моргать. Получается, но как-то не так, как раньше.

Пробую поднять кувшин. Получается, но с трудом.

Пробую содержимое кувшина. Не упасть бы...

Только бы не вино!

Вода!..

Холодная и чистая.

Я пью, пью, пью – я очень долго пью, – а потом выливаю часть благословенной влаги себе на голову. И стою мокрый, выяснив, что заснул, не раздеваясь...

Оставляю немного воды про запас – скоро я обязательно снова захочу пить.

Полегчало.

Немного.

Я отталкиваюсь от стола и валюсь на кровать, чудом не промахнувшись. Подушку – повыше. Вот так. Голове должно быть удобно кружиться – иначе она обижается и начинает куда-то падать...

Итак, на чем мы остановились?

Вчера я напился. В очередной раз. Все заволочло хмельным туманом, и в какой-то миг мне показалось, что я смогу наконец сжать пальцы своей железной руки – и, как последний идиот, я принялся колотить этой рукой в стену, пытаюсь заставить упрямые пальцы сжаться в кулак.

Боль от ударов тупо отдавалась в культе, а я все уговаривал себя, что это болят костяшки несуществующих пальцев... нет, это болят мои железные пальцы, безвольно врезаюсь в стену и выбивая из нее куски штукатурки...

Я чуть было действительно не поверил в свой пьяный бред. Протрезвев на мгновение, я со страхом и надеждой взглянул на...

Увы, меня ждало горькое разочарование. Просто от ударов о стену пальцы немного согнулись – и в этом не было ничего удивительного.

А я-то вообразил...

«Кажется, я начинаю сходить с ума», – подумал я тогда. И это была не первая мысль подобного рода.

А потом хмель обрушился на меня с новой силой, и ярость вернулась вместе с ним – но не та, чуть ли не веселая ярость, когда я повторял про себя – могу, могу!.. Нет, другая, злая и черная ярость овладела мной – и я сорвал проклятую железку, бросил на пол и долго, с остервенением, пинал ногами, больно ушибая пальцы босых ног, и после лежал и плакал, плакал навзрыд, как ребенок, у которого отняли любимую игрушку...

И сам не заметил, как уснул.

Меня мучили кошмары. В них стальная рука оживала и начинала тянуться к моему горлу; я боролся с ней, но силы были неравны – перепуганный калека против взбесившейся стали, одержимой манией убийства, – и холодные пальцы сжимались у меня на шее, разрывая кожу кольчужными кольцами, все глубже погружаясь в тело, прерывая дыхание...

Я проснулся, когда дышать стало уже совсем нечем, и понял, что умираю.

И проснулся еще раз.

...Что это было? Пляска винных духов? Но тогда почему рука снова на месте? Вот из-за чего мне снились кошмары, – это она мстила мне, на мою ненависть она отвечала своей, нечеловеческой! Она сама вернулась ко мне... сама...

Это бред. Это действительно бред – только теперь похмельный. Так и впрямь недолго свихнуться... Это же просто кусок металла! Как он может ненавидеть и мстить, как он может

вернуться?! Все гораздо проще – пока я спал, зашел Коблан или кто-то из его подмастерьев и пристегнул валявшуюся руку на место.

Скоты! Жалкие, возомнившие о себе скоты! И громила-кузнец с его недоумками-учениками, и придурок-шут, всласть поиздевавшийся надо мной, – он, видите ли, в свите великого эмира и ему поэтому все дозволено!

Чертов дурак! Заманил в ловушку...

А я, я сам, поверивший шуту, – я не дурак? Дурак. Дурак и есть. Ду-рак, ду-рак, ду-рак...

Нет уж, отныне я поумнел. Пусть Друдл Коблану свои сказки рассказывает.

Голова раскалывалась, но уже почти не кружилась. Я понял, что заснуть мне не удастся. Встал с кровати. Подошел к столу и опустился на весьма кстати подвернувшийся стул. Сделал пару глотков из кувшина. Опять полегчало, но ненадолго.

Я тупо обвел взглядом комнату, мельком отметив штукатурку на полу; завершив осмотр, остановил взгляд на столе и обнаружил на нем Единорога без ножен.

Только ты, дружище, у меня и остался... Все остальные предали однорукого Чэна – и задира Фальгрим, и эмир Дауд, и злой шутник Друдл Муздрый, и угрюмый Коблан, и Чин Черный Лебедь, и даже мой дворецкий Кос ан-Танья, который, как я думал раньше, в принципе не способен на предательство... как и Чин, как и Фальгрим, как и угрюмый кузнец Коблан...

Железная перчатка помимо моей воли легла на рукоять Единорога. Приучили все-таки, гады!

Ну и ладно. Пусть...

И все же я не понимаю – зачем?

Зачем им это нужно?..

2

...Вначале все шло более или менее нормально. Насколько нормальной может быть жизнь однорукого калеки с мертвой железкой на культе, жизнь в чужом доме; жизнь, которую и жизнью-то назвать трудно.

Так – существование.

Но тем не менее ничем особенным мое существование в доме Коблана поначалу отмечено не было.

Мне было все равно. Я равнодушно клал ладонь железной руки на рукоять Единорога, ничего при этом не ощущая, кроме смутного раздражения. Иногда я забывал это делать – и тогда мне вежливо напоминали. Я согласно кивал, вновь неловко пристраивал мертвые пальцы на рукояти меча и шел дальше. Или продолжал стоять. Или сидеть. Или лежать.

Чаще – лежать.

Я лежал, и мыслей не было, и чувств тоже почти не было, но что-то все же во мне оставалось, потому что все чаще я думал об оставшемся дома ноже для одного-единственного ритуала.

О пропуске на ту сторону.

«Кусунгобу лежит на пороге двери, ведущей в рай».

Где это я слышал? Или читал?

Не помню.

Мне было плохо. Может быть, в раю будет лучше?..

3

В тот день я наконец решился. Не с самого утра – уже ближе к вечеру.

Я нашел Коблана в кузнице, деликатно тронул его за плечо левой рукой и, когда кузнец обернулся, без всякого выражения сказал:

– Мне пора, Коблан. Я возвращаюсь домой.

И пошел к выходу.

Кузнец неожиданно оказался передо мной, загораживая путь. Он был вежлив, но настойчив. И почему-то старался не смотреть мне в глаза.

Потом я понял – почему. Но потом было поздно.

А тогда было еще не поздно. Но я этого не знал. Я согласился, что на улице уже в самом деле темно, и дом мой неблизко, и лошади у меня под рукой нет, и...

Я согласился, что и впрямь могу подождать до утра, проведя еще одну ночь в доме Коблана.

Это ничего не меняло – я ведь уже РЕШИЛ.

Спал я спокойно – как человек, сделавший свой выбор.

С рассветом я встал, кое-как облачился в свою привычную одежду – сидела она не так, как следовало, но это не имело никакого значения, – прицепил к поясу ножны с Единорогом и направился к двери.

К двери моей комнаты.

А дверь оказалась заперта.

Еще не понимая, что происходит, я начал стучать – сначала здоровой рукой, а потом – железным придатком. Долго никто не появлялся. Наконец за дверью послышались неторопливые грузные шаги хозяина дома. Шаги остановились перед дверью, но открывать Коблан явно не торопился.

– И чего тебе не спится в такую рань? – сонно пробормотал он.

– Это мое дело. Мне пора домой, – потребовал я. – Открывай!

Некоторое время Коблан молчал.

– Не-а, не открою, – сообщил он после долгого раздумья. – А то ты и впрямь домой пойдешь.

– Вот именно! Открой немедленно! – во мне постепенно начинало закипать раздражение. – Я должен вернуться домой!

– Ничего ты не должен, – зевая, возразил из-за двери кузнец. – А если и должен – то мне. Во-первых, должен у меня в доме жить – это раз. Во-вторых, за руку твою железную да за работу мою тяжкую – это два будет. Так что сиди тихо и не буди меня.

– Сколько я тебе должен? – как можно более ядовито поинтересовался я. – За руку бесполезную? Сколько, кузнец? Устад! – в последнее слово я вложил уже откровенное презрение.

Но Коблан не обиделся и не открыл дверь, как я рассчитывал.

– Вот когда польза от руки появится – тогда и поговорим, сколько кто и кому должен, – отозвался он по-прежнему равнодушно. – А дома у тебя черта с два от руки польза будет. И тогда мне моих денежек не видать. Так что кончай орать и иди упражняйся. Вот как сожмешь железные пальцы – выпущу и плату соглашусь взять. А до того – сиди. Кормить буду, поить буду. Отхожее место сам знаешь где – и не мешает, и под боком, и не сбежишь...

Действительно, оное место находилось в глухом дворике, куда был выход прямо из моей комнаты. Сам дворик был обнесен глинобитным глухим дувалом в три моих роста, и сбежать оттуда можно было лишь через... в общем, никак.

– Так что чем быстрее меч в новую руку возьмешь – тем быстрее домой вернешься, – философски закончил Коблан, и его шаги удалились с прежней неторопливой весомостью.

Поначалу я не поверил собственным ушам. Меня, Высшего Чэна Анкора, одного из наиболее известных и знатных граждан Кабира да и вообще эмирата, – МЕНЯ запер у себя в доме свихнувшийся кузнец?!

...Впрочем, в этот факт вскоре пришлось поверить. Через час двое подмастерьев принесли мне завтрак. Едва заслышав звук отодвигаемого внешнего засова, я поспешно поднялся со своей кровати, на которой пребывал в полном унынии, но подмастерья спешно опустили

на пол у порога поднос с едой и успели скрыться за дверью, прежде чем я пересек комнату. Лязгнул засов, я от злости пнул ногой безвинный поднос и в бессильном возмущении замолотил в дверь руками.

После железной руки на двери оставались уродливые царапины – но не более...

4

Поначалу я пытался уговорить Коблана, ежедневно заходившего ко мне в комнату. Кузнец внимательно выслушивал все мои гневные тирады, а затем садился к столу и начинал вещать нечто туманное, наводящее на мысли о том, что Коблан действительно малость тронулся, а теперь пытается заодно свести с ума и меня.

Я плохо слушал его, поскольку голова моя была занята совсем другим. Тем не менее надоедливый и навязчивый, как жужжание мухи – только очень большой мухи! – голос Коблана все же проникал в мое сознание, и я помимо воли отмечал, что кузнец говорит что-то о «живой стали», о духовной связи человека с его оружием и о том, что если очень захотеть, если поверить...

Я не знаю, было ли это отрывками из давних трактатов, изложением старинных легенд или бреднями самого Коблана, но только после каждой такой «беседы» кузнец брал мою мертвую руку своей лапой и сжимал металлические пальцы на рукояти моего Единорога.

Надо сказать, что разжать их потом левой рукой мне всякий раз стоило немалых усилий.

Кузнец уходил, тщательно запирая за собой дверь, а я вновь оставался один, и мысли мои путались, в голове роились странные, дикие образы, и временами я начинал думать, что кузнец в чем-то прав, и я даже пытался – честно пытался! – сомкнуть холодные пальцы... и, естественно, у меня ничего не получалось.

Верю? Не верю?

Все было намного проще. Пальцы, вне зависимости от моих веры и неверия, просто не могли сжаться – мертвые, бессмысленные куски железа...

5

...На пятый день мне в голову пришла чудовищная, но вместе с тем совершенно очевидная мысль. Вернее, даже две чудовищные, но оттого вдвойне очевидные мысли.

Во-первых, я обратил внимание, что довольно часто мне приносят мои любимые блюда – а что я люблю, знали очень немногие, и это существенно сужало круг возможных пособников Коблана; кроме того, эти блюда были приготовлены так, что круг сужался до одного-единственного человека: моего дворцового Коса ан-Таньи.

Повара я в расчет не брал.

Это было невозможно. Но это было именно так.

Во-вторых, я вдруг вспомнил о принятом пять дней назад решении. Конечно, здесь у меня не было кусунгобу, но я подумал, что Тот, кто ждет меня в раю, не обидится, если на пороге двери, ведущей к нему, на этот раз будет лежать не ритуальный нож, а мой меч Дан Гьен по прозвищу Единорог.

Но, кажется, Тот, кто ждал меня в раю, все же обиделся, потому что, когда я взял меч в левую руку и медленно поднес его лезвие к горлу, я понял, что не смогу.

И никто на моем месте не смог бы!

Не для того был выкован несколько поколений тому назад Единорог, как и другие фамильные мечи Анкоров Вэйских, чтобы лишать жизни своего нынешнего владельца. Чтобы оборвать Южную ветвь рода Анкоров.

Рука моя предательски задрожала, и я опустил меч. Нет, смерти я не боялся – мне уже нечего было терять; но ЭТО было выше страха смерти и острее желания уйти.

Я мог уйти – но не так.

И я понял, что Тот, кто ждет меня в раю (или еще где-то – не знаю), пока не хочет меня видеть.

Я покорился.

Я больше не делал таких попыток.

6

...На девятый день (или это был десятый?.. не помню...), когда Коблан в положенное время явился в мою темницу, чтобы продолжить свои до смерти надоевшие душеспасительные беседы, я заявил ему, что у меня есть высочайшее поручение эмира Дауда, что имеется специальный фирман на мое имя и что если кузнец немедленно не выпустит меня, то будет считаться государственным изменником со всеми вытекающими отсюда последствиями.

После чего, не обращая внимания на несколько оторопевшего Коблана, я упал на кровать, отвернулся лицом к стене и одно ухо закрыл здоровой рукой, а другое плотно прижал к подушке – чтобы не слышать больше Коблановых бредней.

Некоторое время Коблан молчал или говорил достаточно тихо, чтобы я его не слышал. А потом я приоткрыл одно ухо, и до меня приглушенно донеслось:

– Не знаю, не знаю... Спрошу у Друдла – а там посмотрим...

7

На следующее утро дверь распахнулась, и в комнату влетел сияющий Друдл, размахивая каким-то объемистым свитком. Со всего маху шут бухнулся мне в ноги, проехав при этом по полу пару локтей и чуть не сбив меня.

– О великий и мудрейший дурак Чэн Анкор из столь же славного рода Анкоров Вэйских! – гнусаво заорал шут, продолжая вертеть у меня перед носом своим свертком. – Дозволь вручить тебе высочайший фирман солнцеподобного эмира Дауда, дабы ты в своей несказанной дурости использовал его по назначению, – тут Друдл почему-то сделал паузу, – и выявил всех наигнуснейших врагов славного Кабирского эмирата!

Воля все это, шут принялся разворачивать принесенный сверток. Он разворачивал и разворачивал, во все стороны летели какие-то рваные и грязные тряпки, лоскуты кожи, куски тончайшей узорной парчи, обрывки шелка – они устилали уже весь пол вокруг Друдла, и им, казалось, не будет конца.

Тем не менее, изрядно потрудившись, Друдл все-таки добрался до вожаемого содержимого и с радостной улыбкой вручил мне небольшой пергаментный свиток, запечатанный личной печатью эмира Дауда.

Я сломал печать и пробежал текст глазами. Все было верно: подателю сего, Чэну Анкору Вэйскому, предписывалось оказывать всяческую помощь и содействие на территории всего Кабирского эмирата, а также вассальных княжеств и дружественных государств.

Внизу стояла хорошо знакомая мне подпись великого эмира Дауда Абу-Салима.

Пока я читал, шут заглядывал мне через плечо, так что я был уверен, что он тоже успел ознакомиться с содержанием фирмана. Если не ознакомился до того...

– Ну что, съел? – злорадно осведомился я. – В смысле – прочитал?!

– Не-а, – расплылся ужасно довольный шут, – я читать не умею! А чего там написано? Небось, что ты, Чэн, – дурак? Так об этом писать необязательно, это и так все знают. А кто не знает – тому я расскажу. Устно.

Я попытался удержать себя в руках. Если быть точным – в одной руке.

– Зови кузнеца Коблана! Здесь написано, чтобы все жители Кабирского эмирата оказывали мне содействие. И я требую, чтобы меня отсюда выпустили! Немедленно!..

– А зачем, собственно? – поинтересовался шут. – Тут тебя кормят, поят, содействие всяческое оказывают, делать ничего не надо – знай себе руку упражняй...

Он неожиданно подпрыгнул и подмигнул мне.

– Как у Чэна-дурака есть железная рука, – пропел он, кривляясь, – и содействие Коблана пить вино из бурдюка! Зачем тебе отсюда уходить?

– Великий эмир поручил мне расследование. Да ты же сам не хуже меня об этом знаешь! – я сам удивлялся, зачем я говорю все это Друдлу.

– И как ты собираешься расследовать? – не унимался дотошный Друдл. – Покойничков расспрашивать? Следы по ночам искать?

– Кроме покойничков, есть еще и живые! – огрызнулся я. – И вообще, раз приказано оказывать мне содействие – вот и содействуй! Зови Коблана – и выпускайте меня отсюда!

– Содействие – это правильно, – с воодушевлением подхватил шут. – Вот мы и станем тебе содействовать. Ты будешь здесь сидеть и расследованием руководить, как главный дурак, а мы с Кобланом будем содействовать и твои поручения, как меньшие дураки, исполнять. Вот и получится у нас отличное дурацкое расследование!

Я почувствовал, что неудержимо багровею.

– Так что сиди тут, – продолжил Друдл, – и руководи. Рука у тебя теперь есть – железная, между прочим, – вот и будешь ею водить: туда-сюда, туда-сюда... То есть Руко-Водить. Вот. А руководить ты можешь и отсюда – для твоей же безопасности. А то в городе у нас беспокойно – недавно еще двоих дохликов нашли и третьего, живого, но однорукого вроде тебя. Теперь Коблану работы прибавится – вторую руку ковать!

Моя левая ладонь нащупала стоявший на столе массивный подсвечник.

– Ну так к кому пойти, о чем спросить? – невинно осведомился шут. – Давай, руко-води!

Я изо всех сил запустил в него подсвечником. Друдл легко увернулся и, строя омерзительные рожи, выскочил в дверь.

Послышался звук задвигаемого засова... родной и до боли знакомый.

8

В тот же день я сунул фирман под нос Коблану. Коблан долго читал, шевеля губами, потом вернул мне фирман, некоторое время думал и наконец поинтересовался:

– Тебе чего-нибудь принести?

И вот этого издевательства я уже не выдержал. Ну ладно – шут... Но – Коблан?!

И я ударил кузнеца Коблана. Ударил правой, железной рукой. Наотмашь. Изо всех сил. По лицу.

И попал.

Коблан покачнулся, удивленно посмотрел на меня, затем поднял руку к лицу, отер кровь с рассеченной скулы и с недоумением уставился на свои покрасневшие пальцы.

Я сделал шаг к двери.

И тут кузнец Коблан взревел, как... как я не знаю кто, и я почувствовал, что попал под ногу слону, что еще немного – и у меня сломаются ребра, причем все сразу; а потом меня подняло в воздух, и я заметил, что лечу. Впрочем, летел я недолго, от удара у меня потемнело в глазах, и когда я пришел в себя, то обнаружил, что лежу на слегка покосившейся собственной кровати.

Больше я не пробовал бить кузнеца.

9

... Через некоторое время – прошло уже больше двух недель моего заточения – я понял, что надеяться мне не на что. Это был заговор. Заговор против меня. А может быть, не только и даже не столько против меня...

Да, все складывалось воедино. Друдл, уговоривший меня заказать себе железную руку – и заказать ее именно у Коблана; Коблан, взявшийся делать заведомо бесполезную вещь; вместе они задурили мне голову и заперли здесь, а теперь пытаются окончательно свести с ума (кстати, еще немного – и им это удастся).

Зачем?

Вот этого я понять не мог. Может быть, это связано с поручением эмира? В своих подозрениях я доходил до того, что зачислял и Коблана, и Друдла, и даже моего ан-Танью в зловещую мифическую секту асасинов – Проливающих кровь, о которых складывал песни еще Масуд ан-Назри. Впрочем, кровь действительно лилась на улицах Кабира, так что и легендарные асасины вполне могли оказаться реальностью.

Но... слишком уж много у них тогда оказывалось сообщников. И не проще ли в этом случае было бы не мудрствуя лукаво добить несчастного калеку? И потом – почему именно я? На кой я им сдался?!

Или, может, Друдл не соврал, и они впрямь пекутся о моей безопасности? Что-то плохо я представляю эту компанию, с таким усердием обеспечивающую безопасность никому не нужного Чэна...

Зачем же тогда? Зачем?!

Чтобы я таки сумел сжать стальные пальцы?!

Но это же – бред!

И тем не менее – реальность...

Мне было плохо. Я пытался хоть что-то понять, расспрашивая Коблана, но тот либо молчал, либо снова начинал плести какую-то чушь.

Тогда я стал требовать вина. И побольше.

Вино мне приносили.

И я напивался.

...Несколько раз я пытался бежать, но подмастерья, приносившие мне еду, все время были настороже, и мне ни разу не удавалось застать их врасплох. А в случае моих «засад» они звали кузнеца...

Еще в комнате было два небольших окошка, забранных толстыми железными прутьями. И был глухой внутренний дворик с высоченным дувалом – о нем я уже говорил. Я быстро прикинул, что даже если я устрою у стены пирамиду из всей имеющейся в комнате мебели (имелись в виду стол и стулья, сдвинуть с места кровать мне оказалось не под силу, разве что с помощью Коблана), то, взобравшись наверх, я все равно и близко не дотянусь до края стены.

Можно было, конечно, попытаться сделать веревку из моей одежды и постели, но у меня все равно не из чего было изготовить крюк, чтобы зацепиться за стену. Разве что из собственной правой руки...

Окна же выходили на какую-то глухую безлюдную улочку. Я неоднократно пытался расшатать прутья решетки, пробовал выбить их ударами своей железной руки, но мои попытки приводили лишь к тому, что я уставал и долго стоял у окна, пока не начинало смеркаться.

...Как-то раз я увидел проходящего за окном Фальгрима.

– Фальгрим! – не веря своей удаче, заорал я. – Фальгрим, это я, Чэн! Меня запер сумасшедший кузнец Коблан! Скорее сообщи эмиру Дауду об этом – пусть пришлет гулямов меня спасти! Только не шута Друдла – он в сговоре с кузнецом! Прошу тебя, Фальгрим...

Лоулезец остановился в недоумении, оглядываясь по сторонам. Наконец он обнаружил в окне мое лицо и попытался улыбнуться. Улыбка вышла сконфуженной, что было совсем непохоже на шумного и самоуверенного Беловолосого.

– Привет, Чэн... Я все понял. Конечно, я передам эмиру. Только...

– Что – только?!

– Только, может, тебе лучше пока тут посидеть? Опасно сейчас в городе... Да и рука у тебя... А эмиру я сообщу, ты не беспокойся!..

И Фальгрим быстро пошел прочь, странно ссутулившись, словно под тяжестью своего эспадоны.

Я не поверил. Я решил, что мир перевернулся. Фальгрим Беловолосый, мой друг и постоянный соперник, но в первую очередь все-таки – друг, друг, друг... ну не мог он сказать такое!

Не мог.

Но сказал.

И откуда от узнал о моей руке?

Или он совсем не то имел в виду?

Хотя с рукой-то как раз просто: небось Друдл уже раззвонил по всему Кабиру о свихнувшемся Чэне и его железной руке...

Впрочем, Фальгрим обещал-таки сообщить обо мне эмиру, и эта мысль немного успокоила меня.

Как оказалось, напрасно – ни в этот, ни на следующий день за мной никто не пришел.

10

Теперь мне казалось, что весь Кабир, все друзья, а возможно, и Тот, кто ждет меня в раю, – против меня. Я стоял у окна, с тоской глядя на недостижимую улицу...

И увидел Чин.

Чин!

Черный Лебедь Хакаса... и, похоже, она знала, где меня искать.

Знала...

И ответ на мой вопрос был написан на ее лице – грустном, но твердом.

Вот так мы стояли друг напротив друга, разделенные решеткой, а потом я отвернулся, чтоб не видеть уходящую Чин.

Поговорили... улетай, лебедь.

Вот тогда-то я и напился по-настоящему. И бил рукой в стену, и срывал с себя проклятое железо, и плакал, как ребенок, и уснул, и видел кошмары...

11

...Похоже, я все-таки снова уснул, прямо за столом, потому что проснулся от крика. Я не сразу сообразил, что происходит, я думал, что это – очередной кошмар, к которым я уже начал понемногу привыкать.

Нет, это был не сон, и с улицы доносился яростный звон оружия – не так, не так оно должно звенеть! – и крик.

Женский крик.

Чин!.. Они добрались до нее!

Кажется, я закричал – нет, я завизжал так, что перекрыл шум и звон оружия.

– Коблан! Кто-нибудь! На помощь! Выпустите меня, сволочи! Там... там убивают Чин! Коблан! Да где же вы все!..

И никто мне не ответил.

Я бросился к двери – и неожиданно она распахнулась, ударив меня, и на пороге возник Друдл с идиотской улыбкой до ушей.

12

Проклятый шут ухмылялся в дверях, загораживая мне путь наружу – туда, где в темноте ночного Кабира захлебывалась криком Чин Черный Лебедь!

В одно мгновение вся моя ненависть, вся боль последнего времени, вся тщета бесплодных попыток обрести утраченную цельность – все то, что до краев переполняло Чэна Анкора Безрукого, выгорело без остатка, как примеси в чистой стали новорожденного клинка, неотвратно устремившегося к цели.

И цель эта была – шут Друдл Муздрый!

Я кинулся на Друдла, стремясь врезаться в него всем телом и выбить в коридор, как пробку из бутылки, но странным образом промахнулся и больно ударился плечом о косяк. Дверь захлопнулась, лязгнул внутренний засов, и шут радостно заплясал вокруг меня, хлопая в ладоши.

Полы его шутовского халата уже были предусмотрительно заправлены за кушак, откуда выглядывали рукояти тупого граненого кинжала-дзюттэ и ятагана для подростков.

– Как у Чэна-дурака заболят сейчас бока! – завопил он, возбужденно скалясь. – Заболят сейчас бока от чужого кулака!..

Здоровой левой рукой я попытался дотянуться до засова, но Друдл подпрыгнул, как-то по-крабьи выбрасывая ногу, и острая боль пронзила мой локоть. Вслепую, наугад я отмахнулся правой – и железная перчатка ударила в стену над головой присевшего Друдла, выбивая куски штукатурки. Твердый и костлявый кулак шута чувствительно ткнулся мне под ребра, я попятился, неловко подворачивая ногу, падая на пол...

И увидел над собой холодный блеск маленького ятагана в руке шута Друдла.

Ах, напрасно он обнажил клинок, этот мудрый и проницательный шут, этот расчетливый боец, предусмотревший все или почти все!.. Напрасно, напрасно, потому что тело мое само вспомнило прежние навыки, потому что оно ничего не забывало, мое послушное тело, и пальцы левой руки машинально сомкнулись в кольцо, поднося к губам невидимую чашу с горьким и хмельным вином Беседы!

...Пол, твердый, как утоптанная множеством ног турнирная площадка, моя последняя площадка, и – блеск чужого клинка надо мной... Значит, я опять достоин удара меча?! Удара без снисхождения и жалости?!

Значит, у меня опять есть имя?!

Через секунду ятаган Друдла рубил смеющийся воздух, который звался Чэном Анкором.

О, он был умелым собеседником, он был очень умелым собеседником, мой злой гений, мой шут Друдл, и ятаган его был оригинален и остроумен, задавая неожиданные вопросы и требуя мгновенных ответов – только все это не имело сейчас никакого значения.

Абсолютно никакого.

– Чэн! – послышалось за окном, или не за окном, но посторонние звуки обтекали меня, не затрагивая сути, не отвлекая, а я все купался в брызгах стального водопада... Хмель ударил мне в голову, наследственный хмель Анкоров Вэйских, и спокойная уверенность заполнила меня до краев, как живая рука заполняет собой латную перчатку, согревая своим теплом мертвый металл.

И когда ладонь моя наконец нащупала то, что было единственно необходимым для нее, я завизжал страшно и радостно, и вместе со мной завизжал Единорог, вонзаясь в дверной косяк и намертво прибывая к нему восьмиугольную тубетейку шута.

Непривычное и неприятное ощущение крадучись пробежало по самым задворкам моего сознания и юркнуло в щель между неплотно пригнанными досками забора, отгораживающего Я от Не-Я. Я лишь успел заметить некую раздвоенность, как если бы не одна моя воля вела руку в выпаде; как если бы...

А потом я увидел глаза Друдла.

Слезы стояли в них, и там, за блестящей завесой, животный страх смешался с человеческой радостью.

Совсем рядом с глазами шута моя рука сжимала рукоять меча.

Правая рука.

Железная.

Моя.

– Получилось, – одними губами выдохнул шут. – А я, дурак...

И сполз на пол, теряя сознание.

Часть третья

Меч и его человек

*...Закаленный булатный меч,
Сотворенный для ратных сеч, —
Он в крови не утрачивал злости,
Не тупился о белые кости,
Он на восемьдесят шагов
Удлинялся при виде врагов,
И при этом он был таков:
Острие – хитрей колдуна,
На ребре видны письмена,
Смертоносен его удар!..*

Гэсэр

Глава седьмая

1

До сих пор, когда я вспоминаю о случившемся, меня охватывает страх.

И все-таки я – вспоминаю.

Я, Высший Мэйлания, прямой меч Дан Гьен по прозвищу Единорог, не последний из Блистающих Кабира, – вспоминаю.

Сейчас я лежу на столе, и отблески свечей играют на моей полировке. А тогда – тогда я лежал на полу, сброшенный Придатком Чэном, ринувшимся к двери. Впервые мой Придаток послушался приказа...

За окном жалобно звенела Волчья Метла и лязгали невидимые Тусклые – темный страх ночного Кабира; в дверях выглядывал из-за кушака своего Придатка тупой шут Дзюттэ, и бессильная ярость захлестнула меня от острия до наверхия рукояти, делая клинок теплым и чужим.

– Мерзавцы! – бросил я Дзюттэ и Детскому Учителю. – Позор Блистающих!..

Они не ответили.

Зато ответил их Придаток.

Впервые я видел Придатка, почти умевшего говорить на языке Блистающих – языке ударов и выпадов, мелких подготовительных движений и отвлекающих маневров, языке подлинной Беседы. Если бы Дзю или хотя бы Детский Учитель были бы в этот момент обнажены – я бы понял, я бы не удивился, потому что и сам зачастую ощущал Придатка Чэна своим продолжением, частью себя самого...

Но здесь было что-то иное, неизвестное, здесь был Придаток, умеющий Беседовать без Блистающего.

На долю секунды я отвлекся, забывшись от изумления, – и вот уже Придаток Чэн лежит на полу, скорчившись от боли, а Детский Учитель семьи Абу-Салим в зловещем молчании вылетает из-за кушака своего странного Придатка, описывая короткую дугу, грозящую закончиться у горла Придатка Чэна.

Нет. У горла эта дуга не закончилась бы. Она бы прошла дальше.

– Руби! – истерично расхохотался Дзюттэ Обломок. – Руби, Наставник!..

Если бы я в этот момент был в руке Придатка Чэна!.. Ах, если бы я был там... и пусть все шуты, все Детские Учителя Кабира, все Тусклые эмирата попытались бы остановить бешеного Единорога!..

– Руку! – вне себя закричал я, забыв, кто из нас Блистающий, а кто – Придасток. – Руку, Чэн!

И рука отозвалась. Нет, я по-прежнему валялся на полу, но на миг мне почудилось, что непривычно холодные и твердые пальцы стискивают рукоять, что они тянутся ко мне через разделяющее нас пространство, что я вновь веду Придатка Чэна в стремительном танце Беседы...

А еще мне захотелось тепла. Тепла плоти Придатков, расступающейся под напором моего клинка.

– Руку!..

Я хотел эту руку, словно это действительно была не часть Придатка, а отторгнутая часть меня самого; я хотел объятия этих пальцев, как не хотел никогда ничего подобного; мысленно я уже свистел в душном воздухе комнаты, плетя паутину Беседы вокруг подлеца, неведь как ставшего Детским Учителем...

И Детский Учитель промахнулся. Раз за разом он пролетал мимо, как будто в руке Придатка Чэна на самом деле был я, Единорог во плоти; и вокруг моего смеющегося Придатка метался взбешенный маленький ятаган, полосуя пустоту, пока я не дотянулся до вожделенной руки, или это рука дотянулась до меня, или это мы оба... – и холодные пальцы умело и бережно сомкнулись на рукояти.

Это был лучший выпад в моей жизни.

Лучший еще и потому, что я, Мэйланьский Единорог, визжа от упоения, в последний момент успел опомниться. Да, я направлял руку, но и рука направляла меня, и чудом я успел извернуться, минуя выпученный глаз чужого Придатка и вонзаясь в плотную ткань тюбетейки, а затем – в дерево дверного косяка.

Да, это был лучший выпад в моей жизни.

Я не совершил непоправимого.

Но клянусь раскаленным горном-утробой Нюринги, я был слишком близок к этому...

– Во имя клинков Мунира! – где-то далеко внизу прошелестел голос, который мог быть голосом только Дзюттэ Обломка. – Наставник, мы сделали это!.. Ты слышишь, Наставник – мы...

А потом их Придасток упал, придавив собой обоих Блистающих.

...Дверь открылась. Падая, Придасток Дзюттэ и Детского Учителя задел внутренний засов, сбрасывая его с крюков, и толчок снаружи распахнул дверь настежь. Я увидел тех, кто толпился в коридоре, и понял все, коротким движением высвобождаясь из деревянного наличника.

Понял.

Все.

Там была Волчья Метла, целая и невредимая, там был эсток Заррахид и шипастый Гердан – хозяин кузницы, и волнистый Малый крис-подмастерье, тот, что со змеиной головой на рукояти; там были гигант-эспадон Гвениль и Махайра Паллантис – короче, все комедианты, разыгрывавшие за окном веселое представление, фарс о несчастной разветвленной пике и ужасных Тусклых, фарс для одного-единственного зрителя, для дурака Дан Гьена, отказавшегося смутить испорченного Придатка и поверившего в невозможное...

Они успели. Успели вовремя захлопнуть дверь, сразу после того, как огромный Придасток Гвениля мощным рывком выдернул из комнаты бесчувственного Придатка Дзюттэ и Детского Учителя, вместе с обоими Блистающими – и вновь лязгнул засов, на этот раз внешний.

О, они успели – видно, Небесные Молоты еще не отбили им полный срок, этим хитрым Блισταющим и их Придаткам, – но я успел почувствовать их ужас, когда Мэйланьский Единорог, Придаток Чэн Анкор и его рука...

Когда мы двинулись на них.

И мое острие уперлось в запертую дверь, а двери в этом доме были сработаны на совесть. Только тогда до меня дошло, что Придаток Чэн держит меня в правой руке.

И когда я вздрогнул от запоздалого понимания – стальные пальцы начали медленно разгибаться один за другим, опять становясь тем, чем и были.

Мертвым металлом.

Латной перчаткой.

2

Вот так оно и было.

...Сейчас я вытянулся во всю длину на матовой поверхности стола, Придаток Чэн сидит рядом, опустив на грудь отяжелевшую голову, а стальная рука его лежит всем своим весом на моей рукояти.

Просто – лежит.

И ночь за окном постепенно уходит в небытие, туда, куда рано или поздно уходят все наши дни и ночи.

О чем думал я в эту ночь?

Сперва... о, сперва мысли мои вспыхивали и разлетались во все стороны, как искры от клинка, рождающегося под молотом! Я уже думал о том, что сделаю с обманувшими меня друзьями и предателем-дворецким; я представлял себе Волчью Метлу, умоляющую о прощении; в моих горячечных видениях почему-то вставал пылающий Кабир и гнедой жеребец, несущий меня мимо развалин... а руку в латной перчатке пронзал слабый трепет, когда что-то теплое и сладко пахнущее стекало по моему клинку...

Вот это ощущение и вернуло мне ясность мыслей. Потому что никогда кровь Придатков не струилась по Единорогу.

Никогда.

Не мог я этого помнить.

Зато это помнила стальная перчатка, касавшаяся меня. Нет, в ней не было жизни, и когда металлические пальцы все-таки смогли стиснуть мою рукоять – это нельзя было назвать самостоятельной жизнью. Я даже не знал, сумею ли я заставить эти пальцы повторить то, что произошло совсем недавно.

Это была не жизнь.

Это была память.

Память латной перчатки о тепле и мощи руки, некогда заполнявшей ее; память о шершавой обтяжке рукояти того Блισταющего, чье тело словно выросло из чешуйчатого кулака; память...

Просто я очень хотел, чтобы это случилось. А она – она вспомнила, как это случилось раньше. И когда я потянулся к ней через время и расстояние – моя жизнь на мгновение вросла в ее память, оживляя неживое.

Чудо, которого я ждал и которое обрушилось на меня внезапно, подобно летней грозе, – сейчас я уже не знал, хочу ли я его, этого чуда, и если нет, то сумею ли отказаться.

Потому что я помнил ярость, вспыхнувшую во мне; ярость и жажду, темную теплую жажду, и ужас Блισταющих по ту сторону порога.

Потому что я краем души прикоснулся к чужой памяти, памяти новой руки Придатка Чэна; память старой латной перчатки, части того одеяния, что некогда звалось «доспехами»...

Потому что я понял – как это случалось раньше.
Забыть? Отказаться от коварного подарка судьбы?..

А как же небо над турнирным полем? Падающее на меня небо и полумесяц Но-дачи в нем?!

А Тусклые? Тусклые – и убитые Блισταющие, и ждущий Шешез Абу-Салим, и отчаянный Пояс Пустыни, Маскин Седьмой из Харзы?..

А моя, моя собственная память о случившемся?

Нет. Я не сумею отказаться от этой руки. Я не буду от нее отказываться.

...Осторожно, едва-едва слышно я потянулся к стальной руке-перчатке – и сквозь нее, дальше, через спящие слои ее памяти, обходя их, не тревожа чуткий покой, словно я подзывал Придатка, еще не зная – зачем, еще раздумывая, сомневаясь...

И вскоре почувствовал, как что-то тянется мне навстречу с другой стороны.

Что-то?

Кто-то.

– Кто ты? – тихо спросил я, останавливаясь.

– Кто ты? – эхом донеслось оттуда.

– Я – Высший Мэйлания...

– Я – Высший Мэйлания...

Тишина.

И – стремительным обоюдным выпадом:

– Я – прямой Дан Гьен по прозвищу Единорог! А ты – ты мой...

– Я – Чэн Анкор Вэйский! А ты – ты мой...

Я так и не смог сказать: «Ты – мой Придаток!»

А он? Что не смог сказать он?!

Ты – мой... Я – его?!.

...Латная перчатка, спящая память о забытом времени, зыбкий мост между двумя мирами, объединяющий их в одно целое... и дрогнули неживые пальцы, а кольчужные кольца словно вросли в тело, когда мы вошли друг в друга – Блισταющий и его Придаток, Человек и его Меч; вошли, но не так, как клинок входит в тело, а так, как вошли мы, становясь слитным, единым... каким, наверное, и были, не понимая этого...

Нет, мы не рылись в воспоминаниях друг друга, как вор в чужих сундуках (этот образ был непонятен мне, но Чэн отчетливо представил его, и...), и знания наши не слились в один нерасторжимый монолит, как свариваются полосы разного металла в будущий клинок (не-Блισταющему трудно было в полной мере прочувствовать это, но...); просто...

Просто я не могу передать это словами.

И оба мы замерли, когда из черных глубин памяти латной перчатки донеслись два глухих, еле слышных голоса, ведущих разговор без начала и конца...

– Вот человек стоит на распутье между жизнью и смертью. Как ему себя вести?

– Пресеки свою двойственность, и пусть один меч сам стоит спокойно против неба!..

...Один, – подумал я.

...Один, – подумал Чэн.

...Один, – подумали мы.

Один против неба.

И я понял, что больше никогда не назову Чэна Придатком.

3

Утром дверь в комнату оказалась незапертой.

Чэн сходил умыться, потом, по возвращении, одел меня в ножны, и мы отправились в кузницу.

А в кузнице было на удивление тихо и прохладно. Молчали мехи, не пылал горн, и в углу спиной к нам сидел Придаток-подмастерье, перебирая зародыши будущих Блистающих. Из-за кожаного фартука подмастерья выглядывал Малый волнистый Крис, внимательно следивший за работой своего Придатка.

Дважды Придаток чуть было не пропустил зародыши с недостаточным количеством слоев металла, и дважды Малый Крис внутренним толчком останавливал Придатка, вынуждая еще раз осмотреть спорный зародыш, не давая появиться на свет ущербному Блистающему.

Я молча наблюдал за работой до тех пор, пока Малый Крис не заметил меня.

Он дрогнул – да, на его месте я тоже бы вздрогнул после всего, что было, – и опомнился лишь после довольно-таки невежливой паузы.

– Приветствую тебя, Высший Дан Гьен! – торопливо произнес Крис, и Придаток его живо поднялся на ноги. – Приветствую и...

– И давай поговорим, – закончил я с легкой иронией. – Нет, не по-Беседуем, а просто поговорим. Тебя как зовут?

– Семар, – поспешно ответил он, пока Чэн вешал меня на специальный крюк в оружейном углу, и мне пришлось дважды кивнуть Семару, указав на крюк рядом, прежде чем он меня понял.

Понял и повис возле меня, зацепившись кольцом в зубах змеи-навершия его рукояти.

– Семар, – еще раз представился Крис. – Малый Крис Семар из Малых кузни главы рода Длинных палиц Гердана по прозвищу Шипастый Молчун, и еще...

– Шипастый Молчун, говоришь, – лениво протянул я. – Ну-ну...

– Да, Высший Дан Гьен, воистину так, – звякнул Семар. – А я...

– А ты – Волнистый Болтун, – перебил его я. – Ишь, распелся, как у Абу-Салимов на приеме... Ты в кузнице кто? Ты – хозяин... или почти хозяин. А я – гость. Вот и води себя, как подобает хозяину в присутствии гостя. Пусть хоть и трижды Высшего.

– А мне ваш выпад ужасно нравится, – невпопад брякнул Крис Семар. – Косой. В броске, от самой земли. Я на три турнира подряд из кузни отпрашивался. Гердан бурчал-бурчал, но ничего, отпускал... Очень уж выпад у вас замечательный. А в последний раз я и рассмотреть-то почти не успел. Помешали...

– Кто? – поинтересовался я.

– Да Высший Гвениль и помешал, – бесхитростно разъяснил Семар. – Двуручник, из Лоулезских Эспадонов, вы ж его знаете!.. Придаток ихний дверь перед вами захлопнул, когда вы как раз на второй выпад шли... в нас. Я ж тоже тогда в коридоре был...

Вот оно что! Это, значит, вчера он мой выпад не до конца видел – это когда я тубетейку к косяку прибывал... Нет. Не видел он ничего. Дверь-то уже после тубетейки снаружи открыли... Не повезло тебе, невезучий ты, Малый Крис Семар!.. Если только ты в щель не подглядывал.

Или повезло?

– Я еще Высшему Гвенилю потом говорю, – продолжал меж тем Семар, – что надо было б ему Придатка своего попридержать, ну совсем чуточку, и увидели б мы выпад Единорога во всей красе! А Гвениль глянул на меня, помолчал и старую отливку в углу зачем-то пополам разрубил. Я полночи думал, что же он этим сказать хотел... Лишь к утру додумался.

– И что?

– А то, что до сих пор страшно, – тихо ответил Малый Крис Семар.

С грохотом распахнулась дверь в подсобное помещение, и оттуда выбрался Придаток-повитуха в кожаном фартуке со знаком Небесного Молота на кармане. На его плече возлежал Шипастый Молчун – тяжелая булава-гердан.

Глава рода Длинных палиц. Рода тех Блισταющих, кто исстари следит за кузнецами, тех, кто сродни молоту.

Его утолщение, сплошь утыканное торчащими во все стороны шипами, походило на встрепанную голову Повитухи – и оттого казалось, что кто-то из них двухголовый. А туловище или древко – в зависимости от точки зрения – лишнее.

Ах да, чуть не забыл... Тех Придатков, что стояли у наковальни, где рождались Блισταющие, – но не всех, а лишь тех, чей фартук украшал Небесный Молот, – редко звали Придатками, а чаще Повитухами.

...Чэн резко встал, оставив Придатка-подмастерья в растерянности, и подошел ко мне. Потом он поднял правую руку, негнущиеся стальные пальцы коснулись меня – и снова мы стали целым, только теперь это произошло проще и легче.

Наверное, Крис Семар решил, что я сошел с ума.

Наверное, его Придаток решил, что Чэн Анкор рехнулся.

Просто я узнал, как зовут Герданова Придатка; просто Чэн узнал, как мы зовем Стоящих у наковальни...

Просто мы оба расхохотались, забыв о приличиях.

Уж больно смешно вышло: Повитуха Коблан Железнопалый.

Шипастый Молчун приблизился, и Повитуха Коблан опустил его на пол недалеко от меня. Я покосился на хозяев кузни и... промолчал.

– Приветствую тебя, Высший Дан Гьен, – гулко бухнул об пол тяжелый Гердан.

– Приветствую тебя, Высший Чэн Анкор, – глухо буркнул в бороду кузнец Коблан.

А мы с Чэном все еще словно держались за руки, латная перчатка связывала нас невидимыми, но прочными путами, и оттого каждый из нас вел одновременно две беседы, слышал два голоса... жил за двоих...

И каждый понимал, что две беседы – на самом деле одна, два голоса – почти что один, Гердан Шипастый Молчун и Коблан Железнопалый – о пылающая Нюринга, до чего же мы оказались похожи друг на друга, все без исключения!..

Чэн опустил руку и ушел с Повитухой Кобланом к горну. А мы с Герданом остались. Мы – да еще испуганно притихший Малый Крис Семар.

– Ты вправе гневаться, Единорог, – Гердан говорил медленно, слова давались ему с трудом, и такое самоуничтожение Шипастого Молчуна, да еще в присутствии Малого Криса, еще недавно доставило бы мне огромное удовольствие. А сейчас...

– Ты вправе гневаться, Единорог. И я знаю, что ты сейчас скажешь мне...

– Нет, – перебил я его, – не знаешь. Я скажу тебе, глава рода Длинных палиц, заперший в доме своем Высшего Дан Гьена из Мэйлани и не убоившийся гнева разъяренного Единорога...

Шипастый Молчун напрягся в ожидании.

– Я скажу тебе – спасибо, – закончил я. – И еще вот что... Можно, я пока поживу у тебя? Недолго, денек-другой?

Возле горна изумленно охнул Повитуха Коблан.

Почти одновременно с Герданом.

4

А к полудню приехал мой замечательный дворецкий, мой узкий и преданный эсток Заррахид.

Я встретил его на улице – не на той глухой улочке, куда выходили окна моей темницы, а у парадного, так сказать, входа в дом Гердана.

– Рад видеть вас бодрым и сияющим, Высший Дан Гьен, – как ни в чем не бывало отпартовал Заррахид и приветственно качнул витой гардой. – Осмелюсь спросить – в каких нож-

нах вы соблаговолите отправиться на сегодняшнюю аудиенцию к Шешезу Абу-Салиму фарр-ла-Кабир? Я привез вам те, что с вправленными топазами; потом с белой полосой вокруг набалдашника... потом те, которые вам прислали по заказу из Дурбана, и еще те, которые с медными двойными кольцами, и потом...

На какой-то миг я онемел. А бессовестный Заррахид за этот миг успел хладнокровно вспомнить отличительные признаки десятков двух ножен – я и не предполагал, что имею столь внушительный гардероб!

И то, что я собирался высказать Заррахиду, незаметно отошло на второй план. А там и вовсе куда-то улетучилось.

– Ты что, все это... сюда привез? – наконец опомнился я.

Вопрос оказался излишним. Конечно, привез! Тем более что из-за поворота уже выезжала крытая арба, запряженная двумя тусскими тяжеловозами.

– Там ножны? – хрипло звякнул я, глядя на взмокших лошадей.

– И ножны тоже, – радостно подтвердил эсток. – А также все необходимое для вечернего празднества у Гердана, на которое вы соизволили пригласить Высшего Гвениля из Лоулеских Эспадонов, Волчью Метлу из Высших Хакаса, Махайру Паллантида, Дзюттэ Обломка, а также Детского Учителя семьи Абу-Салим. Прикажете распорядиться?

– Я? Соизволил пригласить?!

– А что, вы хотели бы видеть сегодня вечером других Блистающих Кабира? Кого именно?

– Да нет... если уж видеть – то этих.

– Ну вот, значит, все верно, – легко согласился эсток Заррахид.

«Отличные у меня друзья, – думал я, пока мы с Заррахидом ехали на присланных чуть позже верховых лошадях в загородный дом Абу-Салимов, где мне была назначена аудиенция. – И друзья отличные, и дворецкий отличный, и жизнь – счастливей некуда... и ножны на любой вкус. Это просто я сам, наверное, чего-то не понимаю, все дергаюсь, злюсь, а окружающие только и делают, что беспутного Дан Гьена на путь истинный наставляют. Да вот незадача – не вижу я пути истинного, а вижу великое множество всяких путей, и истины в них поровну... Где он, где единственный путь Дан Гьена, путь Единорога – нет, просто Путь Меча?! Где он?!»

Вот с такими интересными мыслями я и не заметил, как оказался в том самом зале, в котором не так уж давно происходила церемония Посвящения, а проклятый турнир еще только предстоял, и все было хорошо...

Все было хорошо.

Было.

Колыбель новорожденного Придатка по-прежнему стояла на церемониальном возвышении – я не видел от дверей, есть ли в колыбели ребенок, – а в изголовье на родовой подставке мирно спал престарелый ятаган Фархад иль-Рахш фарр-ла-Кабир.

И пусто было в зале...

Я мысленно коснулся Чэна – мне все легче становилось дотягиваться до него не так, как прежде, а через железную руку, которая странным образом становилась общей частью нас обоих, – и мы двинулись было к возвышению, но не дошли.

Во-первых, нас остановил звериный рык.

В металлической клетке у стены метался из угла в угол пятнистый чауш – зверь редкий не только для Кабира, но и для Мэйлани, в окраинных солончаках которого зверь, собственно, и водился. Сам чауш походил на катярских бойцовых собак – короткошерстных, плотных, с узкой крысиной мордой и налитыми кровью глазками, – но был в несколько раз крупнее, с кривыми, не по-собачьи острыми когтями; и хвост чауша не обрубался, как у собак, а от рождения был похож на сжатый кулак, неведь каким образом выросший из зада зверя.

Сейчас этот хвост-кулак дрожал мелкой дрожью и злобно подергивался.

...А во-вторых, меня заставил обернуться голос.

– По-Беседуем, Единорог?

Их солнцеподобие царственный ятаган Шешез Абу-Салим появился бесшумно и внезапно из потайной двери в углу помоста.

Он был в темных нелакированных ножнах, явно подчеркивая этим будничность встречи, и его грузный Придаток держал Шешеза в руке, словно забыв прицепить кольца ножен к кожаному подбиву кушака.

Я не ответил. Предложив мне Беседу, Шешез добивался совершенно определенной цели: проверить лично все то, что он слышал о новом, сумасшедшем Дан Гъене и новой руке его Придатка – а слышал он, вне всяких сомнений, немало.

И в основном – от Дзюттэ Обломка, шута-мудреца. Можно представить, что Обломок растрезвонил Шешезу...

– Это подарок, – Шешез небрежно кивнул в сторону глухо ворчавшего зверя. – Вчера доставили. Ну так как, Единорог, по-Беседуем?

Ятаган коротко лязгнул, до половины высунувшись из ножен и резко войдя обратно, Придаток Шешеза неожиданно легко соскочил с помоста, и я почувствовал, что Шешез Абу-Салим боится меня.

Боится. Для того и клетку со зверем в зал велел поставить, чтоб ярость слепая звериная ему самому храбрости добавила; для того и принимал меня в зале, где спал старик Фархад – славное прошлое Кабира; видать, подточили последние события былую уверенность Ятаганов фарр-ла-Кабир... испытать хочет, а боится!

А я, я сам, быллой, прежний – неужели не убоился бы тот Дан Гъен Беседы с Блистающим, о ком знал бы то, что знал Шешез Абу-Салим обо мне? Если бы ведал – вот передо мной тот, кому доверено правителем преследование Тусклых; тот, кто едва не убил Придатка, служившего Детскому Учителю и шуту семьи Абу-Салим; кто заставил своего собственного Придатка сжать стальные пальцы...

Да, ятаган фарр-ла-Кабир, и я бы испугался. Сознавшись в этом перед самим собой, я в церемонном салюте вылетел из ножен и весело сверкнул навстречу Шешезу.

И ятаган сгоряча не заметил, что его со-Беседник Дан Гъен находится в левой руке Придатка.

В левой.

В живой.

5

...Шешез пошел, как обычно, от левого плеча в полный мах; я увел Чэна назад и скользнул под второй удар, сбрасывая ятаган в сторону и угрозой встречного выпада заставляя Шешеза умерить пыл и перейти к более тщательной обороне.

Ошибся, ошибся сиятельный ятаган, все учел в мудрости своей, да просчитался – не выйдет у него проверки Единорога, сорвется испытание!.. Будь на месте Шешеза эспадон Гвениль или та же Волчья Метла – не совладать мне с ними, оставаясь в левой Чэновой руке; а в правой-то, в железной перчатке, нет у меня уверенности... какая уверенность может быть в чуде, пусть даже в однажды свершившемся?!

Беседуй, ятаган фарр-ла-Кабир, Беседуй, спрашивай, отвечай, да не забывай вовремя сам уворачиваться и Придатка своего уводить! Не рубка у нас сейчас, а Беседа; не сила с весом в почете, а умение Блистающего, так что я для тебя и в левой руке – Мэйланьский Единорог... давай, Шешез, гоняй пыхтящего Придатка, звени веселей, будь ты хоть тридцать три раза фарр-ла-Кабир!..

Я даже успевал думать о постороннем. Есть ли в колыбели новорожденный Придаток или нет; если есть – то почему не плачет в голос от шума нашего? Всерьез ли спит на подставке

старый Фархад, или исподтишка наблюдает древний боец за чужой Беседой? Отчего взбесился пятнистый чауш, отчего раз за разом бросается на гудящую решетку, выпустив кривые кошачьи когти? Ну, тут как раз все понятно, зря подумал, зря отвлекся... А вот то, что Шешезов Придаток уже на помосте – так и мы уже на помосте, и видим то, чего другие не видят!

– Мэй-лань!

Знатно летел Шешез, почти через весь зал летел, выбитый мною, да еще и по полу четыре длины клинка проехал и остановился лишь тогда...

Когда уперся в когтистую лапу.

Не выдержал замок, лопнуло в нем что-то – и распахнулась дверь клетки, выпуская на волю красноглазую злобу; припал зверь к мозаике пола, и торжествующий рык прокатился по залу Посвящения, заметаившись меж колонн.

Лежал на холодных цветных плитках ятаган Шешез Абу-Салим фарр-ла-Кабир; лежал на палисандровом ложе ятаган Фархад иль-Рахш фарр-ла-Кабир; замер в левой руке Чэна Дан Гьен из Мэйлани – и ничего не мог сделать нам освободившийся пятнистый чауш, изготовившийся к прыжку.

Ничего. Зубы его, когти его – ничего.

Да и не стал бы он нам ничего делать.

Стоял на помосте Чэн Анкор из Анкоров Вэйских; стоял рядом с ним запыхавшийся Шешезов Придаток – и ничего не мог сделать им пятнистый чауш, потому что рядом была дверь, рукой подать, та самая дверь, и совсем-совсем рядом...

Не успел бы чауш. Прыгай не прыгай – не успел бы.

А я все думал об одном, хоть и незачем вроде бы Блистающему об этом думать; думал и не мог, не смел отвлечься, боялся отвлечься, да так и не знал...

Есть в колыбели младенец-Придаток или нет его?!

Если нет – вот дверь; вот сталь, которой нипочем клыки и когти...

Если есть – вот дверь, вот сталь... вот зверь и хрупкая плоть в колыбели.

Будущий Придаток Фархада иль-Рахша. Который станет бывшим, так и не став настоящим.

– Ильхан мохасту Мунир суи ояд-хаме аль-Мутанабби! – глухо прозвенело позади меня.

Никогда в своей жизни не слышал я ТАКОГО звона; и неведомо для меня было значение сказанного.

Треснула одна из опор деревянной подставки, две других не выдержали веса старого ятагана, согнулись, спружинили, покачнулся палисандровый постамент...

Я это видел.

Скрежетнули когти по гладкому полу, рывком разогнулись мощные лапы, посылая чауша в воздух с неотвратимостью взбесившейся судьбы...

И это я видел.

Двое летели навстречу друг другу: освободившийся зверь, обуянный жаждой убийства, и обнаженный ятаган Фархад, чьи ножны зацепились кольцом за обломившуюся опору подставки, пославшую Блистающего в полет.

– ...Мунир суи ояд-хаме аль-Мутанабби! – эхом прозвучало во второй раз. Грозно и непонятно.

А потом Чэн, словно во сне, протянул правую руку и легко поймал Фархада за рукоять.

Впервые мой Придаток держал одновременно со мной другого Блистающего; но разве не впервые существовал Придаток (опять это проклятое слово!) с невесть чьей латной перчаткой вместо руки?!

Сгоряча я даже и не заметил – почти не заметил, – что вновь думаю о Чэне как о Придатке, а потом я внезапно увидел пылающий Кабир, проступивший сквозь стены зала, гневно заржал призрачный гнедой жеребец, и я сделал то, что должен был сделать.

Сделал.
Сам.
Или не сам?..
Но я это сделал.

6

...Придаток Шешеза тяжело спустился с помоста, словно прошедшие мгновения составили его на добрый десяток лет – срок, ничтожный для Блистающего, но не для Придатка, – и, обойдя убитого чауша, приблизился к лежащему Шешезу.

Нагнулся.

Поднял.

Шешез Абу-Салим фарр-ла-Кабир молчал.

Его Придаток еще немного постоял и вернулся к мертвому зверю. Присев у тела, он замер на корточках; Шешез осторожно потянулся вперед и почти робко коснулся разрубленной головы с навечно оскаленной пастью.

Разрубленной.

Чисто и умело.

Как умели это делать ятаганы фарр-ла-Кабир, рубя неживое; и я еще подумал, что легенды о Фархаде могут оказаться правдой, и старый ятаган рубил некогда многое, о чем не стоит лишний раз вспоминать.

Окровавленный Фархад иль-Рахш по-прежнему находился в правой руке Чэна.

Потом Шешез толкнул голову чауша, и та запрокинулась, открывая бурую слипшуюся шерсть на пронзенной насквозь шее зверя.

Ятаганы так не умеют.

Так умею я.

О Дикие Лезвия, ставшие Блистающими, – как же это оказалось просто! До смешного просто!..

И я негромко рассмеялся. Смерть и смех – вы, оказывается, часто ходите рядом!

Да, сегодня передо мной и Фархадом был зверь, дикий безмозглый зверь, хищный обитатель солончаков, – но, может быть, с Придатками все получается так же просто? Так же естественно? Значит, дело не в руке – верней, не только в руке из металла, – но и во мне?! В кого ты превращаешься, Мэйланьский Единорог? Куда идешь?!

Неужели таков Путь Меча?!

Чэн спрыгнул вниз, подошел к Придатку Шешеза и отдал ему Фархада. Сам Шешез Абу-Салим слабо вздрогнул, когда его Придаток коснулся железной руки Чэна; я сделал вид, что ничего не произошло, и тщательно вытерся о шкуру убитого чауша.

Так, словно не раз делал это раньше.

– Фархад! – тихо позвал я потом (мне легче было обращаться к старому ятагану, когда его держал чужой Придаток). – Фархад иль-Рахш фарр-ла-Кабир!

Он не отозвался.

Он спал. Или притворялся. Или думал о своем.

Какая разница?

– Что ты хочешь спросить... Высший Дан Гьен? – ответил вместо иль-Рахша Шешез, и голос его был неестественно бесстрастен.

– Я хочу знать, что кричал Блистающий Фархад перед тем, как...

Я не договорил.

Шешез Абу-Салим поднял на ноги своего Придатка, возвратился к сломанной подставке, долго смотрел на нее, а потом его Придаток осторожно положил иль-Рахша просто поперек колыбели, так и не облачив его в потерянные ножны.

– Здесь никого нет, – бросил Шешез, отвечая на еще один вопрос, который я так и не задал вслух. – Дитя-Придаток Фархада в другом месте. В этой колыбели он только спит по ночам, да и то не всегда. Значит, Высший Дан Гьен, ты хочешь знать, что кричал мой двоюродный дядя Фархад?.. Он кричал: «Ильхан мохасту Мунир суи ояд-хаме аль-Мутанабби!» Я и не думал, что когда-нибудь услышу этот забытый язык, да еще в своем доме...

Я ждал.

– Это означает, – сухо продолжил Шешез Абу-Салим, – это означает: «Во имя клинков Мунира зову руку аль-Мутанабби!» Ну что, ты доволен, Единорог?

Мое прозвище почему-то далось ему с трудом.

– Аль-Мутанабби? – задумчиво лягнул я, опускаясь в ножны. – Это Блистающий?

И тут же устыдился собственной глупости. Раз у этого аль-Мутанабби была рука – кем он мог быть, если не Придатком?

Шешез будто и не заметил моего промаха.

– В роду Абу-Салим, – заметил он, – бытует старое предание, что когда южный поход Диких Лезвий увенчался взятием Кабира и лучший ятаган нашей семьи стал первым фарр-ла-Кабир... так вот, его Придатка якобы звали Абу-т-Тайиб Абу-Салим аль-Мутанабби. И я не раз слышал от того же Фархада, что в черные дни Кабира вновь придет время для руки этого Придатка. Правда, я всегда посмеивался над велеречивостью старика, когда он в очередной раз принимался излагать мне одно и то же...

– Во имя клинков Мунира зову руку аль-Мутанабби... – повторил я. – А клинки Мунира – это тоже из ваших родовых преданий? И кто такой Мунир? Имя? Город? Местность?

– Не знаю, – ответил Шешез, – ничего я толком не знаю... Я знаю только, Единорог, что время испытаний для тебя закончилось. И еще кое-что закончилось...

Он резко взлетел вверх и описал двойную дугу над головой своего Придатка.

– Смерти! – взвизгнул ятаган. – Смерти, убийства, несчастные случаи, призраки Тусклых – все это закончилось! Тишь да гладь! Вот уже две недели, как в Кабуре все спокойно! И я не могу больше, я все время жду неведомо чего, я боюсь собственной тени... Это проклятое затишье вымотало меня хуже ежедневных сообщений об очередных убийствах! И вдобавок этот харзиец, пылающий ненавистью, этот Пояс Пустыни... последнее его сообщение было с дороги Барра, что ведет к границе с Мэйланом, – и с тех пор он молчит! А сообщал, что напал на след... Выходит, однако, что след напал на него...

Шешез успокоился так же неожиданно, как и вышел из себя.

– Мир переворачивается, Единорог, как песочные часы, и прошлые песчинки вновь сыплются в чашу настоящего... Я схожу с ума от неизвестности, Кабир мечется от стены ужаса к двери благополучия, ты веришь Дзюттэ Обломку и пытаешься спасти испорченного Придатка, Маскин Седьмой из Харзы... он учится убивать, Шипастый Молчун заставляет своего Повитуху приклепать твоему Чэну неизвестно чью руку, а Фархад глядит на нее и взывает к руке аль-Мутанабби!.. Наверное, и впрямь настали черные дни Кабира! А я – я плохой правитель для черного времени... слишком уж долго за окнами было светло.

И я понял, что аудиенция закончена.

А еще я вспомнил, что в тот момент, когда в доме Гердана впервые сжались стальные пальцы, Дзюттэ Обломок сказал почти то же самое, что и Фархад иль-Рахш.

Дзюттэ сказал: «Во имя клинков Мунира!..»

Глава восьмая

1

А вечеринка – или празднество, как пышно выразился Заррахид, – прошла на редкость успешно.

Гости были милы и подчеркнута беззаботны, Гвениль все время острил и все время неудачно, зато Махайра – удачно, но тому же Гвенилю стоило больших трудов не обижаться на Бронзового Жнеца; Заррахиду я строго-настрого запретил прислуживать – для этого понадобился приказ по всей форме о переводе эстока на сегодняшний вечер в ранг гостя, – и теперь мой Заррахид рьяно ухаживал за Волчьей Метлой и был совершенно неотразим...

Детский Учитель семьи Абу-Салим молчал, как всегда, но молчать он умел весьма выразительно, передавая различные оттенки настроения, – и я решил, что на этот раз Детский Учитель молчит доброжелательно. Помалкивал и Обломок, словно растеряв с того памятного дня изрядную долю своих причуд и чудачеств.

Беседы велись исключительно светские, не на победу, а так – для развлечения, с многочисленными уступками Беседующих сторон друг другу, и я просто диву давался, глядя на галантного эспадона или почти благопристойного Дзюттэ.

Сам я в Беседах не участвовал, довольствуясь ролью зрителя и – иногда – третейского судьи. Меня останавливала отнюдь не неуверенность в железной руке – после убитого чауша я не сомневался в ее своеобразных возможностях и лишь слегка побаивался их, – а просто я по гарду был сыт происшедшим, да и гости мои старались не очень-то задевать Единорога.

На всякий случай. Тем более что случаи в наше смутное время действительно пошли – всякие...

«Да, наверное, – думал я, глядя на Придатков, уходящих по завершению Бесед к накрытому столу, и на друзей-Блистающих, собравшихся в оружейном углу вокруг тяжеловесного Гердана и оживленно спорящих о чем-то, – наверное... Если очень постараться, то они все обучатся... обучатся убивать. Собственно, почему «они»? Нас, нас всех можно научить щербить и ломать друг друга, бесповоротно портить Придатков, бешено кидаться вперед с горячим от ярости клинком; и кровавая пена будет вскипать на телах бывших Блистающих... И в конце концов мы разучимся Беседовать, ибо нельзя Беседовать в страхе и злобе».

За столом Придатков раздался взрыв хохота, а в оружейном углу Дзюттэ блистательно изобразил помесь кочерги и Шешеза Абу-Салима, отчего восторженные зрители весело взвизгнули – не переходя, впрочем, определенных границ. Что позволено шуту... то позволено шуту, а смеяться позволено всем.

«Странно, – думал я, вежливо блеснув улыбкой, – мир так велик, а я никогда не забредал даже в мыслях своих за пределы Кабирского эмирата и граничащих с ним земель вроде того же Лоулеза! А живьем я и вообще почти ничего не видел, кроме Мэйлани да Кабира! Что происходит там, далеко, не у нас? А там ведь наверняка что-то происходит! Откуда приехал в свое время в Кабир эсток Заррахид? Да разве он один... Как ТАМ – так же, как у нас, или по-иному? Может быть, то, что для меня – память латной перчатки, для них – реальность нынешнего дня?!»

Чтобы отвлечься от невеселых размышлений, я более внимательно глянул на Придатков за столом и увидел, как мой Чэн неловко опрокинул полный кубок, по привычке ткнув в него правой рукой.

«Интересно, а сможет ли он, Чэн Анкор, вообще взять что-нибудь этой рукой – что-нибудь, кроме Блισταющего? Кубок, тростниковый калам для письма, поводья? А ну-ка попробуем с другой стороны...»

Я расслабился, обвиснув на крюке, мысленно дотянулся до перчатки, прошел сквозь нее к Чэну – и он почувствовал это, он поднял металлическую руку и с удивившим даже меня упрямством вновь потянулся к опрокинутому кубку, под которым расплывалось по скатерти багровое пятно.

Да, умница, правильно, а теперь забудь про кубок... представь себе, что берешь меня... вспомни рельеф моей рукояти... ну ладно, давай пробовать вместе...

Стальные пальцы неуверенно дрогнули, потом слабо зашевелились, словно и впрямь припоминая нечто, – и плотно охватили кубок. Чэн сперва с удивлением смотрел на это, но удивление быстро проходило, и ему на смену явились понимание и радость.

Тихая, спокойная радость. Значит – могу... то есть – можем.

Можем. Кубок, калам, поводья, что угодно. Вот только почему Я так счастлив от этого события? Ведь скажи кому из Блισταющих о подобных отношениях с Придатком – не поверят. Решат, что рехнулся Единорог. На почве перенесенных страданий.

Ну и пусть. Просто они еще не знают о том распутье, на котором сходятся Путь Меча и Путь Придатка; а дальше, возможно, ведет всего один Путь.

Просто – Путь.

Один против неба.

И мне вдруг захотелось вслух задать мучившие меня вопросы – хотя бы малую их толику! – но задать их не Дзюттэ Обломку или тому же Детскому Учителю, а спросить и выслушать ответы Придатков.

Как?

А вот так...

Чэн уже стоял рядом со мной. И через мгновение, когда я оказался у него на поясе, а железная рука коснулась моей рукояти, усиливая чувство цельности, – через мгновение мы не сговариваясь шагнули друг в друга на шаг дальше, на шаг глубже, чем делали это до того.

Теперь мы были не просто вместе, не просто Чэн и я – нет, получившееся существо, скорее, должно было называться Чэн-Я или Я-Чэн, в зависимости от того, чей порыв в том или ином поступке оказывался первым.

Так оно и случилось, легко и естественно, и настолько быстро, что не осталось времени ни обрадоваться, ни пожалеть.

Посему Я-Чэн не жалел и не радовался.

2

Чэн-Я помедлил, одернул халат и вернулся к столу.

Я-Чэн мельком отметил, что, похоже, никого не беспокоило кратковременное отсутствие Чэна Анкора. Да и возвращение с Единорогом на поясе тоже никого особо не удивило. Мало ли...

Разве что чуть внимательнее прочих поглядел на Чэна-Меня Придаток Дзюттэ Обломка и Детского Учителя семьи Абу-Салим, которого сами Придатки звали Друдлом.

Друдл Муздрый, шут их величества эмира Кабирского, Дауда Абу-Салима.

Дзюттэ Обломок, шут царственного ятагана Шешеза Абу-Салима фарр-ла-Кабир.

И пусть после этого кто-нибудь попробует убедить меня, что мы не похожи друг на друга! Мы, Блισταющие и Придатки, мы...

Пусть это знаю пока один я, пусть один я...

Один против неба.

А пока я незаметно отошел на второй план, превращаясь из Меня-Чэна в Чэна-Меня, и сам не заметил, как Придатки за столом обрели имена и перестали быть Придатками.

Став людьми.

Чэн-Я улыбнулся собравшимся, пододвинул высокий мягкий пуф из привезенных дворечким и сел рядом с увлеченно жующим Фальгримом, отметив попутно, что даже в доме Коблана прочно укоренилась западная мода есть за столом, а старый обычай сидеть на подушках за дастарханом если где и сохранился, то уж наверняка не в Кабире.

...Кстати, у стола Меня-Чэна ожидал приятный сюрприз. Оказывается, Чэн – просто Чэн, еще до опрокинутого кубка – уже успел задать кузнецу Коблану вопрос о клинках Мунира.

Так что ответ ждал нас.

Если, конечно, то, что Чэн-Я сейчас услышу, можно будет счесть ответом...

– Жили некогда, – распевно начал дождавшийся Чэна Коблан, – два великих мастера-оружейника, и звали их Масуд и Мунир. Некоторые склонны считать их Богами Небесного Горна или демонами подземной кузницы Нюринги, но я-то лучше многих знаю, что всякий кузнец в чем-то Бог и в чем-то Демон, и не верю я досужему вымыслу. Люди они были, Масуд и Мунир, если были вообще... А вот в то, что был Масуд учеником Мунира и от него получил в свое время именное клеймо мастера, – в это верю. И не было оружейников лучше их. Но заспорили они однажды – чей меч лучше? – и решили выяснить это старинным испытанием. Ушли Масуд и Мунир, каждый с тремя свидетелями из потомственных молотобойцев и с тремя свидетелями из людей меча, ушли в Белые горы Сафед-Кух...

Кузнец грустно встал, прошел к маленькому резному столику на гнутых ножках и взял пиалу с остывшим зеленым чаем. Он держал ее легко, бережно, и было совершенно непонятно, как корявые, обожженные пальцы Железнопалого, подобные корням вековой чинары, ухитряются не раздавить и даже не испачкать тончайшую белизну фарфоровых стенок.

– И вонзили оба мастера по лучшему клинку своей работы в дно осеннего ручья, чьи воды тихо несли осенние листья. И любой лист, наткнувшийся на меч Масуда, мгновенно рассекался им на две половинки – столь велика была жажда убийства, заключенная в лезвии. А листья, подплывавшие к клинку Мунира, огибали его в страхе и невредимыми плыли дальше по течению.

Коблан помолчал, шумно прихлебывая чай.

– Говорят, – наконец продолжил он, – что ударила тогда в ручей синяя молния с ясного неба, разделив его на два потока. И был первый поток, где стоял мудрый меч мастера Мунира, желтый от невредимых осенних листьев. И был второй поток, где стоял гордый меч мастера Масуда, красный – словно кровь вдруг потекла в нем вместо воды. И разделились с той минуты пути кузнецов. Мунир с двенадцатью свидетелями ушел от ручья, а оставшийся в одиночестве Масуд прокричал им в спину, что наступит день – и у него тоже будет дюжина свидетелей, не боящихся смотреть на красный цвет. Страшной клятвой поклялся в том Масуд, и тогда ударила с неба вторая молния, тускло-багровая... Овернулся Мунир – и не увидел ученика своего, Масуда-оружейника, и меча его тоже не увидел. А два горных ручья тихо несли в водах своих осенние листья...

И еще помолчал кузнец Коблан, словно тяжело ему было говорить, но – надо.

– Вот с тех пор и называют себя кузнецы Кабира, Мэйлания, Хакаса и многих других земель потомками Мунира. Вот потому-то и призываем мы благословение старого мастера на каждый клинок, выходящий из наших кузниц. И семихвостый бунчук кабирского эмирата желтого цвета – цвета полуденного солнца, цвета теплой лепешки, цвета осенних листьев, безбоязненно плывущих по горному ручью...

– А Масуд? – тихо спросила Ак-Нинчи. – Он что, так и не объявился?

– Пропал Масуд. Только поговаривали, что согласно данной клятве отковал он в тайной кузне двенадцать клинков, и тринадцатым был клинок из ручья испытания. Тусклой рожда-

лась сталь этих мечей, и радуется их красный цвет крови человеческой. И когда ломается один меч из Тусклой Дюжины, то вновь загорается горн в тайных кузницах, и проклятый Масуд-оружейник или один из его последователей – а нашлись и такие – берет тяжкий молот и идет к наковальне. Глухо рокошет пламя в горне, стонет железо под безжалостными ударами, и темное благословение Масуда призывается на одержимый меч. Или и того хуже – не новый клинок кует кузнец, а перековывает старый, что был ранее светлым, светлым и...

– А с чего бы это тебе, Высший Чэн, – вдруг перебил кузнеца шут Друдл, – с чего бы это тебе сказками старыми интересоваться? Вроде бы не водилось за тобой раньше любознательности излишней...

Я-Чэн ответил не сразу. Чэн-Я неотрывно смотрел на шута, на коренастого плотного человечка в смешном и куцем халате враспояску – и видел круглую физиономию с черной козлиной бородкой, которую Друдл непрерывно пощипывал, видел съехавшую на затылок фирузскую тюбетейку, пробитую мной и после аккуратно заштопанную; видел...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.